

sf_fantasy

Дарья
Снежная

Роли леди Рейвен

В юности леди Эрилин Рейвен мечтала о том, о чем и положено мечтать леди: о балах, нарядах и удачном замужестве, которое случится, конечно же, по большой и светлой любви. Но косвенное участие почтенного виконта Рейвена в заговоре против короны поставило крест на всех этих мечтах, оставив его дочери выбор между двумя ролями: старой девы, мирно доживающей свой век за вышиванием и сплетнями, или жены торговца средней руки, из тех, кто мог бы польститься на ее титул и более чем скромное приданое. Впрочем, есть еще путь, но ведь леди так не поступают, верно?

ru

Кааа

FictionBook Editor Release 2.6.7
22 September 2019
C4BEFDB9-E437-4BA3-89A8-9DEA10C38F6B
2.024

1.0 — создание файла (Кааа)

Дарья Снежная «Роли леди Рейвен. Книга первая»
Эксмо
Москва
2019
978-5-04-103784-0

ББК 84(2Рос=Рус)6-44 С53 Разработка серийного оформления А. Саукова, Ф. Барбышева
Иллюстрация на переплете С.Дудина Роли леди Рейвен. Книга первая / Дарья Снежная. — Москва:
Эксмо, 2019. — 352 с. Ответственный редактор Е. Харламова Литературный редактор Е.
Афанасьева Художественный редактор А. Сауков Технический редактор М. Печковская
Компьютерная верстка Е. Мельникова Корректор В. Кочкина Подписано в печать 29.07.2019.
Формат 84x108 1/32. Гарнитура «Гарамонд». Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,48. Тираж 3000 экз.
Заказ № 43586.

Дарья Снежная

РОЛИ ЛЕДИ РЕЙВЕН. КНИГА ПЕРВАЯ

Роль 1 ЛЮБОВНИЦА ГЕРЦОГА

— Благодарю вас, господа. Вы можете быть свободны.

Властный голос человека, привыкшего отдавать распоряжения с малых лет, перекрыл еле слышные шепотки еще не утихшего до конца собрания.

Бездонно-черный взгляд герцога Тайринского, главы департамента по контролю применения магии, строго скользнул по подчиненным, остановился на мне и тут же сделался еще строже и тяжелее.

— Вас, леди Рейвен, я попрошу задержаться.

Зашумели отодвигаемые стулья. Мужчины со сдержанным гомоном взаимных прощаний и остаточных обсуждений двинулись к дверям. Я осталась сидеть с лицом досадливым и скорбным, чем несказанно порадовала господина Трейта, моего непосредственного начальника. Высокий и тощий, как жердь, первый криминалист одарил меня взглядом, полным несомненного ликования, лишней раз убедив в том, что прямо перед собранием он беседовал с герцогом обо мне. И явно не премию любимой работнице выбивал!

Со мной тоже прощались. Кто-то раздраженно, кто-то вполне добродушно, но все — с неизменным снисхождением, от которого сводило зубы и хотелось с очаровательной женской неуклюжестью уронить каждому на ноги по тяжелому позолоченному подсвечнику. А некоторым — на голову.

Постепенно малая столовая герцогского особняка на Северной улице опустела. Нас покинули даже дворецкий и два лакея, бесшумно прикрыв за собой дверь. Герцог Тайринский, сидящий на противоположном от меня конце стола, откинулся на спинку стула, покачивая в пальцах бокал с вином. От его пристального взгляда по позвоночнику пробегали нервные мурашки. Интересно, на что ему в очередной раз жаловался Трейт? На мой непрофессионализм? Отсутствие опыта? На то, что все женщины от Дьявола и нас лучше поскорее сжечь? Нет, конечно, не всех, господин первый криминалист человек неглупый! Некоторых придется оставить для продолжения человеческого рода. Но к их выбору стоит подойти крайне ответственно. А остальных — сжечь! И вообще к «разведению» женщин давно пора начать применять принципы селекции...

— Как вам ужин, леди Рейвен? — Низкий голос выдернул меня из размышлений о начальственном мировоззрении, но вопрос проскользнул мимо.

— Что? — переспросила я, вскинув голову.

— Ужин. — Герцог кивнул на стол, уже опустевший, за которым только что восседали работники криминалистического отдела.

— Вполне, благодарю, — благовопитанно кивнула я. — Мои комплименты повару насчет форели. Но ему стоит поработать над десертом — слишком сладко.

— Леди не любит сладкое? — Линию его губ тронула едва заметная усмешка.

— Леди не любит слишком, — поправила я и прекратила ломать комедию. — И вообще, чтобы заманить меня к себе, вовсе не обязательно было устраивать этот цирк с совещательным ужином. Мог бы просто пригласить. Я бы приехала.

— Я учту. — Кьер тоже отбросил маску светской отстраненности и улыбнулся уже шире, в черных глазах мелькнули смешинки. — От женщин никогда не знаешь, чего ждать. Как утверждает один очень опытный человек, мнению которого я безгранично доверяю: «Все они — от Дьявола!»

Я мысленно поаплодировала себе за догадливость.

— Где жечь будешь? — невозмутимо уточнила я. — Прямо здесь или прогуляемся до площади Святого Талисия?

[1]

— К величайшему сожалению господина Трейта, на этот вечер у меня другие планы.

Казалось бы, голос звучал ровно, но все равно в животе сладко екнуло, а сердце застучало быстрее.

Кьер сделал глоток и поднялся. Массивный, широкоплечий, он двигался тем не менее с удивительной грацией. Грацией большой дикой кошки. Черногривый лев. Я видела как-то такого в зверинце. Огромный, со спокойным, полным собственного достоинства взглядом, поджарым телом и тяжелыми лапами, каждая — что моя талия в объёме. Стучать по прутьям его клетки не решались даже самые отважные сорванцы.

Ощущение, что я по самоубийственной глупости сую голову в пасть этому зверю, мелькнуло и пропало, когда герцог подал мне руку.

Я вложила пальцы в широкую ладонь и потянулась вверх вслед за приглашением. Хищно раздулись крылья носа, втягивая аромат моих духов, когда я оказалась прижата почти вплотную, и Кьер, помедлив мгновение, отступил на шаг.

— Мне нужно отлучиться, отдать несколько распоряжений. Тебя проводят.

И, мимолетно коснувшись губами моих пальцев, он стремительно покинул столовую. Я прижала обласканную руку к груди и несколько раз нервно похлопала по ткани блузки, пытаюсь утихомирить распалившееся сердце. Так не годится. Леди должна оставаться леди.

Безукоризненной. Отстраненной. Сдержанной. В любой, даже самой провокационной ситуации. Зря, что ли, маменька тратила силы и драгоценное здоровье на мое воспитание?

Знала бы она, конечно, в какой ситуации я ее воспитание помяну...

Улыбнувшись собственным мыслям, я вышла в коридор. Лакей в чопорной черной ливрее одарил меня полупоклоном.

— Миледи, прошу.

Меня проводили в гостиную и оставили в одиночестве. Интересно, как ее называли в доме? Зеленая? Изумрудная? Диваны и кресла обиты темным бархатом, на тяжелых портьерах — золотые кисти. Я выглянула в окно, несколько мгновений полюбовалась на ночную столицу, лежащую у подножия Королевского холма, как на дне пиалы, и снова вернулась взглядом к интерьеру. Камин с выпуклой объемной лепниной, над ним на полке — тяжелые литые подсвечники и огромное, до потолка, зеркало в такой же тяжелой раме. Все вокруг дышало роскошью и родовитостью.

Мне вспомнилась наша гостиная — единственная, а потому без названия, — и губы снова сами собой расплылись в улыбке. Настолько чуждыми были здесь мамины фарфоровые статуэтки, кружевные салфетки и подушечки с бахромой.

Я направилась к камину, мимоходом проведя рукой по спинке кресла. Темное дерево, массивное, надежное, как и его владелец. Огромный английский

[2]

ковер на полу, прекрасно глушащий шаги. Если бы кто-то вознамерился подойти со спины и стукнуть меня по затылку, ему даже не пришлось бы для этого сильно подкрадываться.

Мысль была противная, я на всякий случай оглянулась и вздрогнула всем телом — Кьер, которого мгновение назад в комнате не было, стоял в паре шагов от меня.

— Я тебя напугал. — Он шагнул вперед, протягивая мне бокал с солнечно-янтарным напитком.

— Нервный выдался день. — Я повела плечами, словно пыталась сбросить с них накопившийся груз.

— Это поможет.

Он кивнул на зажатый в пальцах бокал, который я машинально приняла, тут же про него забыв.

— Там успокоительное? — насмешливо уточнила я, поднося бокал к губам. Ноздри щекотнул медово-фруктовый аромат с легкими цитрусовыми нотками. Сотерн. Солнечное вино, густая сладость, тающая на языке, прокатывающаяся по горлу теплым ярким комочком, дарующая мгновенное ощущение покоя и уюта.

— В какой-то степени.

Кьер наблюдал за тем, как я пригубила вино, с заинтересованным прищуром. Кажется, он не до конца верил в мою решимость и ожидал, что вот-вот я спохвачусь, опомнюсь, схвачусь за голову, упаду в обморок и, не выходя из него, умчу домой к маменьке, занюхиваясь солями.

Откуда ему знать, что, к величайшему сожалению моих дорогих родителей, привычки отступать среди моих достоинств (или недостатков) не водилось. У меня было время, чтобы

взвесить все «за» и «против», и я не намеревалась больше предаваться этим пустым размышлениям, хоть внутри все звенело от волнения, напряжения и томительного ожидания. Я вскинула глаза на герцога и прикусила нижнюю губу, слизывая с нее сладкие солнечные капли.

Приглашение было оценено по достоинству.

Несмотря ни на что, поцелуй все же застал меня врасплох. И он не походил на те, которыми нам довелось обменяться раньше, — случайные, обрывающиеся на полувдохе, после которых тяжело смотреть друг другу в глаза и просто невыносимо находиться в одном помещении. Нет, сейчас все было по-другому. Он целовал меня, зная наверняка, что может свободно позволить себе не только поцелуи. И это оказалось так... многообещающе.

Одна рука обвилась вокруг талии, с силой прижимая меня, практически впечатывая в массивное, твердое тело. Другая скользнула в волосы, безнадежно руша прическу, упорно пробираясь сквозь нагромождение шпилек и локонов, чтобы обхватить затылок, лишить малейших путей к отступлению.

И я, никогда не выносившая даже малейшей мысли о том, что какой-то мужчина вне рабочих отношений будет диктовать мне, что делать, и подчинять меня своей воле, внезапно разомлела, как кошка, от исходящей от него ауры власти и силы. Выгнулась, подалась вперед, безоговорочно подчиняясь любым его желаниям. Находя именно сейчас небывалое упоение в том, чтобы быть слабой и незащищенной женщиной.

Бокал, снова забытый в руке, выскользнул из ослабевших пальцев и, расплескав вино по юбке, с мелодичным хрустальным звоном разбился о чугунную предтопочную плиту.

Кьер оторвался от моих губ, при этом не отстраняясь, так что шепот и теплое дыхание касались их почти как поцелуи, только легкие и невесомые.

— Только приехала, а от тебя уже неприятности, Эри.

— С каких пор герцог считает неприятностью разбитый бокал?

Мне с большим трудом удавалось удерживать равновесие в такой позе, чтобы не повиснуть полностью на его руках, не цепляться за его плечи, как за спасательный круг, и сохранить хотя бы легкий налет независимости.

— Говорят, это к несчастью.

— С каких пор маг верит в приметы?

— С тех самых, как дьявол дернул меня оставить тебя на этой работе. Говорил мне Стайн, женщина на королевской магической службе — быть беде.

Сложно не согласиться, давненько уже департамент не был настолько бессилён поймать преступника. Но вслух я озвучила совсем другое:

— Для того, кто давно пытается зажать меня в темном углу, ты слишком много разговариваешь.

— О нет, моя дорогая. — Кьер расплылся в улыбке, не так часто полностью озарившей его лицо, а у меня от этого обращения ворох мурашек пробежал по позвоночнику и тягуче дернуло внизу живота. — Я просто умею не торопиться и получать всю выгоду из представившихся мне возможностей.

Я сдалась и расслабилась, полностью откидываясь на поддерживающие меня ладони, зная, что те не отпустят и не уронят. Герцог вернулся к прерванному занятию. Короткий поцелуй, легкий укус за нижнюю губу, и он спустился ниже, обжигаяще касаясь подбородка, тончайшей кожи на незащищенно открытой шее, щекоча ее кончиками падающих на лоб черных волос. Потянул за кончик банта, и темная плотная лента беззвучно стекла на ковер, открывая путь к спрятанным в кружеве пуговицам...

Только когда он ухватил меня за запястье, положив мою руку себе на шею, пришло внезапное осознание — я настолько увлеклась тем, что он и его прикосновения творят с моим телом и разумом, что совершенно забыла, что и сама могу двигаться и следовать собственным желаниям, а не только наслаждаться чужими.

И очень захотелось избавиться Кьера от сюртука, расстегнуть рубашку. С первого дня нашей встречи мне всякий раз казалось, что таким плечам тесно в любом строгом одеянии. А еще было страшно любопытно, какова на ощупь эта неприступная машина, потому что под одеждой он казался отлитым из стали или выточенным из цельного куска скалы.

Реальность оказалась куда приятнее — гладкая горячая кожа, перекатывающиеся под ней жесткие мышцы. И едва заметная внутренняя дрожь от моих прикосновений, точно такая же, какую вызывали во мне его.

Я прижалась к Кьеру грудью, выглянувшей в «декольте» расстегнутой блузки — тело к телу, кожа к коже, — и герцог совсем негромко, но отчетливо зарычал мне в ухо, которое только что целовал. Пальцы впустую смяли ткань, безнадежно пытаюсь добраться до меня сквозь застёжки и корсет.

— Я хочу порвать на тебе эти тряпки, перекинуть через плечо и утащить в спальню.

— Что же тебя останавливает? — самонадеянно поинтересовалась я, уже прикидывая, какая картина предстала бы в таком случае оказавшейся в коридоре прислуге.

Кьер подначку оценил.

— Придется покупать тебе новые.

В черных глазах плясали бесовские отблески каминного огня — умопомрачительно красиво.

— Или я не смогу выйти из спальни, и тебе придется терпеть меня каждую ночь, — продолжала дразниться я, наслаждаясь своей маленькой властью здесь и сейчас.

— Не искушай меня, Эрилин. — Голос его резко сел.

— Хорошо, не буду. — Я демонстративно отстранилась, оправила сползший с плеча рукав, складки на юбке и принялась застегивать пуговицы.

Тут Кьер расхохотался. Я никогда не думала, что он умеет так смеяться. Совершенно искренне, легко, заразительно, так что мне даже пришлось скривить губы, чтобы самой удержать смех.

— Пойдем, — он протянул мне руку. — Идею с «через плечо» я оставляю как-нибудь на потом. Я уже собиралась вложить пальцы в широкую ладонь, как машинально их отдернула — в дверь громко постучали.

— Милорд? Прошу прощения, милорд...

Кьер весь напрягся, на лицо набежала тень. Казалось, он еле сдержался, чтобы не запустить в дверь сгустком огня и не испепелить к чертям того, кто посмел вмешаться.

— Что? — От грозного рыка даже у меня похолодели кончики пальцев.

— Срочное послание из дворца, милорд. Его величество желает видеть вас прямо сейчас.

Самообладание и в этот раз герцога не покинуло, хоть и далось с огромным трудом. Кьер на мгновение прикрыл глаза, глубоко и медленно выдыхая, и, не открывая их, припечатал:

— Пусть подадут мою лошадь. Немедленно.

А затем он посмотрел на меня с неммым вопросом во взгляде — стоит ли договаривать: «И экипаж для леди»?

Я шагнула к нему, коротко коснулась губ.

— Время уже позднее, вряд ли аудиенция. Как бы кощунственно это ни звучало, короли — тоже люди, и они тоже спят. Я подожду тебя здесь, если ты не против.

— Ты божественна, — прошептал он, целуя меня в ответ. А затем торопливо отстранился и принялся заправлять и застегивать рубашку, жилетку, сюртук, привычным жестом оправил волосы.

Я покосилась в зеркало над камином. Да-а, проще распустить и перешлести заново, чем привести в приличный вид. А потому я так и сделала — быстро вытянула шпильки и тряхнула головой, позволяя темным прядям свободно упасть на плечи и спину тяжелой волной. Все лучше, чем красоваться с вороньим гнездом. Не удержавшись, я чуть помассировала голову, уставшую за день от этой тяжести, а потом заметила, что герцог замер и жадно за мной наблюдает.

— Тебя ждет король, — напомнила я, тем не менее кокетливо поправив обрамляющие лицо локоны и купаясь в столь пристальном внимании.

— Ты несносна.

— Я божественна, — возразила я его же словами.

Мужчина только покачал головой — времени на долгую перепалку с доказательствами, кто тут главный и прав, не было. Убедившись, что я привела себя в порядок настолько, насколько это возможно, он распахнул дверь. Лакей, поджидающий за ней на случай еще каких-либо указаний, согнулся в полупоклоне.

— Леди Эрилин Рейвен остается здесь. В мое отсутствие любое ее желание выполнять незамедлительно.

— Как прикажете, милорд.

— Я постараюсь побыстрее, — это уже мне.

Я улыбнулась в ответ, и герцог стремительно скрылся в темноте коридора.

Кажется, я еще более безрассудна, чем сокрушалась моя матушка. Одно дело — заявиться к мужчине в дом в его компании, другое — еще и остаться, будто здесь мое место. Впрочем, раз Кьер не возражал — а уж он-то точно не возражал! — до всего остального мне нет дела.

Наклонившись, я подняла с ковра парчовую ленту, принадлежавшую еще моей бабушке. Провела пальцами по выступающему серебристому узору, не тронутому временем. Эту плотную, даже жесткую ленту дед привез бабушке из заморской Клирии,

[3]

выложив за нее стоимость хорошей лошади. По крайней мере, так рассказывали в семействе. Сейчас ею и жену лавочника не удивишь, только поэтому она уцелела, когда мать, рыдая, расставалась с ценностями.

Да, стоит признать, с тех пор жизнь всех членов семьи достойного виконта Рейвена круто изменилась.

Я присела на диван, продолжая перебирать пальцами узоры банта. А ведь раньше мы могли позволить себе пусть не все то же самое, но близко к тому. Мои предки славились умом, деловой хваткой и умением приумножать состояние, так что корона неплохо обогатилась, когда шестой виконт Рейвен, он же мой дорогой отец, по какой-то причудливой прихоти судьбы ввязался, сам того не подозревая, в заговор против его королевского величества Эдгара VII. Только незнание, подтвержденное следствием, и спасло папеньку от плахи. Его даже не лишили титула, лишь конфисковали все состояние, кроме старого родового поместья в Богом забытой глуши, куда и сослали на долгие пятнадцать лет.

Мне было девять, но я до сих пор помню, как лежала в кровати, накрывшись подушкой, и все равно слышала голоса — усталый и виноватый отцовский, причитающий и рыдающий материнский — и еще толком не понимала, что происходит. А через два дня мы под постыдным конвоем выехали из столицы на восток, взяв с собой только самое необходимое. И я всю поездку никак не могла уложить в голове, почему необходимое не включает в себя ни шелковые ленты, ни все семнадцать кукол, ни праздничные платья, ни многие другие жизненно важные вещи.

Я грустно улыбнулась, вспомнив того ребенка, который с женщиной, сидящей на диване в герцогской гостиной, казалось бы, не имел совершенно ничего общего.

Нет, эта девочка никак не могла оказаться на моем месте. Она выросла бы в очаровательную леди, блистала бы на балах, где встретила бы какого-нибудь прекрасного лорда. Тот влюбился бы в нее без памяти, родители сыграли бы пышную свадьбу, и к моим двадцати пяти годам у нее было бы уже как минимум два милейших карапуза с серыми глазами матери и золотыми кудрями отца. Или наоборот. Она устраивала бы светские чаепития и роскошные приемы, на которые, вполне возможно, мог бы заглянуть и сам герцог Тайринский. На него та девочка не обратила бы уже никакого внимания, только возгордилась бы, что птица такого высокого полета заглянула в ее дом, и непременно вставляла бы это в разговор при каждом удобном случае.

Улыбка сделалась веселее, стоило представить себя почтенной матроной вроде маменьки в окружении таких же почтенных матрон и жеманно вещающей: «Вот в прошлый четверг, когда нас посетил герцог, да-да, герцог!..»

Что верно, так это то, что Кьеру я и без отцовской опалы ровней не была. Даже не потеряй виконт Рейвен своего положения, подняться в спальню с герцогом Тайринским его дочери точно так же удалось бы только в статусе любовницы. Другое дело, что тогда сия сумасшедшая мысль ни за что и не пришла бы мне в голову.

Я откинулась на спинку дивана, запрокинула голову, потеряла шею, время от времени ноющую от сидения над бумагами. Чертовы бумаги, чертов Трейт, их на меня сваливший. И черта с два он так наймет секретаря, отговорившись радением о бюджете. А платить исполняющему обязанности секретаря оклад магического криминалиста, весьма солидный, между прочим, ему радение о бюджете не мешает!

Самолюбие взгромоздилось на любимого, уже порядком заезженного, надо признать, коня и начало воинственно размахивать с него саблей, грозя показать всему мужскому роду, кто здесь самый умный. Чтобы успокоиться, я поднялась и прошлась туда-обратно по комнате, отсчитывая шаги по ковру.

Высокие напольные часы мелодично пробили десять. Я задумчиво посмотрела в окно. До дворца галопом отсюда не более десяти минут, а сейчас, когда улицы пустынные, и того меньше, но вряд ли король потребовал Кьера в такое время только для того, чтобы спросить, как дела, или пожаловаться на бессонницу. А значит, как бы герцог ни старался побыстрее, раньше, чем через пару часов, его ждать не стоит. Сидеть все это время и смотреть на огонь у меня не было ни малейшего желания. Для чтения голова слишком забита собственными мыслями. Бродить привидением по мрачному ночному саду — увольте. И раз уж я так опрометчиво пообещала герцога дожидаться...

Пойду-ка я посплю! Приедет — разбудит. Да и я сама сплю чутко, услышу. День и правда выдался нервный, лишняя пара часов дремы мне совсем не лишняя. Сам отдал распоряжение лобные мои желания исполнять, вот пусть и пожинает плоды.

Все тот же лакей, что сопровождал меня до гостиной, стоял за дверью, вытянувшись по струнке, как солдат, с абсолютно непроницаемым выражением лица.

— Какие будут пожелания, миледи?

Безупречно вежливый тон. Это хорошо. Чем жестче вышкола прислуга, тем меньше шансов, что она начнет болтать за пределами особняка. Все же в мои намерения не входило растрюбить на всю столицу, где и с кем сегодня провела ночь леди Эрилин Рейвен.

— Проводи меня в спальню его светлости. И прикажи подать туда чай с ромашкой.

— Как будет угодно, миледи. — Полупоклон, точно такой же, как и для герцога, ни дюймоном выше или ниже. — Прошу вас, следуйте за мной.

По сторонам я не глазела. Хоровод мыслей кружился то в одну сторону, то в другую. С работы на дом, с дома на работу, но неизменно возвращался к сильным рукам, прижимающим меня к горячему телу, к губам, щекочущим шею, пальцам, скользящим по пуговицам блузки, и огненным отблескам в черноте глаз.

«Вот так вот людей на измену и толкают», — раздраженно подумала я, не испытывая сейчас к возжелавшему герцогского общества величеству ни малейшей приязни.

Осматриваться в комнате, дверь в которую мне любезно распахнули, я не стала. Дождалась, пока мне принесут чай, беззастенчиво сунулась в гардеробную, схватив первую попавшуюся рубашку. А потом с наслаждением скинула блузку, юбку и утомительный корсет и вместе с чашкой забралась под одеяло.

Ромашка и усталость сделали свое дело быстро — заснула я, едва окончательно сползла на подушки.

А проснулась от задорной трели птиц за окном.

Несколько раз я сонно и непонимающе хлопнула ресницами. Солнечные лучи, бьющие в полузакрытые ставни, совершенно не вписывались в мои планы на пробуждение. Я перекатила голову по подушке, но постель рядом была пуста, хоть и смята так, что я очевидно не одна на ней спала. В голове всплыло смутное сонное воспоминание — шаги, шорохи, голос в полудреме, поцелуй в висок и непререкаемое «Спи». Точно. Кьер вернулся чуть ли не под утро, это я помню. Но где его сейчас носит?

Ответ обнаружился в ванной. А еще в ней — в большой, фаянсовой, на солидных металлических ножках — обнаружился сам герцог во всей своей природной красе. К чему бы я там заранее ни готовилась, эта картина застала меня врасплох, заставив замереть на пороге, придерживаясь рукой за косяк.

Кьер, до моего появления просто расслабленно лежащий в горячей воде, наполняющей комнату легкой дымкой пара, приподнялся, выпрямился. Улыбнулся.

— Доброе утро, Эрилин.

— Доброе... — излишне медленно проговорила я, все еще переваривая открывшееся зрелище и не в силах оторвать от него взгляд.

— Как спалось?

Я неопределенно пожала плечами, все еще не решаясь сделать шаг ни вперед, ни назад.

— Присоединись? — заманчиво поинтересовался Кьер, разрушив мои сомнения.

Отвечать я не стала, просто закрыла дверь за спиной, отрезая нас от внешнего мира. Отвязала пояс, по очереди стянула чулки. Не торопясь, но и не медля слишком, не испытывая терпение мужчины на прочность. Скорее просто позволяя насладиться зрелищем. Рубашка, висящая на мне мешком, растеклась по полу белым шелковым пятном, а за ней последовало белье. Уже

полностью обнаженная, я взяла с туалетного столика оставленные вчера на нем шпильки и скрутила волосы в не особенно опрятный, зато надежный узел на затылке.

— Женщина провела всю ночь в моей постели, а я вижу ее обнаженной только утром. Со мной такое впервые, — прокомментировал Кьер. Судя по довольным вибрирующим ноткам в голосе, представление он вполне оценил. И я не зря запомнила его вчерашние слова об умении продлевать удовольствие.

— Ты никогда не занимался любовью в темноте?

Я присела на бортик ванны и коснулась воды пальцами, примеряясь к температуре. То, что надо, горячая, но не обжигающая.

— Полная темнота существует только для слепцов.

Я собиралась пристроиться напротив, но Кьер меня опередил — ухватил за запястье и плавно потянул на себя, заставляя улечься на широкую грудь, а еще ощутить, что наблюдение за моим раздеванием не прошло для него бесследно.

В таком положении я мало что могла предпринять. Оставалось только откинуть голову на выглядывающее из воды плечо и предоставить мужчине возможность делать все, что ему пожелается.

Кьер не торопился. Ладони вдумчиво скользили по телу, щекоча кожу ручейками воды. Пальцы обводили изгибы и округлости, дразнили... проникали туда, где пальцам быть вообще-то не положено!

Я ахнула, выгнулась, машинально плотнее сдвигая ноги и от этого только сильнее ощутив проникновение. Кьер только усмехнулся и обхватил меня второй рукой за талию, плотно прижимая к себе и лишая возможности извернуться и выкрутиться.

Щеки запылали, но не от горячего пара и не от запоздалого смущения. Я никогда бы не подумала, что это может быть... так. Все же мой первый опыт был по сути никаким — ни хорошего, ни плохого в голове тогда не отложилось. Чуть-чуть приятно, чуть-чуть больно. Довольно быстро.

А сейчас...

Герцог в постели (и в ванне!), очевидно, относился к тому типу мужчин, которым нравилось удовольствие не только получать, но и доставлять, и делать это он совершенно точно умел. Я тяжело дышала, прикрыв глаза, с трудом лоя воздух пересохшими губами, спиной ощущала глухое, ускоренное биение чужого сердца. И чувствовала всем телом, до покалывания на кончиках пальцев, как пристально он на меня смотрит. И как ему нравится то, что он видит.

— Кьер... — Я не была уверена, удалось ли мне произнести это вслух или губы просто беззвучно шевельнулись, но он услышал и понял.

Мир с легким всплеском перевернулся, и теперь я оказалась к нему лицом. Медлитель не стала, обхватила ладонью, решительно направила его в себя и одним стремительным движением опустила вниз. Внутренние мышцы сжались, словно пытались вытолкнуть чужеродный предмет, но вместо этого обхватили его еще плотнее, и Кьер сам не выдержал — запрокинул голову и глухо застонал, стиснув мои бедра пальцами почти до боли. Я подалась вперед, лоя этот стон поцелуем, чуть приподнимаясь, только для того, чтобы он снова с силой опустил меня обратно.

Несмотря на то что я была сверху, темп задавал он. В стальных объятиях я ощущала себя хрупкой фарфоровой статуэткой, из тех, что так любила мама, — переломит пополам с легким хрустом и не заметит. Но чувство абсолютной беспомощности меня на удивление не напрягало. Этому мужчине хотелось безоговорочно подчиниться. Хотя бы потому, что его желания один в один совпадали с моими.

Вода бурлила вокруг от движения, но казалось, будто она кипит от того накала, который исходил от наших тел. Мне было жарко, отчаянно не хватало воздуха, я хватала его ртом и почти задыхалась, лоя вместо этого поцелуи.

И когда внизу все скрутило почти болезненной, но невероятно, опустошительно сладкой судорогой, переплавившейся в затихающую пульсацию, я без сил повисла на Кьере, уронив голову ему на плечо в полубессознательном состоянии. Только краем сознания отметила, как несколькими мгновениями спустя и его массивное тело содрогнулось, а затем плавно, расслабленно откинулось обратно на бортик, увлекая меня за собой.

Вода с тихим плеском качнулась туда-сюда и постепенно полностью разгладилась, превращаясь в спокойную стеклянную поверхность. В ванной воцарилась абсолютная тишина.

Я лежала, прижавшись щекой к его плечу, уткнувшись лбом в шею. Слушала, как выравнивается мужское дыхание, как замедляется биение сердца. И понимала, что это того стоит. Стоит истеричных нотаций матери, усталого разочарования в голосе отца, бешеного негодования так и не переросшего сказки брата. Стоит возможного шепота за спиной.

Если — когда — наша связь выплывет наружу.

Как бы я ни храбрилась, все равно в глубине души все это время грыз червячок сомнений, вскормленный строгим воспитанием. Но теперь он исчез, оставив меня наедине с глубоким удовлетворением и самым привлекательным мужчиной из тех, кого мне доводилось встречать.

— Эри?

— М-м? — Сил не было даже на то, чтобы разомкнуть губы.

— Ты там живая?

— М-м, — отрицательно промычала я, как и положено трупу — не шелохнувшись.

— Некромантия вообще-то запрещена Ковеном, но что поделать, — притворно вздохнул Кьер, а в следующее мгновение его пальцы, на кончиках которых плясали золотые искры, пробежались по моему боку.

Мне никогда в жизни не было так щекотно! Я нелепо тонко взвизгнула, взвилась, щедро плеснув водой на пол, и разъяренно уставилась в непроницаемо серьезные черные глаза. Ткнула герцога кулаком в грудь, не столько надеясь отомстить, сколько просто вымещая недовольство, и выскочила из ванны.

— Эй, это мое полотенце!

— Было! — мстительно отозвалась я, заворачиваясь в огромный отрез мягчайшей ткани, как в тогу.

Повернулась к зеркалу и на мгновение замерла, удивленно уставившись в собственное отражение. Жуткий кавардак на голове, шею и плечи облепили тончайшие змейки выбившихся из пучка мокрых волос, горящие щеки, припухшие губы, тонкие обнаженные плечи, контрастирующие с темной толстой тканью. А жемчужные от светлой обстановки ванной глаза сияют каким-то лихорадочным, сумасшедшим блеском. Неужели страстная, чувственная женщина в отражении — это... я?

— Ты прекрасна, — словно прочитал мои сомнения Кьер, подходя со спины, прихватив губами шею, — мочку уха. Быстро остывшие капли с его мокрых волос и тела заскользили по коже, вызывая мелкую дрожь. — Мысль не выпускать тебя из спальни кажется мне все более и более заманчивой. Только сначала скажи мне имя.

— Что? — Я вынырнула из транса.

— Имя того, кто лишил меня удовольствия стать твоим первым мужчиной.

— Ты же не думал, что невинная девица согласится на подобное предложение? — Я удивленно вскинула глаза на его отражение.

— Я в тот момент вообще мало о чем думал, кроме... — Герцог оставил финал фразы моей богатой фантазии и сцеловал очередную капельку с моей кожи. — Но этот факт меня сейчас задел.

В ответ на мою самодовольную улыбку он наградил меня укусом в плечо.

— Итак, имя?

— Оно ни о чем тебе не скажет. Да и потом, ты сам уж точно не неопытный юнец.

— Я мужчина!

— Это заметно, — одобрительно кивнула я, выразительно глянув вниз.

Кьер издал низкий горловой рык, и в следующее мгновение я сначала взлетела в воздух, а затем чувствительно приложилась животом о плечо.

— Эй! — возмущенно возопила я, пытаясь выпрямиться и сползти обратно на твердую землю. — Пусти!

Вместо этого герцог наградил меня увесистым шлепком, а предпринять что-либо еще я не успела. Путь от ванной до кровати оказался на диво коротким.

Кьер плюхнул меня на подушки и пружинистый матрас, как тюк сена, без малейшего уважения к титулованной, между прочим, особе! И пока я после всех переворотов пыталась понять, где верх, а где низ, рывком сдернул полотенце.

Я пискнула, перекатилась по кровати, пытаясь удрать, но была ухвачена за ногу и без усилий возвращена на прежнее место.

Удар подушкой герцога ошеломил лишь на мгновение — оружие он у меня тут же отобрал, а нового добыть не позволил и навис надо мной огромной черной тенью, удерживая мои запястья крест-накрест всего лишь одной рукой.

У меня перехватило дыхание, и я невольно судорожно сглотнула, как кролик, повстречавший удава на узкой тропинке. И если бы этот удав не ухмылялся с таким очевидным превосходством, я даже, может, покорно позволила бы себя съесть...

...а так придется скармливаться, брыкаясь.

— Пусти! — снова потребовала я, извиваясь сама не хуже гадюки. Увернулась от поцелуя, выкрутилась от попытавшейся прижать меня второй руки. — Ты мокрый! И холодный! И... и... полотенца... мне... пожалел!

Последнее слово я выдохнула едва слышно уже прямо ему в губы. Отчаявшись призвать меня к порядку более деликатными методами, Кьер просто навалился на меня всем телом, выбив воздух из легких, и пока я ошеломленно пыталась вспомнить, как дышать, приподнялся, раздвинул мне ноги и вошел.

Я сама себе не поверила, когда тело отозвалось мгновенно. Ему, телу, было совершенно наплевать на то, что думает о мокром и холодном скряге его хозяйка. И вместо того, чтобы продолжить вырываться, оно моментально подстроилось под происходящее...

— Мокрый. Холодный. И тяжелый, — припечатала я, не открывая глаз. В них еще темнело и плавали звезды, и, заставь меня кто-нибудь сейчас подняться, я бы не удержалась на ногах. — Если ты меня раздавишь, моя семья подаст на тебя в суд.

— Наивное создание. Главный королевский судья — мой троюродный брат. — Кьер, полулежащий рядом, протянул руку и выпутал перышко из моих волос. Провел им от виска к подбородку, по шее и ключице, пощекотал все еще напряженный, сморщенный сосок.

— Безнаказанное чудовище, — вынесла я свой вердикт, с удовольствием подставляя коварному перышку подрагивающий живот, а потом открыла глаза и безошибочно поймала пристальный взгляд. — Я есть хочу.

— Да вы ненасытны, леди Рейвен.

Я приподнялась и укусила его за шею, а на обратном пути за плечо, докуда дотянулась, ясно давая понять, кто послужит мне пищей, если меня сейчас же не покормят чем-то посущественнее, нежели поцелуи.

— Я распоряджусь насчет завтрака, — «устрашился» Кьер, поднимаясь и направляясь в сторону гардеробной.

Я понежилась еще несколько мгновений, разглядывая расшитый павлинами полог над кроватью, каждой клеточкой тела наслаждаясь ощущением свежести, мягкости и тонким лавандовым ароматом, а затем тоже подскочила. Вряд ли герцог потребует, чтобы к завтраку я предстала при полном параде, но что-то на себя накинуть все же стоит.

Рубашка, которую я позаимствовала у Кьера вчера, безнадежно намочила после нашего купания, так что от идеи снова к ней прибегнуть пришлось отказаться. А сунуться следом за герцогом с требованием выдать мне новую я все же не решилась. Так что пришлось удовольствоваться собственной сорочкой, бельем и чулками. Вкупе с растрепанным видом выглядело это до ужаса вызывающе, но раньше суровой необходимости залезать еще и в корсет и прочие элементы дамского туалета у меня не было ни малейшего желания.

Да и потом, мне теперь вроде бы фривольность по статусу полагается. Где бы почитать про правила этикета для герцогских любовниц?

Последняя мысль вызвала нервный смешок. Все казалось легко, просто и правильно здесь и сейчас. Но я все же плохо представляла, что меня будет ожидать, когда сегодня за моей спиной закроется массивная дубовая дверь этого особняка.

Судя по тому, что сам герцог надел брюки, но даже не соблаговолил застегнуть рубашку, с выбором наряда я не прогадала. Он уже подждал меня в соседней комнате, куда была призывно запахнута ранее закрытая дверь. Помещение представляло собой что-то среднее между кабинетом, личной гостиной и миниатюрной библиотекой. По крайней мере, тут имелись одновременно диван и кресла со столиком, большой рабочий стол и пара битком набитых книжных шкафов. Руки зачесались пройтись по корешкам, но я самонадеянно предположила, что время на это у меня еще будет.

— Зачем тебя вызывал король?

Не самая беззаботная тема для беседы за завтраком, но откровенно говоря, задавая этот вопрос я не особенно рассчитывала на ответ. И очень удивилась, когда его получила.

— Срочное заседание глав департаментов, — невозмутимо отозвался Кьер, намазывая маслом золотистый тост.

— С десяти вечера и до утра? — изумилась я.

— Его величество денно и нощно радуется о благе королевства и его жителей, — усмехнулся герцог. — У нас кровавые магические убийства, у полиции несколько громких краж, у финансистов дебаты с кредитами не сходятся, а строить всех и отчитывать куда приятнее и эффективнее в срочном неожиданном порядке и в неурочный час для пушшего устрашения, чем по расписанию, даже если для этого придется пожертвовать несколькими часами собственного сна.

— И как? — искренне заинтересовалась я тонкостями управления государством. Никогда не знаешь, что может пригодиться практичной девушке! — Работает?

— Поначалу, может, и работало. А теперь все уже привыкли, научились зевать, не открывая рта, и спать с открытыми глазами. А как оно развивает взаимовыручку, ты не поверишь. Вовремя ткнешь соседа, когда его величество изволит спросить его мнение, и все, потом можно смело рассчитывать на услугу. И хороший способ отомстить недоброжелателям.

Я спрятала смешок в чашке с чаем, представив, как первые лица королевства толкаются и перепихиваются, как студенты на ранней скучной лекции строгого преподавателя.

«Преподаватель» смотрит на них с тоской во взгляде и думает: «Господи, за что послал ты мне этих балбесов...» А балбесы вздыхают и думают кто о карточном столе, кто о теплой постели, кто о женщине в этой самой постели...

Сомнительная, скажу я вам, продуктивность получается!

— Кстати, — произнес вдруг герцог с неожиданно прорезавшимися суровыми рабочими нотками, заставившими меня вздрогнуть, — госпожа эксперт, когда я увижу полный отчет по последней жертве?

— Когда личность установите, тогда полный отчет и увидите, — невозмутимо отозвалась «госпожа эксперт», сидящая перед высоким начальством, закинув ногу на ногу, в одной полупрозрачной сорочке и чулках. — Или в мои обязанности теперь входит и по полицейским участкам бегать в поисках заявлений о пропаже? Я ведь могу! Правда, это существенно увеличит дополнительные рабочие часы и сократит свободное время, но на что только не пойдешь ради спокойствия и благополучия в родном королевстве.

Я притворно вздохнула. Кьер быстро сообразил, о каком именно свободном времени идет речь, и мстительно пощекотал меня за пятку, покачивающуюся возле его колена. Я поджала пальцы и переменяла позу.

— А что там предварительно?

— Тебе об этом вчера пол-ужина Трейт отчитывался.

— Эрилин, ты прекрасно знаешь, что я этот ужин устроил не для того, чтобы слушать Трейта. Я наигранно потупилась и затрепетала ресницами, но под суровым взглядом прекратила ломать комедию. Почти.

— Зато у тебя так хорошо получалось кивать в тему. Научишь? Мало ли пригодится, когда глава департамента придет очередной разнос в отделе устраивать...

Кьер сделал вид, что собирается встать, я сделала вид, что устрашилась, на том и порешили.

— Рассказывай.

Вообще-то у меня был выходной. Вообще-то у самого Кьера был выходной. И можно было бы ему об этом напомнить. И почти наверняка он бы все же не стал настаивать. Но я внезапно поняла, что мне не хочется капризничать и сворачивать разговор на что-нибудь более веселое. Весь департамент уже несколько недель стоял на ушах, расследование не сдвигалось ни на йоту, а новые жертвы появлялись. И раз выдалась возможность спокойно обсудить ситуацию с самим Кьером, без посредников, лабораторного начальства и их предрассудков, я была не прочь его воспользоваться.

— Ничего хорошего. Общего с двумя предыдущими убийствами только полное отсутствие следов убийцы и его очевидный, хм, профессионализм. По имеющимся у нас на данный момент сведениям, между жертвами тоже нет ничего общего. Два первых трупа — мужчины, третий — женщина. Предположительно лет тридцати. Отсутствуют сердце и глазные яблоки. Как ты помнишь, раньше это были язык и мужское достоинство, еще раньше — печень. Пока

что нам не удалось найти ни одного магического ритуала, в котором требуются все эти органы, причем принадлежащие разным людям — иначе почему не разобрать на запчасти одного? Либо речь идет о слишком старой магии, либо убийца преследует ритуальные цели. На этот счет у меня консультация с отцом Гербертом в четверг. Я знаю его уже несколько лет, один из виднейших экспертов в данной области... что?

Кьер смотрел на меня... странно. С какой-то глубочайшей задумчивостью, и интуитивно я понимала, что она никак не связана с размышлениями над делом.

— Ничего, — совершенно ровно ответил герцог, но взгляд отвести даже и не подумал. — Что еще?

Я поерзала на подушках, устраиваясь поудобнее, обхватила чашку ладонями.

— Пока не установлена личность последней жертвы, невозможно с уверенностью заявить, что между ними нет никакой внешней связи. Трейт не исключает пока ни одной вероятности. Так что мы можем иметь дело с кем угодно. Как с сумасшедшим маньяком, так и с жестоким мстителем, маскирующим обычные убийства под магические, чтобы направить следствие в другую сторону.

— Может это быть талантливый самоучка в деле вспарывания человеческих тел?

Я задумчиво вгрызлась в печенье, не торопясь отвечать, но Кьер и не торопил.

— Маловероятно, — произнесла наконец я, хорошенько взвесив «за» и «против». — Разрезы очень точные. Он прекрасно знает, что, как и где надо резать. Рука у него поставлена лучше, чем у меня. А нам начала анатомии и физиологии, между прочим, сам профессор Джойгли преподавал.

Здесь я не удержалась от вздоха. Одарил же Господь человека исключительным талантом, и на что он его тратит? На учебные трупы и бестолковых студентов! Лучше бы в больницу или госпиталь подался!

— А что с магической составляющей?

— А вот с ней пока совсем не ясно...

Начальство нахмурилось, и я словно невзначай поболтала ногой в воздухе. Поправила полупрозрачную сорочку на груди. Взгляд сделался куда более одобрительным, чем я и воспользовалась, чтобы исправиться:

— Пока не совсем ясно. Но мы работаем! Не покладая рук!

«И ног!» — мысленно добавила я.

Мой первый рабочий день в департаменте по контролю применения магии выдался не особенно радостным. Господин Трейт, глава криминалистического отдела, не скрывал своего недовольства моим назначением. Женщина в лаборатории! И хуже того — леди! Не иначе, как сам Дьявол подсунул ему под нос это испытание, дабы подвергнуть греху сквернословия и поколебать веру в Господа нашего, не защитившего верного слугу своего от сего тяжкого бремени. Последнее причитание, подслушанное сквозь тонкую стену, когда господин Трейт изволил стенать и жаловаться своему заместителю, мне даже понравилось. Но все равно было обидно.

Вместо того чтобы предоставить мне бумаги по делу, над которым уже пару месяцев ломали головы все эксперты, из-за которого меня, собственно, и наняли, он усадил меня в углу секретариата с кипой старых, никому не нужных отчетов и велел их систематизировать и составить каталог, очевидно считая, что это единственное, на что женщина (и — о ужас! — леди) может быть способна. И это человек, лично видевший, как я обошла всех иных претендентов во время выполнения тестового задания!

Но в первый же день доказывать что-либо кому-либо и требовать соблюдения моих законных прав я не стала. Приказ об увольнении так же легко подмахнуть, как и приказ о назначении. Однажды мне представится шанс показать, на что я способна, и уж я-то его не упущу. А пока тихой мышкой посижу в углу с отчетами (а вдруг там найдется что-нибудь полезное?), уповая на хороший слух и тонкую стену.

День близился к завершению. Кипа пыльных бумаг, которую мне предстояло обработать, — едва ли. Я взгромоздилась на стремянку, чтобы убрать в стеллаж первую партию разобранных папок, когда дверь распахнулась, впуская высокого массивного мужчину — сверху мне прекрасно удалось оценить размах плеч и разглядеть копну черных блестящих волос.

— Добрый вечер, — я вежливо дала о себе знать, заставив посетителя вскинуть голову и уставиться на меня пронзительным черным взглядом. Мне никогда еще не доводилось видеть глаз такого темного оттенка — будто сплошной зрачок. — Я могу вам чем-нибудь помочь?

— Я смотрю, секретаря Трейт тоже наконец нанял.

Интересный вывод и интересный тон. Какое-то очередное начальство? Департамент большой, а меня не торопились ввести в курс дела. Я опустила начавшие оттягивать руки папки на полку, и мое промедление с ответом, очевидно, приняли за согласие, потому что дальше последовала не менее властная просьба:

— Я пришел увидаться с господином Рейвеном.

— Простите? — искренне озадачилась я. По именам всех экспертов я уже знала и была совершенно точно уверена, что среди них нет ни одного однофамильца.

— Господин Рейвен, новый эксперт, — нетерпеливо пояснил мужчина и тут же махнул рукой. — Впрочем, не важно, осваивайтесь. Всего доброго. — Он кивнул мне и решительно шагнул в сторону двери, ведущей в лабораторию.

— Господина Рейвена там нет, — бросила я ему в спину. Куда забавнее было бы подслушать, как истина выясняется в разговоре с Найджелом Трейтом, но если мои подозрения верны и это начальство еще более высокое, нежели лабораторное, то выставить его идиотом не слишком благоразумно.

Мужчина уже взялся за ручку двери, но на мои слова стремительно обернулся с подвижностью, неожиданной для такого тяжелого на вид тела.

— Я не секретарь, — пояснила я. — Я новый эксперт. Леди Эрилин Рейвен.

Даже не знаю, почему именно сейчас мне вспомнилась самая первая наша встреча. Возможно, дело было в этом пристальном взгляде, которым герцог продолжал меня сверлить, ужасно похожем на тот, которым он одарил меня, услышав имя. Помнится, он подал мне руку, помогая спуститься со стремянки, а я, возвращаясь домой, думала о том, что если бы матушка со мной разговаривала, то она была бы в восторге от новости, что мне подал руку сам герцог Тайринский, и, возможно, даже нашла бы наконец плюсы в моем назначении.

Семейство перманентно не одобряло меня уже на протяжении семи лет, однако приступы неразговорчивости у дорогой родительницы приключались, только когда я совершала что-то вопиюще неподобающее. Как пример — выходила на работу магическим экспертом-криминалистом.

— О чем задумалась? — голос Кьера выдернул меня из размышлений.

— Да так, ерунда, — отмахнулась я, отставляя в сторону опустевшую чашку. — Надо ехать. Меня ждут дома.

Кьер недовольно нахмурился, но тем не менее озвучил совсем не то, что, очевидно, хотел бы: — Я прикажу подать экипаж.

Отказываться я не стала. Благодарно улыбнулась и поднялась, намереваясь вернуться в спальню, чтобы одеться. Но герцог перехватил меня на полпути и усадил к себе на колени. Ладонь скользнула по бедру, большой палец огладил полоску голой кожи между тканью чулок и белья, губы щекотно коснулись уха.

И я откуда-то знала, что сейчас в этих прикосновениях не было намека на закономерное продолжение. Просто я собралась уходить, а он решил напомнить себе и мне напоследок о своих новообретенных правах. Я в долгу не осталась. Положила руку ему на грудь, наслаждаясь прикосновением к теплой гладкой коже, царапнула ногтями темную монетку соска и поднялась выше, обвивая его за шею, запуская пальцы в спутанные волосы.

А потом отрывисто поцеловала в губы и убежала-таки в спальню, сопровождаемая довольной ухмылкой.

Он деликатно дал мне достаточно времени в одиночестве, чтобы облачиться во все многочисленные элементы женского гардероба, и когда вошел, я, уже полностью одетая, сидела на кровати и расчесывала волосы.

Не торопясь приводить себя самого в приличный вид, Кьер привалился рядом, наблюдая за мной все с тем же неугасающим любопытством.

— Ты во мне дыру прожжешь, что, учитывая твой дар, отнюдь не образное выражение, — отметила я, заплетая косу, чтобы свернуть ее затем в пучок на затылке. — О чем думаешь?

— О том, что ни одна знакомая мне леди не сделала бы того, что вчера и сегодня сделала ты.

— Это оскорбление? — Я вскинула бровь и даже на миг оторвалась от плетения.

— Констатация факта, — усмехнулся герцог. — Но я начинаю подозревать, что ты находишь особое удовольствие в том, чтобы нарушать правила.

— Нет. — Я вернулась к косе. — Я нахожу удовольствие в том, чтобы делать то, что мне по душе. А правила бывают разные, и я не вижу ничего плохого в нарушении тех, которые являются абсурдными и несправедливыми...

Я уезжала из герцогского особняка в крайне растрепанных чувствах, вертя в пальцах небольшой медальон — овал бирюзы с красивым рисунком прожилок в обрамлении бриллиантовых звездочек. То, что Кьер обозвал подарком, для меня выглядело совершенно неприкрытой платой за услугу. Я так растерялась, когда он попытался повесить мне его на шею, что вместо того, чтобы спокойно и ровно объяснить, обсмеяла его — помилуйте, герцог, не комильфо выставлять женщину моего положения алчной до наживы особой, поберегите такие подарки для дам с Фиалковой улицы. Кьер оскорбился, разозлился, улетел в гардеробную и, одеваясь, бубнил оттуда — мол, я аут хозяин, и я решаю, что и кому дарить, учить меня еще будут!

И все могло бы докатиться до серьезной ссоры, если бы я вовремя не прикусила язык и не умерила темперамент, напомнив сама себе, где нахожусь и в каком статусе. В итоге сошлись на компромиссе — эту «безделушку» я оставляю, но подобных подарков Кьер, не получив моего на то согласия, делать больше не будет.

На самом-то деле обычный, традиционный даже жест, и выставила я себя пусть не душой, но однозначно не с лучшей стороны моего непростого, как обтекаемо называет это папенька, характера. Герцог не папенька, и забывать об этом нельзя.

Просто...

Мне неприятно было думать, будто он считает, что мне от него что-то нужно. Вернее, нужно, конечно. Но не бриллианты, и даже не помощь в работе (боже упаси!).

От воспоминаний о том, что мне нужно, внутри все сладко сжималось, а на лицо лезла непрощенная улыбка.

С ней я и взбежала по истертым ступенькам небольшого особняка, третьего по счету на Молочной улице, служащего уже почти год столичной резиденцией почтенного виконта Рейвена с семьей. И в дверях столкнулась с дорогим братцем. Грей на ходу поправлял китель и шпагу, а потому перед собой не глядел и едва не сбил меня с ног.

— Эри? Эри! Эри! — Он с такой силой вцепился в мои плечи и встряхнул, что я ощутила себя деревянной марионеткой в руках кукольника. — Ты в порядке?

— Конечно. — Я осторожно, двумя пальчиками, отцепила от себя сомнительные братские объятия. — А почему не должна быть? Я же предупредила, что задержусь на работе.

— До утра?

— Такая работа. — Я пожала плечами, а Грей внезапно побледнел и снова вцепился в меня как клещ.

— Что он с тобой сделал?

Что ж... от родного брата у меня секретов нет!

— М-м... вот помнишь Магду из Гринхила?

Судя по тому, как бледность на юношеском лице брата сменилась румянцем, — помнил, и еще как! Я тоже много чего запомнила, застукав их на конюшне, правда, в отличие от родственника предпочла бы забыть.

— Ну вот примерно то же самое, за исключением разве что нюансов...

— Что-о?! Да как он... да как... да...

— А что такое? — Мои губы сами собой расплылись в ласковой улыбке. — Ты же мне сам говорил, что в этом нет ничего особенного!

На красивом, хоть еще и слишком юном лице Грея отразилась неопишуемая гамма эмоций.

Губы подрагивали в попытке подобрать аргументы и правильные слова, чтобы втолковать мне: то, что относится к Магде, совершенно никаким образом не относится к его возлюбленной (хотя в этот момент, пожалуй, и не очень) сестрице, и что между горничной и леди пропасть, и много еще чего. А в то же время он прекрасно понимал, что я над ним просто издеваюсь.

— Мы поговорим вечером, — отрезал он, старательно пытаюсь подражать отцовским интонациям. — Я опаздываю на службу.

— Конечно, поговорим, — многообещающе улыбнулась я и проводила брата, яростно чеканящего шаг о ни в чем не повинные камни мостовой, полным умиления взглядом. После чего сжала в ладони медальон, подобрав его так, чтобы не свисала цепочка, и толкнула тяжелую дверь.

Дом, милый дом!

Роль 2

ЭКСПЕРТ-КРИМИНАЛИСТ

Шел дождь.

Длинным пунктиром он мелькал в свете полицейских фонарей, дробно стучал по натянутой ткани зонта, неумолимо смывал брызги и пятна крови, превращая труп в белую восковую куклу.

Я переступила с ноги на ногу и поморщилась — левый ботинок безнадежно промокал, а фотограф, которого среди ночи приходилось разыскивать дома, — запаздывал. Двое констеблей и коронер точно так же переминались чуть поодаль, бросая на меня подозрительные взгляды, будто ожидали, что я вот-вот завизжу или рухну в обморок.

Когда я прибыла на место преступления со своего планового ночного дежурства, меня первые пять минут старательно пытались отогнать — сначала как девицу легкого поведения, потом, разглядев одежду, как праздно любопытствующую, а потом вдвое больше времени изучали значок магического криминалиста, не веря своим глазам.

Плюсы в этом тоже имелись. Без фотографа ни один из нас не мог приступить к детальному осмотру тела, окрестности были уже прочесаны, все ключевые моменты законспектированы, а эта заминка неплохо нас всех развлекла.

Труп обнаружили около часа назад. Некий господин, которого сейчас по второму кругу допрашивали в ближайшем участке, возжелал уединиться в этом темном переулке со жрицей любви, личность которой еще предстояло установить. Переулок был и правда темным, потому что тело они обнаружили, только поскользнувшись на чем-то мягком и склизком, оказавшемся впоследствии внутренностями жертвы. Романтический момент за пару солитов

[4]

был безнадежно испорчен. Дама в истерике сбежала, а господин, поборов в себе первый изменный порыв затеряться в ночи, а попросту — побоявшись, что кто-то его видел и соотнесет его здесь появление с трупом, — отправился на поиски полиции.

Я была уверена на все сто, что здесь снова отметился уже знакомый нам маньяк и дело перейдет под юрисдикцию департамента по магическому контролю, но, увы, перескакивать сквозь формальности и бюрократические проволочки, как я — через приличия и условности высшего света, мир еще не научился.

Резкий порыв ветра щедро окатил меня мелкими дождевыми брызгами с ног до головы, невзирая на зонт, и я снова скривилась — еще не хватало слечь с простудой. Будет лишний повод господину Трейту вещать во весь голос, что от слабых женщин никакого толку! А его помощник, регулярно страдающий от аллергии и неспособный в одиночку поднять даже три архивных папки, — старательно подшмыгивать.

Наконец в тупик нырнула фигура с громоздким саквояжем. Фигура была сонная и крайне недовольная. И посмотрела на нас так, будто это мы все тут старательно кромсали на куски первого попавшегося несчастного, только чтобы выдернуть почтенного фотографа из постели и заставить принимать дождевые ванны.

— Ночи, господа, — проворчал он, совсем не случайно опустив слово «доброй».

— И дама, — равнодушно поправила я из принципа.

— И да... — Мужчина поперхнулся и закашлялся. Вот что я сделала с бедным человеком? Прав господин Трейт, ой прав.

— Леди Эрилин — эксперт из магического департамента, — щегольнул своей осведомленностью коронер. Видимо, они с фотографом давние и закоренелые недруги, иначе зачем ему беднягу еще и моим титулом добивать?

В конце концов аппарат был установлен, фотографии сделаны, скорбные обещания заняться проявлением и печатью сейчас же и разослать их в обе конторы не позднее полудня — даны.

— Леди вперед? — с насмешкой уточнил один из констеблей, почему-то посчитав, что это меня смутит.

Я же, не раздумывая, воспользовалась предложением. Первой сделаю предварительный осмотр и заключение — первой отсюда уберусь обратно в департамент отогреться, сушить обувь и молиться, чтобы простудная троица — температура, насморк и боль в горле — обошла меня стороной.

Стараясь не запачкать в крови подол юбки, я присела рядом на корточки.

Мужчина. Полностью обнаженный, обрезки одежды старательно превращаются в кучу мокрого вонючего тряпья неподалеку. В этот раз преступника особенно заинтересовали внутренности живота, которые причудливыми изгибами были разложены вокруг тела. Стараясь не обращать внимания на зияющую дыру — тут и не всякому бывалому выдержки хватит, не говоря уже о новичке, — я осмотрела со всех сторон голову, плечи, грудь, руки, ноги, спину. Если бы на них обнаружили ритуальные рисунки или разрезы, то это значительно ускорило бы передачу дела в наше ведомство, но увы. В ход пошли амулеты. И — снова, как и раньше — все показатели фона превышают норму на какие-то совершенно незначительные деления, которые легко списать на погрешность, а отнюдь не кричат о том, что здесь похозяйничал маг. А это значит, что придется писать подробный отчет, отправлять его начальству, начальство будет устанавливать, наша это юрисдикция или нет, если наша — отправлять запрос на передачу дела в полицию, и так далее, и тому подобное...

Сука и тягомотина. Я раздосадованно убрала амулеты в сумку и уже вознамерилась распрощаться с почтенными господами, как в тупике снова стало на одного человека больше. Хотя с учетом комплекции этого человека я бы сказала — на полтора.

Подавившись уже почти сорвавшимся с губ: «А ты что тут делаешь?» — я вежливо склонила голову.

— Ваша светлость...

— Доброй ночи, леди Рейвен. Господа. — Кьер окинул место преступления цепким беглым взглядом. — Предварительные заключения уже сделаны? Каковы результаты?

— Мы еще не... — начал коронер, но я его перебила, не особенно заботясь о вежливости.

— Веских оснований для передачи дела в наш департамент, как и раньше, нет, — сухо отчиталась я и, переложив зонт на плечо, на всякий случай еще раз бегло сверилась с записями. — Некоторые показатели завышены, но требуется дополнительная магическая экспертиза наравне с медицинской. Однако, учитывая внешнюю картину преступления и то, какие именно завышены показатели, мы имеем дело со случаем, идентичным предыдущему. Если бы он задал какой-нибудь дурацкий вопрос, вроде «Вы уверены?», как часто любил это делать Трейт, я бы, наверное, обиделась, но герцог только кивнул с совершенно серьезным видом. И тут же распорядился:

— Пусть тело сразу отвезут в магический экспертный отдел. А также все показания свидетелей, если таковые имеются, и прочие материалы дела. Под мою ответственность. Давайте бумаги — подпишу.

«Как он все-таки здесь оказался?» — гадала я, стоя в сторонке, пока мужчины воевали с перьями, чернилами, ветром, дождем и норовящими промокнуть или разлететься по округе листами.

С моего визита в герцогский особняк прошло три дня, и все три дня мы с Кьером едва виделись. Изображать холодную рабочую вежливость при изменившихся обстоятельствах было даже лобопытно и немного похоже на игру. Но, с другой стороны, в рабочей суматохе ощущения от субботнего утра стали скрадываться, а в этой вежливости мерещилось изредка равнодушие. А вдруг он передумал и решил, что больше чем на одну ночь со мной связываться не хочет? В конце концов, расстались мы на куда менее радужной ноте.

— Леди Рейвен.

Я настолько погрузилась в свои мысли, что даже вздрогнула, не заметив, когда он успел ко мне подойти.

— Прошу вас воспользоваться моим экипажем для возвращения в департамент. Служебный я отослал.

— Почту за честь, ваша светлость, — церемонно кивнула я.

Карета ожидала своего владельца на выходе из тупика. Кучер распахнул дверцу, Кьер предложил мне руку, и я, спохватившись, торопливо стянула перчатки, в которых осматривала тело. Уж лучше нарушить правила приличий, прикасаясь обнаженными пальцами к руке малознакомого (ха-ха!) мужчины.

Да, декорации для встречи все же отчаянно романтичные — он, она, дождь, труп...

— У тебя ледяные руки, — объявил герцог и фривольно устроился рядом, а не напротив, как полагалось бы. Дверца захлопнулась, и спустя несколько мгновений карета тронулась с места. — Замерзла?

— Долго ждали фотографа.

Кьер взял мою ладонь, сжал, согревая, а затем потянул на себя, заставив переключиться с сиденья к нему на колени.

— И кто из нас теперь мокрый и холодный? — хмыкнул он и не дал ответить, прижимая сильнее, целуя жадно, напористо, словно только этого момента и ждал все три дня. Отличный способ согреть, между прочим! И никакой магии!

— Как ты здесь оказалась? — Я чуть отстранилась, не обращая внимания на недовольно сверкнувший взгляд — успеется еще.

— Я попросил главного констебля выдать по всем постам распоряжение, чтобы меня лично извещали сразу же, как только появится еще один подобный труп. Собственно, как раз для того, чтобы сократить время бюрократической волокиты.

— И что, тебе обязательно надо было являться сюда? Разве не достаточно отправить распоряжение со своей подписью?

— Достаточно. — Кьер кивнул и ухмыльнулся. — Но я знал, что ты сегодня дежуришь.

— С каких это пор начальник департамента отслеживает график дежурств рядовых криминалистов? — поддразнила я, запуская пальцы в черные волосы и откидывая челку с его лба.

— С тех пор, как рядовые криминалисты не уделяют должного внимания начальнику департамента, — проворчал герцог, чуть сильнее стискивая меня в объятиях. — Хочешь, освобожу тебя от дежурств?

— Только попробуй! — Я ткнула его пальцем в грудь.

— Хорошо, — слишком спокойно согласился герцог, и быстро стало ясно почему: — Тогда все эти выходные ты проводишь со мной. С вечера пятницы.

— Но... — Я даже не поняла, захотелось мне возразить из принципа или по каким-то другим соображениям, но озвучить их в любом случае не дали.

— Иначе освобожу от дежурств, — припечатал крайне довольный собой шантажист.

— Не посмеешь! — возмутилась я.

— Я — не посмею?

— Я обижусь!

— На то, что я хочу провести с тобой время?

Шах и мат. Я оскорбленно поджала губы. Связалась с придворным интриганом! Все слова наизнанку вывернул и сидит довольный. Надо будет мне как-то поднаторгеть в словесных перепалках, а то я пока только на родителях тренируюсь, а у них все аргументы быстро сводятся к тому, что я неблагодарная и бессовестная.

Герцог откинулся на спинку сиденья и теперь только молча наблюдал за моей крайне выразительной в тот момент, я полагаю, мимикой. Мне очень хотелось показательно сползти с колен, усестись напротив и с независимым видом уставиться в окно. Но, во-первых, это было бы совершенно неаргументативно и по-детски. А во-вторых, уж больно тепло и хорошо мне на этих самых коленях сиделось и больно удобно прижималось к широкой груди. Почему я должна отказывать себе в маленьких радостях только из-за того, что владелец колен и груди такой негодяй?

Долго, впрочем, раздумывать над непростым выбором и не пришлось — карета остановилась у широких мраморных ступеней здания департамента.

Дремлющий у входа вахтер даже подскочил при появлении Кьера, спросонья и по старой военной привычке отдавая честь. Герцог на приветствие кивнул.

— В скором времени полиция должна доставить труп мужчины, проследите, чтобы его разместили в морге. Криминалисты займутся им завтра.

Я вздохнула. Не то чтобы я рассчитывала самостоятельно сегодня ночью проводить экспертизу и вскрытие — Трейт за это бы расчленил по живому, и никакой герцог бы не спас, — но внезапно пришло осознание, что завтра мне полагается выходной после дежурства, и меня здесь в принципе не будет. Можно, конечно, попробовать остаться, но начальство отправит домой в приказном порядке. Уж такую возможность от меня избавиться хотя бы на день Найджел Трейт не упустит.

Вспомнив, что я еще вроде как обижена, повернулась и успела сделать аж целых два шага в сторону отдела криминалистики, где мне полагалось продолжить дежурство, как властный голос окликнул:

— Леди Рейвен. Будьте так любезны проследовать со мной в кабинет. Я хочу выслушать подробный отчет о том, что нам известно об убийстве на настоящий момент.

На третий этаж, во владения начальника департамента, мы поднялись в тишине, однако стоило толстой двери из красного резного дерева закрыться за моей спиной, я все же поинтересовалась: — Ты в курсе, что это называется использованием служебного положения в личных целях?

— Отчего же? — Кьер не торопился зажигать большие лампы, а вместо этого швырнул стусок пламени в камин, где тут же бодро заплясали оранжевые язычки, озаряя комнату неярким, но очень теплым светом. — Я действительно хочу выслушать твой отчет. Присаживайся.

Он с такой вежливо-любезной улыбкой отодвинул для меня одно из стоящих перед столом кресел, что я тут же начала подозревать его в чем-то определенно недобром.

— Я тебе уже все рассказала. — Тем не менее я с достоинством опустила на предложенное сиденье. — О чем-то еще отчитываться можно будет только после выяснения личности и детального исследования трупа, которое, я так полагаю, будет проводить уже господин Трейт и скорее всего без меня.

Герцог ухмыльнулся, кажется, распознав в моих интонациях нотки почти детской обиды. Он обошел свой стол и принялся пролистывать лежащие на нем бумаги одной рукой, в то время как другая скользила по пуговицам сюртука, неторопливо их расстегивая.

— Так я пойду? — Я взялась за подлокотники, намереваясь подняться.

— Куда? — крайне искренне озадачился Кьер, стянул сюртук и небрежно бросил его на спинку кресла. — О, Трейт наконец отчитался по результатам повторного, более детального вскрытия первой жертвы. Кажется, что-то новенькое. Не хочешь взглянуть?

Я ожидала, что он протянет мне бумаги, но нет. Герцог продолжал стоять, где стоял, улыбаясь, как асбисский сфинкс. И я отчетливо ощутила себя мышью, которую заманивают в мышеловку ароматным кусочком сыра. Принципы, гордость и еще не до конца испарившееся желание ответно щелкнуть его по носу твердили, что поддаваться не стоит. Но мне так отчаянно захотелось сыра...

Я поднялась, неторопливо приблизилась и, слегка потеснив начальство, склонилась над разложенными бумагами.

— Любопытно...

— Что? — Две тяжелые руки опустились по обе стороны от меня, спины коснулась грудь, а плечо тронуло горячее дыхание.

— Здесь сказано, что... — Это самое дыхание двинулось правее, обожгло не защищенную тканью кожу, приблизилось к уху. Я сглотнула и продолжила, не обращая внимания на учатившееся сердцебиение: — Что есть новые детали о личности...

— И? — Грудь прижалась теснее, губы дотронулись до мочки, не поцеловав, а просто прихватили на мгновение, тут же выпустили и едва ощутимо прочертили линию вдоль шеи.

— Мужчину в дружеских кругах звали Добрый Старый Виски, и он был завсегдатаем и... Линия прочертилась обратно вверх, на этот раз кончиком носа. Кьер зарылся им в чуть влажные от дождя волосы, а правая рука оторвалась от столешницы и легла мне на талию. Говорить ровно становилось все сложнее.

— ...И известным все в тех же дружеских кругах пропойцей, рекорды которого по количеству выпитого побить мало кому удавалось.

— И почему это любопытно? — Пальцы с талии медленно поползли в сторону пуговиц блузки.

— Убийца ведь вырезал ему печень. Можешь считать это черным криминалистическим юмором, но...

Тут герцогу играть надоело. Он стремительно меня развернул, прижал к столу, и фразу про «любопытное совпадение» я выдохнула уже ему прямо в губы. Не выпущенные из рук бумаги смялись со скорбным шелестом.

Кьер прервал поцелуй лишь на несколько секунд, чтобы стянуть с себя рубашку, и только тогда мои пальцы разжались, и отчет полетел на пол. Потому что занимать руки несколькими листами, когда в непосредственной близости находится горячая гладкая кожа, соблазнительно подсвеченная язычками каминного пламени, — это просто кощунство.

— Я... вообще-то... на дежурстве! — все-таки выдохнула я из вредности, не особенно, впрочем, пытаясь вырваться — а все равно бесполезно! — и уж тем более не пытаясь перестать щекотать, гладить, впиваться пальцами в перекатывающиеся под кожей жесткие мышцы.

— Леди Рейвен, вы свободны под мою ответственность. Все, я тебя сменил.

Кьер закончил воевать с застежками юбки, и та покорно сползла к моим ногам, после чего он подхватил меня под бедра и усадил на стол.

— Но теперь ты на дежурстве. И чем занимаешься?! Герцог, как не стыдно! Какой пример вы подаете подчиненным? — Меня распирал смех и пьянящий искристый восторг от того, что я вызываю в этом мужчине столь нетерпеливое желание.

— Недостаточно хороший, если ты, в отличие от меня, еще до сих пор одета! — щекотно фыркнул Кьер.

Я расплылась в улыбке и, подцепив край, стянула полураспахнутую блузку через голову.

Крючки корсета Кьер расстегнул сам, чуть не выдрвав, сорочка тоже полетела на пол. Он обхватил меня за талию одной рукой, плотно прижимая живот к животу, другая сжала грудь, губы впилась в шею, балансируя на грани жесткости, но все же за нее не переступая.

Я откинула голову назад, выгнулась дугой, и поцелуй скользнул ниже, сомкнувшись вокруг соска. Кьер ухватил его, потянул, и я не смогла удержать стон, впилась ногтями в его плечи, обхватила ногами, прижимаясь вплотную к туго натянутой ткани брюк.

Рывок вверх — герцог заставил меня выпрямиться, прижаться всем телом. И снова я в полной мере ощутила себя беспомощной, ведомой. И снова этому ощущению совершенно не хотелось сопротивляться. Мне было абсолютно все равно, что он со мной делает, пока это приносит такое удовольствие.

Кьер с нажимом провел ладонью по моей спине, вдавливая, впечатывая в себя, обхватил основание шеи, прижался лбом ко лбу, опалия губы тяжелым жарким дыханием. И поцелуй на этот раз был неторопливым, вдумчивым даже, медленным...

Море, подумалось мне. Набежало на пляж бурлящим пенистым потоком и отступило, оставляя после себя влажный след на песке. Только для того, чтобы через несколько мгновений новая волна, набирая высоту, устремилась к берегу, сбивая с ног, накрывая с головой.

И она не замедлила последовать. Я даже не заметила, когда Кьер успел избавиться меня от остатков одежды, как вдруг остро ощутила его вторжение. Он вошел резко, сразу, сорвав с моих губ очередной всхлип-стон. И двигался так же — то врываясь почти до упора, то отступая. И я послушно качалась на этих волнах, чувствуя, как они уносят меня все дальше и дальше, где на водной глади сияют ослепительные блики отраженного солнца...

А потом море вынесло меня, тяжело дышащую, опустошенную, на берег, лизнув напоследок плечо, шею, губы.

Наваждение отступало, оставляя вместо сияющих на солнце брызг — полумрак кабинета, освещенного теплым светом камина, вместо песка — отполированную поверхность стола, вместо холодных волн — горячие ладони мужчины, оглаживающие мои бедра.

Я выпустила его плечи, провела пальцами по отпечатавшимся лункам ногтей, поцеловала их.

Кьер боднул меня головой, как ласкающийся кот, и, отстранившись, принялся одеваться.

Несколько секунд я любовалась движениями мужских рук и игрой света и тени на коже, после чего соскочила со стола и последовала его примеру. Белье, сорочка, корсет, блузка, юбки... надо ли говорить, что у меня это заняло гораздо больше времени? Хорошо хоть сегодня герцог догадался не трогать волосы, и прическа вполне сохранила свой первозданный вид.

Я затягивала последний бант — на поясе юбки, когда Кьер подошел сзади, положил руки на талию и коротко поцеловал меня в висок.

— Я передумал, — известил он. — Надо оставлять тебя на дежурства как можно чаще.

— У тебя странные представления о дежурных обязанностях криминалистов! — Я провернула в его ладонях, чтобы оказаться лицом к лицу.

— Я здесь главный, мне решать, что входит в обязанности криминалистов, а что — нет. — Кьер сурово поджал губы, но глаза его смеялись.

У меня на языке вертелась пара язвительных замечаний на тему того, что о такой дополнительной нагрузке скажут остальные работники отдела криминалистики, принадлежащие исключительно к мужскому полу, но я все же решила оставить их при себе.

— Мне надо идти. — Я попыталась сделать шаг назад, но тяжелые ладони на талии не пустили.

— Зачем?

Глупый вопрос. Я одарила герцога недоверчивым взглядом, но тот смотрел спокойно и испытующе и явно ожидал ответа.

— Во-первых, я все-таки на дежурстве. И у дежурного есть дела, и он должен быть там, где при необходимости его могут легко отыскать. А во-вторых, мне бы не хотелось, чтобы меня можно было легко отыскать среди ночи в кабинете главы департамента с ним наедине.

— Хорошо.

Ладонь двинулась по талии вверх, пальцы коснулись подбородка, приподняли его навстречу поцелую...

— Выходные. С вечера пятницы. Я обо всем позабочусь.

Несмотря на суровый, отнюдь не вопросительный тон, я отчетливо слышала просьбу, замаскированную строгой формулировкой. Она читалась в глазах, в пальцах, едва ощутимо поглаживающих кожу. И я знала, что Кьер позволит мне ускользнуть, если я не пожелаю разделить с ним эти два дня.

Вот только я желала. И от того приказного тона, каким он давал понять — он желает не меньше, у меня колени слабели и губы пересыхали, и становилось жарко, и сердцебиение снова ускорялось.

Я кивнула.

— Но только учти. Там у тебя возможности сбежать не будет, — добавил герцог. После чего ушел к себе за стол и как ни в чем не бывало принялся рассматривать собранные с пола, порядком, стоит заметить, измятые бумаги.

Я недоуменно нахмурилась и, чуть помедлив, молча вышла.

Там?..

Сбежать? Да вовсе я и не...

Ну ладно, сбегаю, призналась я сама себе, спускаясь по лестнице. Но у меня, знаете ли, опыта в подобных отношениях нет, чтобы с ходу себя в них как рыба в воде чувствовать! И сейчас мне проще уйти, чем думать о том, что дальше. Пока что у нас общего только разговоры о работе и занятия любовью. Я вспомнила сегодняшнюю прелюдию и улыбнулась — и разговоры о работе во время занятий любовью. Хочу ли я, чтобы этого общего было больше? И на самом ли деле хочет он или делает вид, потому что «так надо»?

...И могла ли я подумать, впервые зайдя в этот кабинет, чем я однажды буду там заниматься?..

— Леди Рейвен, герцог Тайринский просит вас зайти.

Я даже не успела заметить, кто заглянул в секретариат и принес эту счастливую весть. В департаменте в общем-то любые новости так сообщались — едва ты взгляд поднимешь, кто там, как уже только дверь на петлях поскрипывает, — но привыкнуть к этому еще не получалось. Прислуга себе такого не позволяла, а в университете, где я училась, всегда были не прочь любую новость обсудить в подробностях, кто, куда, почему... Еще отбиваться приходилось от вестников, жаждавших выяснить, а зачем именно меня вызывает декан.

Вот уж неожиданность. С чего бы вдруг?

Я поднялась, оправила юбки, мимоходом пожалела, что нигде по пути не висит зеркало, и поспешила на третий этаж в святая святых.

С того дня, когда глава департамента почтил лабораторию своим присутствием, дабы лично поприветствовать «господина Рейвена», я видела герцога только пару раз мельком и уж вовсе не ожидала приглашения в верховный кабинет. В отличие от большинства работников департамента, мое назначение на должность эксперта-криминалиста досадной ошибкой герцог не счел (хотя, возможно, потому, что это была его ошибка — подписал не глядя назначение на того, кто в конкурсе победил, и нате вам, получил даму вместо господина). И в его взгляде, конечно, сквозило любопытство с тенью сомнения, но за дверь он меня не выставил, пожелал удачи в нелегком труде и был таков. Как потом выяснилось, герцог имел привычку всех новых работников приветствовать. Наверное, чтобы знали начальство в лицо.

Любви-нелюбви к нему среди служащих было примерно поровну, хотя уважали все. И все отмечали, что редко так везет, когда глава департамента действительно делам занимается, а не получает королевский оклад за то, что с задумчивым видом изучает лепнину на потолке, а то и вовсе на работе появляется раз в неделю, бумажки подписать. У герцога рабочий день был пусть и ненормированный — то засидеться допоздна, то явиться только к обеду, — но он был действительно рабочий. Да и вообще, если подумать, глава департамента был фигурой интересной, но думать об этом как-то раньше и не приходилось.

Ждать меня не заставили. Секретарь при моем появлении негромко известил в переговорный амбулет, что леди Рейвен пожаловала. Ответа я не услышала, но мужчина поднялся и распахнул передо мной дверь кабинета.

По дороге от порога до кресла напротив широкого стола из красного дерева я, не удержавшись, бросила несколько любопытных взглядов вокруг. Уютная рабочая обстановка, надо признать. Я бы тоже не отказалась от камина и дивана, на котором можно отвлечься от рутины и выпить чашечку чая. А вот вскинув глаза на герцога, я буквально напоролась на ответный взгляд. Глава департамента наблюдал за мной пристально и, кажется, не упустил ни малейшего вдоха.

— Присаживайтесь, леди Рейвен.

— Благодарю, ваша светлость.

Я опустила в кресло и чинно сложила руки на коленях. Осанка — прямая, голова — чуть склонена, взгляд — внимательно-покорный, все как полагается.

— На вас поступила жалоба от господина Трейта, леди Рейвен.

Привычную, удобную маску удалось удержать с трудом. Вот ведь... жук! Навозный! На ум лезли куда более крепкие выражения — чего только не нахвататься у студенческой братии — но выбранная роль даже мысленно себе таких не позволяла.

— Вот как? — Это и растерянная улыбка — все, что имелось в моем распоряжении.

— Он утверждает, что вы не справляетесь со своими обязанностями.

Ну все!

Я поджала губы и, глядя начальству в глаза, невозмутимо проговорила:

— Если бы господин Трейт позволил мне заниматься моими обязанностями, возможно, у меня получилось бы справляться с ними чуточку лучше.

— Что вы имеете в виду?

Герцог смотрел на меня все с тем же нескрываемым, даже в какой-то степени оскорбительным любопытством, и я начала догадываться, почему разборками между рядовым работником и начальником отдела занимается глава департамента лично, а не один из его заместителей.

— Только то, что я потратила пять лет на учебу не для того, чтобы быть секретарем, работу которого я, прошу заметить, выполняю безукоризненно и беспрекословно. И если господин Трейт считает иначе, то он мог бы нанять секретаря и позволить мне делать то, что я делать совершенно точно умею, что подтверждают мой диплом, рекомендации преподавателей и результаты конкурса.

Тишина.

Не перегнула ли я палку? Любопытство любопытством, но не решит ли начальство, что столь самоуверенные девицы ему даже из интереса в подчинении не нужны и ну-ка ее от греха подальше, проблемой меньше.

Герцог молчал всего несколько секунд, но за это время я уже успела попрощаться с работой и прикинуть, что делать дальше. Хорошие специалисты не торопятся покидать столицу, если податься куда-нибудь на периферию, то шансы могут возрасти...

— Вы очень смелая женщина, леди Рейвен.

Я чуть вздрогнула. Голос герцога, низкий, но не басистый, заполняющий собой пространство, как и его широкоплечий обладатель, прозвучал как-то чуточку иначе. Но в чем именно была разница, я уловить не смогла.

— Но мне кажется, вы взвалили на себя непосильную ношу.

— Неужели? — Льда в моем голосе хватило бы на добрую сотню ведерок с шампанским, хотя внутри заклокотал, готовясь к извержению, вулкан.

— Поверьте, мне глубоко импонирует ваша исключительная целеустремленность, но для женщины вашего происхождения вы выбрали совершенно неподходящую профессию. Не потому, что не можете ею заниматься. — Герцог обладал способностью читать мысли, иначе мне не объяснить, как он успел задавить на полувдохе зарождающийся гневный протест. — А потому, что вы не найдете здесь одобрения и поддержки. Я могу нанять вас, но не могу заставить подчиненных пересмотреть взгляды на жизнь, в общем и целом, согласитесь, достаточно обоснованные.

— Мне не нужно ни одобрения, ни поддержки, ни помощи, ни снисхождения. Но было бы просто великолепно, если бы мне просто не мешали делать мою работу. Особенно с учетом того, что это необходимо департаменту, а не мне. Я могу и дальше бумаги с места на место переключать и получать за это оклад криминалиста, но какой в этом смысл? Увольняйте меня, если будет угодно, но сама я не уйду, что бы там еще ни придумал многоуважаемый господин Трейт.

Глава департамента снова молчал, очевидно, обдумывая мои слова. Он откинулся на спинку стула — блестящие черные волосы падают на лоб, глаза чуть прищурены, на губах едва заметная улыбка (весело ему!)..

Мне вдруг подумалось, что герцог все же крайне привлекательный мужчина. И не женат. Какая партия! Девиды на выданье из уважаемых семей наверняка волосы друг другу выдергивают в надежде заполучить его в мужья. Но, увы, только охмурить герцога недостаточно. «Руки» высшей аристократии были слишком великой ценностью, распорядиться которой имел право только его величество лично, поэтому жениться без королевского одобрения герцог не мог. Впрочем, если сам он достойную кандидатуру не подберет, то вполне может отправиться под венец по указке. И если прикинуть, что герцогу Тайринскому около тридцати, то недолго ему осталось наслаждаться холостой жизнью. Самый возраст для заключения удобного короне союза и производства наследников титула.

Почему я об этом думаю? Все маменькино дурное влияние и бесконечные нотации о необходимости бросить все усилия на поиски подходящей партии.

— Хорошо. — Герцог наконец принял решение, выпрямился, плечи расправились, и мне даже примерещилось, будто сюртук на них затрещал. — Я поговорю с господином Трейтом, попрошу его дать вам шанс.

Я поднялась и присела в реверансе, понимая, что аудиенция окончена.

— Благодарю, ваша светлость.

— Всего доброго, леди Рейвен.

Пальцы соскользнули с отполированного дерева перил. Я кивнула вахтеру, проходя мимо, получила кивок в ответ — заметил, понял, буду знать, где искать, — и направилась во владения криминалистов на первом этаже.

Дать мне шанс в понимании Найджела Трейта означало перевести меня из секретариата в лабораторию и вручить вместо старых отчетов грязные склянки, инструменты, столы и прочая. Уборщицам рабочий инвентарь не доверяли — опасное дело, и обычно каждый эксперт чистил его за собой сам, теперь же это стало моей задачей. Не знаю, с чего вдруг господин Трейт решил, что меня такая обязанность смутит, остановит и заставит со слезами сбежать из департамента. А может быть, он рассчитывал, что я пойду жаловаться и тут-то меня уже завернут, — а не слишком ли много вы хотите, миледи? В любом случае его планам не суждено было сбыться. Я рада была оказаться поближе к основному действию и впитывала все происходящее в лаборатории как губка, пока руки делали знакомую по годам обучения рутинную работу.

Более того, некоторые из коллег даже сочли, что Трейт перегибает палку, и прониклись ко мне сочувствием, особенно когда убедились, что драгоценным инструментам в моих руках действительно ничего не грозит. А один из них — мужчина средних лет по имени Тарн Гейл — даже позволял мне ему ассистировать, если начальника не было поблизости.

Одна беда — на розовое масло для рук средств стало уходить гораздо больше...

Так что от меня высокому начальству жалоб не поступало. Чего не скажешь о господине Трейте, решившем, видимо, взять герцога измором. И Кьер ведь мог бы его одернуть, стукнуть кулаком по столу, вовсе даже не ради меня, а просто чтобы не надоедал по пустому и решенному. Но я подозревала, что герцога Тайринского высокохудожественные, одухотворенные и проникновенные речи Найджела Трейта о никчемности некоей леди сильно забавляли. А в ключе новых отношений с этой леди — еще больше.

Зараза.

Мысли вновь устремились на третий этаж, закрутились вокруг дьявольских глаз и слов, сказанных низким будоражающим голосом, но я решительно погнала их прочь. Все, хорош. У меня работа. О личном будете думать в свободное время, леди Рейвен.

Я вошла в лабораторию, зажгла свет и посмотрела на часы. До окончания дежурства оставалось еще добрых пять часов. После холода улицы и стремительного разогрева в герцогском кабинете в сон стало клонить с удвоенной силой. Приготовив себе на лабораторной газовой горелке кофе (к этому тайному знанию, передающемуся от новичка к новичку за спиной Трейта, которого удар бы хватил от подобного использования лабораторного имущества, меня приобщили не так давно), я уселась с чашкой за дежурный стол и, прихлебывая маленькими глотками обжигающий напиток, принялась заносить в журнал детали вызова.

Вообще мне повезло. Первой, ну почти, оказаться на месте убийства очередной жертвы нашего маньяка, которому в лаборатории уже лениво подбирали кличку, но пока достойного варианта не нашли, — это большая удача. Память бережно сохранила малейшие омерзительные детали сцены, и в том, что касается именно этого убийства, у меня теперь есть небольшой козырь. Результаты вскрытия способен изучить любой эксперт, и неограниченное количество раз. А побывать на месте реально лишь единожды. Малейшая деталь может иметь значение.

Я посмотрела на свою запись. «15 сентября, 2 часа 47 минут пополуночи, тупик между номерами 6 и 8 по Конюшей улице...». Что-то, а мою руку в дневнике издали видно. Чистописание у остальных экспертов заметно хромает!

Помедлив мгновение, я перелистнула четыре страницы назад и нашла первое убийство. «1 июля, 6 часов 23 минуты пополуночи, порог номера 14 по Звездной улице...»

Позже выяснилось, что в этом доме погибший и проживал. Не дошел. Труп обнаружила соседка, прибывший на место эксперт-криминалист с констеблем постановили, что убийство, пусть и загадочное в связи с удалением органа, к магии отношения не имеет. Слегка завышенные показатели амулетов списали на погрешность, и труп забрали в полицейский участок.

Я перевернула страницу обратно.

«18 июля, 4 часа 58 минут пополуночи, Королевский сквер...»

По счастливой случайности в эту ночь дежурил тот же самый криминалист, которого теперь легкое завышение показателей и знакомый «почерк» на теле насторожили. Был подан и одобрен запрос на передачу тел в департамент по контролю магии.

Расследование шло ни шатко ни валко. Никаких значимых зацепок и по сей день найти не удалось. Дело грозило зарости паутиной под кипой более насущных и решаемых. Особенно в свете того, что преступник затаился. И хоть все криминалисты до единого были уверены — не навсегда, работы в отделе было более чем достаточно, чтобы еще бегать за привидением. Начальство, впрочем, это не устраивало. Газеты продолжали вяло бубнить на тему некомпетентности и нагнетать страхи, его величество высказывал свое «фи» герцогу, а тот любезно передавал королевскую благодать по цепочке вниз. Трейт в конце концов не выдержал, взвился, заявил, что ему не хватает работников, и потребовал увеличить штат на еще одну единицу.

Ох, как он теперь об этом требовании жалел...

Пророчества сбылись: спустя три недели после того, как я вышла на работу, — новый труп. И вот теперь, через восемь дней, еще один.

Страницы шелестели туда-сюда, взгляд бездумно скользил по неровным разномастным строчкам. Все же странно, что между убийствами такая разница во времени. Две с половиной недели, больше полутора месяцев и неделя. Сроки меня смущали.

Смущало и другое.

У убийцы всегда есть мотив...

Перед глазами живо нарисовалась круглая фигура профессора Штайна. Он до сих пор носил давно вышедшие из моды клетчатые брюки, без конца вытирал потеющую лысину, говорил с картавым алемарским

[5]

акцентом, любил обводить аудиторию подслеповатым взглядом поверх пенсне и угощал студиязусов пряными хлебцами, которые в тоске по родине пекла его жена. И при всем этом был одним из самых строгих преподавателей кафедры. Я пересдавала его экзамен два

раза и лишь тогда удостоилась проходного балла и удовлетворенного: «Оказывается, и из леди можно сделать человека!»

У убийцы всегда есть мотив. Согласно статистике полицейских протоколов, самым распространенным мотивом являются неприязненные отношения. На втором месте стоят деньги. На третьем — «гоковые ст'гасты». Пока не будет выяснено окончательно, есть ли хоть какая-либо связь между жертвами, первый и третий можно отодвинуть.

Деньги...

Я пощекотала нос кончиком пера. Ограблены жертвы не были. Раздеты — да, но одежда и личные вещи валялись тут же, рядом с телом. Заказное убийство? Да кому надо заказывать того же нищего пропойцу? Все, кому он мог насолить, его не постеснялись бы и лично прихлопнуть. Вырезанные органы могли идти на продажу, но все же этот финансовый аргумент тоже казался мне сомнительным. Разве что на продажу для...

Черные ритуалы, запретная магия, поклонение языческим богам... сюда же сумасшествие разной степени — это в картину, на мой взгляд, вписывалось гораздо больше, и я возлагала большие надежды на завтрашнюю, вернее, уже сегодняшнюю беседу с отцом Гербертом. Инициатива была моя личная, естественно, поэтому и отправлялась я к нему в свой последежурный выходной. Я не сомневалась в компетентности коллег, а из отчетов знала, что со специалистом на эту тему они уже беседовали, но с другим. Мне же хотелось узнать мнение человека, который произвел на меня неизгладимое впечатление своим умом, знаниями и чувством юмора, качеством для священника уникальным. Он трижды читал нам лекции, и под впечатлением от них одну из курсовых я посвятила криминалистической характеристике оккультных преступлений, а во время написания частенько забегала в его приход за консультацией.

Все же как жаль, что мне не побывать на вскрытии. До женщины меня тогда тоже не допустили... сиди теперь пятый труп жди.

Я похвалила себя за неугасаемый оптимизм и веру в силы маг-криминалистов и мысленно поправила — пятый труп на повторное вскрытие. Откинулась на спинку стула, баюкая в ладонях еще теплую чашку.

Накануне самого первого в моей жизни — и жизни всех моих соучеников, будущих криминалистов-первокурсников — вскрытия, помню, меня знатно потряхивало. От злости. Потому что, выходя из кабинета, я помедлила и краем уха услышала, как студенты спорили, в какой именно момент я упаду в обморок, кто из них будет меня ловить и за какие части тела в процессе «ловления» хотел бы подержаться. Хотя нег, насчет последнего они не спорили, а были удивительно единодушны. Фантазии — ноль.

В тот день я была крайне признательна традиции, по которой леди без нюхательных солей, можно сказать, и не леди, и не менее благодарна опытным сочувствующим старшекурсникам, посоветовавшим не завтракать...

Мысли текли вяло, переплавлялись из одного в другое, и изначально намерение хорошенько посидеть над делом маньяка отступало под незаметно надвигающимся гнетом дремы. Вот бы нам сюда диван из кабинета Кьера...

Хотя и стул, если подумать, тоже вполне ничего...

Первым на работу, словно невзначай, явился Гарн Гейл и громко хлопнул дверью, разбудив.

Так что к появлению Трейта, спустя десять минут (он тоже совершенно случайно прибыл на полчаса раньше обычного — удивительная тяга к труду!), я была уже бодрa, жизнерадостна и излучала прежний трудовой энтузиазм, заставляющий первого криминалиста скрипеть зубами. А уж когда я обрадовала его новостями о свежем трупе, у любимого начальника чуть челюсти в песок не раскрошились — так он их сжал.

Ну а потом меня ожидаемо выставили за дверь.

Зябко ежась, я нырнула в сентябрьское утро, подернутое туманной дымкой. Промокший ботинок за остаток ночи так и не высох и хорошего настроения не прибавлял, как и настойчивый гнусавый вопль в спину:

— Мэм! Пойдите! Да стойте же! Мэм!

Я на всякий случай обернулась, чтобы рывкнуться на ту даму, которую узвался уже голосистый кавалер, и с удивлением осознала, что вопль этот звучал в мой адрес. И исходил от извозчика,

безуспешно пытающегося привлечь мое внимание. Приблизиться вплотную ему мешали высаженные по бульвару деревья.

— В ваших услугах не...

— Уже оплачено, мэм. Господин маг велел отвезти, куда пожелаете. Звонкой монетой заплатил, уж извольте услужить, мэм. Домчу с ветерком!

— Ветерка мне еще только не хватало, — проворчала я, плотнее запахивая пальто. — Какой еще господин маг?

— Высокий такой, чернявый. Он мне вас, мэм, преточно описал. И заплатил хорошо. И если не исполню все, как приказано, то сработает проклятие страшное магическое и отсохнет у меня часть тела важная, незнамо какая, так что вы уж, будьте ласковы, полезайте в экипаж. Хорошо заплачено, и частей тела у меня, знаете ли, не важных и нет совсем, почитай.

Ну Кьер! Высокий-чернявый...

Я сцедила улыбку в воротник и с немалым облегчением забралась в пролетку. Назвав извозчику адрес, откинулась на жесткую кожаную спинку и поняла, что так и продолжаю безотчетно улыбаться.

Дом встретил меня убийственным ароматом свежих булочек. И наверняка на столе уже стояли вазочка с моим любимым вишневым джемом, и чайник, полный крепкого свежесваренного чая, и блюдце с прозрачными лимонными дольками, и сахарница с любимыми серебряными щипцами в виде ракушек...

Я мученически вздохнула, беззвучно притворила дверь, умудрившись не щелкнуть замком, и на цыпочках двинулась к лестнице, стараясь не шуршать юбками.

Задумка провалилась на третьей ступеньке снизу. Проклятой скрипящей третьей ступеньке!

Первым делом с зарплаты я найму мастера и почию эту чертову третью снизу ступеньку!

— Марианна, леди Эрилин вернулась и желает завтракать! — звонкий голос виконтессы Амелии Рейвен прошел все стенные перегородки, умудрившись не сорваться при этом на крик. Горничная возникла в дверях столовой, сделала книксен, стараясь не поднимать на меня глаз. Круглые щечки предательски краснели. Находиться между двух огней, а если вернее, огнедышащих драконов, ей категорически не нравилось, но что поделать, у всех свои издержки профессии.

— Леди Эрилин, завтрак...

— Спасибо, Марианна, не нужно. — Я продолжила подниматься по лестнице. — Мама, я не голодна! Я устала и хочу спать!

Мой крик был куда менее изящным, до маменькиного уровня владения голосом мне еще расти и расти. А возможно, не дорасти никогда.

— Марианна! Леди Эрилин просит, чтобы завтрак подали ей в спальню, — непререкаемо прогремело мне в ответ.

Горничная посмотрела на меня жалобно-вопросительно, и я кивнула, закатив глаза. Дорогая матушка со мной не разговаривала, но ушные перепонки всех обитателей дома от этого почему-то страдали только больше.

Бессонная ночь после целого рабочего дня сдавливала виски железным обручем. Пара часов полудремы на жестком стуле облегчения не принесли, поэтому прямо сейчас я мечтала только о постели. И даже герцога в ней, окажись он там каким-то чудом, восприняла бы исключительно в качестве подушки.

Сбросив одежду неаккуратной кучей прямо на пол, я распустила волосы, украсив беспорядок россыпью шпилек. Кровать манила к себе свежестью и обещаниями крепкого сна, но я сначала направилась в ванную. Быстренько смыть с себя ночные приключения, и тогда — спать!

Проснулась я в первом часу дня, а вот подняться с постели смогла только во втором и то лишь потому, что через два часа меня ждала встреча с отцом Гербертом, а до церкви Святого Виссария в северном округе Карванона

[6]

еще добраться надо. Уж слишком приятно было дремать, утонув в подушках, и в кои-то веки ни о чем не думать.

Пока я спала, Марианна унесла одежду, а шпильки сложила на туалетный столик. Завтрак стоял рядом с кроватью, где я его, поразмыслив, и оставила. Булочки своей прелести не потеряли и

даже, наоборот, приобрели, когда вместе с разумом проснулся голод, но сейчас было время ланча, а в меня влезет либо одно, либо другое. И для душевного спокойствия всей семьи будет лучше, если я поем под бдительным взглядом маменьки. Я потянулась до хруста в костях и дернула за шнурок серебряного колокольчика возле кровати. А когда я вымытая, одетая, причесанная, одним словом — ожившая, спустилась в столовую, то с немалым облегчением обнаружила, что стол накрыт на одну персону.

Брат, ясное дело, на службе. Энсин

[7]

Карванонского полка мечтал о блистательной военной карьере, спасении жизни самого короля и, таким образом, восстановлении родовой чести. Мечты и устремления эти, в отличие от деятельности его бестолковой сестрицы, матушка всячески поддерживала и поощряла.

Отец целыми днями или пропадал по делам, или безвылазно сидел в кабинете, разложив бумаги, как дама юбки. Кровь виконтов Рейвенов текла в его жилах, заставляя бросать все силы на приумножение, а если вернее, воссоздание семейного состояния. В чем-то он весьма преуспел. Родовое поместье за пятнадцать лет фактически воскресло из небытия, начал приносить доход, достаточный для того, чтобы родители по окончании ссылки смогли перебраться в столицу и обеспечить нам жизнь пусть не роскошную, но минимально соответствующую людям нашего положения.

Маменька же взвалила на себя непосильную ношу возвращения семьи Рейвен в столичное аристократическое общество. Старые подруги, давние знакомства, «случайные» встречи в парках, ни к чему не обязывающие утренние визиты и щебетанье за чашечкой чая. Дело осложняли мы с братом — оба еще не обзаведшиеся собственной семьей. Почтенные леди не без оснований полагали, что виконтесса Рейвен не прочь выгодно пристроить чад, но выгода в таком браке была бы исключительно односторонняя, а потому встречали матушку радушно, но на ужины и приемы звать не торопились.

«Вода камень точит», — печально вздыхала она и нежно перебирала тонкими пальцами прямоугольники визиток, хранившихся в большой малахитовой шкатулке.

И только леди Эрилин Рейвен, вместо того чтобы приносить хоть какую-то пользу, лишь угрожала благополучию и без того страдающего семейства.

А что я могла? Сопроводжать маменьку не вариант. Я пусть и достигла уже преклонного возраста для потенциальной невесты, но более чем привлекательна и к тому же не дура. Дамы с сыновьями боялись лишний раз пускать меня в дом, а дамы с дочерьми опасались конкуренции. Помогать отцу в делах? Он бы хотел, но... семейной коммерческой жилки, которую в высших кругах принято прикрывать везением, я была лишена начисто. И даже получи я образование в этой области, вряд ли смогла бы быть действительно полезной. Что поделать, если нужными талантами меня Господь обделил, одарив вместо этого какими-то совершенно для леди бестолковыми.

В тон моим мыслям невыносимо зачесалось под правой лопаткой, и я потерлась о спинку стула, раздраженно чувствуя себя беспородной блохастой дворяжкой. Опять колебания фона? Вечно после них печать то зудит, то ноет...

Я бросила взгляд на часы, ужаснулась и перестала уныло катать горошины по тарелке.

Пальто, шляпка с вуалью, перчатки, прямая осанка, приподнятый подбородок — спустя двадцать минут леди Эрилин Рейвен покинула особняк на Молочной улице.

Карванон — неровный круг, очерченный серыми гранитными стенами, — был поделен на девять округов, и план его, выложенный цветным камнем на Ратушной площади, был похож на гигантский цветок. Желтая монетка посередине — Центр — Королевский холм, сердце столицы и буферное кольцо парков, отделяющее его от всех остальных округов. А от него лепестки. Красный Север — фабричные районы. Оранжевый Северо-Восток — ремесленные кварталы. Розовый Восток — речной порт. Зеленый Юго-Восток — торговля. Голубой Юг и Синий Юго-Запад — жилые кварталы. Фиолетовый Запад — военный и тюремный округ. А по насмешке судьбы рядом с ним Черный округ — Северо-Запад, трущобы.

На самом деле четким деление на округа было лишь пару веков назад, когда каждый лепесток был огорожен еще и замковой стеной, разделявшей столицу на девять городков. Карл V, отец ныне правящего Эдгара VII, еще в юности велел эти стены разобрать и пустить на строительство общегородских укреплений ввиду грозящего военного конфликта с Форсией

[8]

и стесненного бюджета. Конфликт погрозил-погрозил да и рассосался с помощью удачного королевского брака, а собирать полуразобранные стены обратно стеснило бы бюджет еще больше.

Первыми расплозились по всему городу торговцы. За ними потянулись фабрики, уверенно тесня в обе стороны и трущобы, и ремесленников. Часть трущобных жителей перебралась в порт, часть — в подопустевший Зеленый округ, и теперь там вылизанные до блеска бульвары дорогих бутиков чередовались с проплешинами дешевых рынков, куда, не приковав кошелек на цепь, сунуться было страшно. В жилых кварталах жители побогаче подобрались, брезгливо поджались к Центру, уступая окраины расплодившимся увеселительным заведениям и отгородившись от них слоем среднего класса. И только военный округ почти не претерпел изменений.

Ланландский всенаучный университет, в котором из леди сделали человека, десять лет назад находился прямо под боком у королевского дворца, символизируя монаршую просвещенность. Однако Эдгар VII решил, что с него просвещенности не убудет, если юные, шумные и время от времени даже буйствующие соседи переедут чуточку подальше. Самую малость. Всего-то за Волчий Лес — дикий парк, некогда отделявший Центр от Черного округа. Мы, его величество король, даже озаботимся построить целый университетский городок, снеся несколько сотен ночлежек (а на деле подремонтировав их до уровня студенческих общежитий) и возведя блистательное мраморное здание нового Ланландского всенаучного университета. Здание действительно блистало, особенно на солнышке, а крысы... да где их нет, этих крыс, ну если по правде-то?

Так что благодаря приятному соседству в столице я чувствовала себя уверенно, несмотря на то что прожила большую часть сознательной жизни в глухой провинции. Вздрагивать от каждого шороха быстро устаешь, а избегать слишком опасные места учишься еще быстрее. И хотя из общежития я со второго же года обучения съехала — спасибо папеньке и его предпринимательскому таланту — на съемную комнатку у почтенной вдовы в Голубом округе, опыт жизни там оказался незабываемым.

Поэтому гулять по всей столице пешком я не боялась. И даже любила.

Каблуки звонко стучали по мостовой. В воздухе пахло осенью — дождем, мокрой желтеющей листвой. Узкие дома Молочной улицы быстро сменились широкими фасадами особняков людей состоятельных. Родители к выбору места жительства подошли ответственно. Резиденция виконта Рейвена стояла ровно на границе двух миров — среднего класса и аристократии — вроде бы здесь, а вроде бы там. И дешевле, и достоинство не уронить.

Мне предстояло прогуляться по «верхушке» Синего округа, пройти сквозь Янтарный парк, насквозь весь Центр и дальше, через Северные сады в самое сердце Красного округа, где между стекольным заводом и ткацкой фабрикой возвышалась узкая, словно стиснутая двумя этими мрачными невыразительными зданиями церковь Святого Виссария.

В ней было пусто. Еще бы, разгар рабочего дня. Прихожане отца Герберта все поголовно трудились на окрестных фабриках, зарабатывая себе на жизнь и гробя ее же. Маги-целители почти все проходили практику в Красном округе.

Пылинки плясали в цветных витражных лучах, а воздух наполняло негромкое, но веское и густое бормотание — отец Герберт репетировал вечернюю проповедь. Заметив меня, он оторвался от записей, выпрямился, приветливо улыбнулся и двинулся мне навстречу. Узкое лицо, близорукий прищур серых глаз, седые виски, белоснежная сияющая колоратка под острым подбородком — священник на первый взгляд казался человеком тяжелым и резким, что совершенно не соответствовало действительности.

Мы встретились посередине нефа. Я присела в почтительном реверансе, священник взял меня за плечи и одарил отеческим поцелуем в лоб.

— Простите меня, святой отец, я согрешила. — Моих губ коснулась улыбка.

— Отпускаю тебе грехи твои, дочь моя, — совершенно серьезно отозвался отец Герберт.

— Что, даже не спросите, какие именно?

Следуя приглашающему взмаху руки, я опустилась на длинную деревянную скамью.

— Убила кого-нибудь? — деловито осведомился священник.

— Нет, — я оскорбленно помотала головой.

— Обесчестила?

— Скорее наоборот, — пробормотала я себе под нос.

Отец Герберт ухмыльнулся и подытожил:

— Ну а все остальное, дочь моя, в нашем жестоком мире поправимо. Оставим беседы о Боге тем, кто в них нуждается. Он пустословия не любит. Ты писала, что нужна помощь.

Я приосанилась и поведала отцу Герберту обо всем, что мне было известно в связи с убийствами, и о собственных приоритетных версиях — черные ритуалы и старые культы. Я посетовала, что не могла взять из отдела фотографии с мест убийств, но святой отец расспрашивал так досконально, в таких деталях, что под конец я была убеждена — картину он себе составил совершенно точную.

Отец Герберт задумался, потирая подбородок.

— Если с ходу, Эрилин, то я думаю, что ваши специалисты не ошиблись. Любой культ я могу отмести сразу же — ни одно божество из тех, в кого веруют люди, не примет в дар большой орган. Это абсолютное неуважение к высшим силам.

— А если убийца просто не знал о пьянстве? Мы же тоже не сразу выяснили...

Священник покачал головой.

— Ни один священнослужитель не возьмет первую попавшуюся жертву. Из тех же соображений. Всех без разбору когда-то резали только во имя Кровавого Бога Мцани, но его последователям было далеко до изящества вашего убийцы. Недаром до сих пор на жертвенных алтарях все рисуют юных девственниц. Дело не только в чистоте и непорочности — но и в жизненной силе. Так что жертв отбирают тщательно, чтобы божество было довольным. Даже если у остальных жертв нет проблем со здоровьем, я не верю, что возможен такой прокол с первой. Что же касается запретной магии и черных ритуалов... магия оставила бы яркие следы.

— Их могли затереть, — возразила я.

— Могли, — согласился отец Герберт. — Но тогда их затерли бы полностью, а не забывай, мы живем в столице.

Я недоуменно нахмурилась, пытаюсь разгадать загадку, и почти сразу сообразила:

— Затереть можно только всю магию!

И правда, нас же учили этому. В Карваноне находятся две магические школы, не говоря уже о тысячах работающих магов. Магический фон здесь никогда не бывает совершенно спокойным, и все амулеты считывают его с поправкой. И если бы они вдруг выдали полное отсутствие фона, тела бы сразу же перешли к нам.

— Именно. Столичные маги-преступники предпочитают маскировать чары, запутывать их, постепенно уводя след в никуда, или же... ну да ты и сама знаешь.

И правда, знала. И сейчас корила себя за глупое предположение о затирании. Как быстро растрясются знания с университетской скамьи. Надо будет взять за привычку перечитывать конспекты. А еще лучше пару книжек нужной тематики для домашнего чтения купить. Важно только, чтобы мама через плечо демонстрационные иллюстрации не увидела...

— Ну а ритуалы... — продолжал отец Герберт. — Меня смущает такая нерегулярность.

Ритуалы, как правило, это четкий, строгий набор правил, по которым их и можно отследить.

Такие скачки во времени для них не характерны. Да и протяженность... но с полной уверенностью утверждать не буду, еще покопаюсь в вопросе, переговорю с парой знакомых специалистов. Если что-то найду — дам знать.

— Спасибо, святой отец.

Я поднялась. Было самую малость досадно — в глубине души мне по-детски хотелось верить в чудо и как можно быстрее утереть нос Трейту. Но чудес не бывает. Как бы это ни провокационно звучало в храме Господнем.

— Не за что, дитя мое. Береги себя.

Я вышла из церкви, постояла несколько мгновений, запрокинув голову и разглядывая небо, затянутое дымом и паром, закопченные трубы и местами разбитые провалы окон. Вздохнула и зашагала обратно.

Людской водоворот, немного чуждый после особенной церковной тишины, легко утянул меня за собой под хриплые надрывающиеся вопли мальчишек-газетчиков: «Убийство! Убийство! Убийство на Конюшей! Кровавые подробности! Живодер снова вышел на охоту!» Живодер, значит. Ну вот и поименовали...

Роль 3 СЕСТРА МИЛОСЕРДИЯ

— Умру во цвете лет и никому — никому! — до этого нет дела!

— Вы, как всегда, преувеличиваете, маменька, — сдержанно отозвалась я, слишком занятая отсчитыванием капель. Под беспрестанные причитания делать это было ох как непросто. — Тридцать шесть, тридцать семь...

— Что ты там бормочешь? Молитву? Я еще не настолько умираю, Эрилин! Но начну! Начну прямо сейчас! Где мои капли?

Я только закатила глаза и продолжила отсчитывать.

На часах — шесть утра, в родительской спальне остро пахло мятой, от которой у меня у самой уже голова шла кругом. Я — в пеньюаре поверх ночной сорочки, лохматая, как ведьма, и бледная от недосыпа, как вампир, стояла и наблюдала, как мучительно медленно падали в стакан капли из пузатого коричневого пузырька с завлекательной надписью: «Сироп доктора Вифля. Семь бед — один ответ!». А все почему?

А все потому, что Марианна отпросилась на три дня к себе в деревню на свадьбу младшей сестры. Замену она себе, естественно, подыскала, матушка ее одобрила, обе проинструктировали, так что девушка вчера весь вечер ходила с круглыми глазами и деревянной осанкой. Наверное, боялась лишний раз тряхнуть головой и расплескать ценное знание.

Но доверить приготовление лекарства «не-Марианне» маменька никак не смогла.

А вдруг она не умеет считать? Хорошо, вдруг она не умеет считать до семидесяти пяти? А вдруг просчитается, а вдруг недосчитается? А вдруг разобьет?..

Отец при первых же душераздирающих столах малодушно сбежал в кабинет на первом этаже, а я, констатировав, что заткнуть уши подушкой не выходит, а песнь умирающего лебедя и не думает стихать, отправилась исполнять дочерний долг.

Жест маменька, кажется, оценила, ибо теперь снова со мной разговаривала.

Семьдесят три, семьдесят четыре, семьдесят пять!

— Вот, маменька, держите ваше зелье.

— Микстуру! — строго поправила многоуважаемая виконтесса, пропустив шпильку мимо ушей.

Она приняла у меня стакан, зажмурившись, опрокинула в себя его содержимое, как заправский пьяница, и содрогнулась всем телом.

— Прекрасно! Просто прекрасно! Я уже чувствую себя лучше. Доктор Вифль — просто волшебник, он творит чудеса. Я тебя всенепременно к нему запишу, он наверняка поможет.

— С чем, мама?

— Ты себя в зеркало видела, дорогая моя? Побледнела, осунулась... привидение, а не уважающая себя леди. Уважающая себя леди и разбуженная среди ночи должна выглядеть нежным полураспустившимся розовым бутонем...

«Нежный бутон» в моем сонном лице широко зевнул, прикрыв рот ладошкой, и поплелся в сторону своей спальни. До официального подъема еще сорок минут, и, если повезет, может еще получится их проспать, а не проворочаться.

Зато к завтраку умирающая виконтесса спустилась первой.

Наше семейство, где все не слава богу, редко когда собиралось за трапезой в полном составе.

Отец выходных не знал и мог пропадать по своим делам в любое время дня и ночи. У брата служба, которая предполагала утреннюю, дневную, вечернюю и ночную вахту. У меня рабочий день, задержки в лаборатории и дежурства. Маменька по этому поводу ежедневно скорбела и поминала добрым словом жизнь в глуши и размеренные семейные застолья. Поэтому, когда

случалось так, что все мы оказывались за одним столом, настроение у нее тут же поднималось, а смертельные недуги, атакующие со всех сторон, мгновенно отступали.

На лестнице я столкнулась с братом, и в столовую мы спустились чинно, рука об руку, под его недовольное сопение. Кажется, он наконец-то подобрал аргументы на тему того, почему мне не стоит видиться с герцогом, но донести их сейчас не мог — услышат.

Однако начаться завтрак не успел.

«Не-Марианна» нервно присела при нашем появлении и тут же протянула мне плотный желтоватый конверт с крупной сургучной печатью департамента.

— Вам, миледи, доставили только что.

Я опустилась на стул и, отмахнувшись от «Эрилин, сначала поешь!», с хрустом вскрыла печать. В конверте обнаружились два прямоугольных билета на поезд и письмо. Стоило мне развернуть сложенный втрое лист, как наискосок поверх мелких строчек вспыхнула сиреневым надписью:

«Алиби. Но билеты тебе пригодятся», — и тут же угасла, не оставив и следа.

Я метнула взгляд на родителей, но те, кажется, ничего не заметили.

— Что там, дорогая? — полюбопытствовал отец, и я вернулась к письму.

«Донести до вашего сведения... в связи с нездоровьем... срочная командировка...» Что?!

Сдержать эмоции мне все же удалось, и, подняв глаза на застывших в ожидании родственников, я с милой улыбкой сообщила:

— Сегодня вечером я уезжаю в Тарнхил. Там произошло схожее убийство. Необходимо убедиться, что это не наш Живодер, и опросить свидетелей. Должен был ехать мой коллега, но он серьезно заболел. Вернусь в воскресенье после полудня.

— Это возмутительно! — Мама оскорбленно поджала губы. — Что они себе позволяют?

Отправлять тебя к каким-то трупам, в выходные...

— Они позволяют мне выполнять мою работу, мама, — ответила я и вздохнула. Ах, если бы это было правдой! — А теперь прошу меня извинить, мне надо собрать вещи.

И обрушить проклятия на голову одного герцога, наивно полагающего, что леди способна собраться в двухдневную поездку за пятнадцать минут!

— А как же завтрак?.. — скорбно полетело мне вслед.

В итоге нужные вещи я просто покидала на кровать, приказав «не-Марианне» к вечеру их утрамбовать в чемодан. Торопливо проглотила, не чувствуя вкуса, принесенные в комнату блинчики, запив обжигающим крепким чаем, и поспешила на работу, на бегу завязывая бант шляпки. Еще не хватало опоздать!

И надо же было на лестнице снова столкнуться с Греем.

— Я все видел! — обличительно прошипел он, ухватив меня за локоть.

— Ну, значит, теперь можно и помирать со спокойной душой, раз уж видел прям-таки все...

— Эрилин!

— Молодец. — Я высвободила руку и почти вприпрыжку поскакала вниз. — Еще чуть-чуть потренируешься и будешь ух как грозен! Так грозен, что тебе сразу генерала дадут, не раздумывая!

Захлопнувшаяся за моей спиной дверь особняка лишила молодого энсина необходимости придумывать в ответ что-то не менее острое.

Со стороны наши отношения с братом, наверное, выглядели несколько странно. Мои издевки были зачастую далеки от добродушных, а его злость на меня — от наигранной. Но нас обоих это устраивало.

За годы в ссылке Грей был в общем-то моей единственной подружкой. Девиц моего положения и возраста в округе не имелось, в ближайший город мы выбирались нечасто, с крестьянками босоногими леди бегать не пристало. Поэтому почти все время мы проводили вдвоем. И, поскольку я была старше и бойчее, тон этому времяпровождению задавала я.

А потом Грей начал взрослеть, мужать, осознавать себя в роли наследника и будущего главы семьи. И тренироваться он решил на мне, взвалив на себя нелегкую долю опекать бестолковую старшую сестренку. Ну а бестолковая сестренка не была бы таковой, если бы эту опеку оценила. Вот и вышло что вышло.

К взаимному, надо признать, удовольствию. Я подозревала, что для Грея укрощение строптивой сестрицы — что-то сродни проверке на прочность, и в тот день, когда ему удастся оставить за собой последнее слово, он ощутит себя настоящим мужчиной.

Пришлось раскошелиться на пролетку, зато по ступенькам департамента я взлетела именно в тот момент, когда часы на Ратушной площади громко пробили девять. И надо ж было в дверях почти столкнуться с герцогом!

Я потянула на себя дверь, а Кьер в тот же момент ее открывал, и когда мы напоролась друг на друга взглядами, мне показалось, что позолоченная медь под пальцами в мгновение ока раскалилась.

«Ваша светлость» — почтительный реверанс. «Леди Рейвен» — сдержанный поклон.

У меня внутри все скрутилось в нервный горячий ком, и во рту пересохло. Хотелось удержать, продлить это мгновение, остановить мир вокруг... но я скромно опустила ресницы и обошла главу департамента, лишь слегка задев юбкой. Короткий взгляд мне в спину — физически ощутимый, вызвавший колкие мурашки по позвоночнику, — и дверь закрылась.

Я замедлила шаг, глубоко вдохнула, медленно выдохнула, отрешаясь от неожиданно ярких ощущений, и поспешила в криминалистический отдел, лавируя в утреннем потоке разбегающихся по местам службы коллег по департаменту.

— Леди Рейвен, — поприветствовал меня Трейт, и создавалось ощущение, что еще немного, и яд закапает с его клыков. — Явились.

— Я разве опоздала? — поинтересовалась я, стягивая шляпку и обводя взглядом коллег, сидящих за длинным общим столом. Свободного стула за ним, надо заметить, не было.

— К сожалению, нет, — отозвался мой любезный начальник и, глядя в угол, где на старом стуле со сломанным сиденьем были свалены газеты, предложил: — Присаживайтесь.

Я собиралась невозмутимо подтащить к столу один из рабочих табуретов из лаборатории, но трое коллег разом поднялись, уступая мне место с каменными, игнорирующими бешенство первого криминалиста физиономиями. Поблагодарив, я опустилась на ближайший стул, и Ричи Адгер, самый молодой член отдела, блестящий патологоанатом, восходящая звезда, просто прислонился к стене, скрестив руки на груди. Сверлящий взгляд начальства его не трогал — в своем светлом будущем парень не сомневался.

Господин Трейт бросил прожигать дырки в подчиненных, коротко и кротно возвел глаза к потолку, шевельнув губами, и уже сухим деловым тоном произнес:

— Для тех, кто не в курсе.

Судя по всему, это была не только я, потому что только ради меня Найджел Трейт распинаться бы не стал.

— Вчерашнее вскрытие показало, что у убитого отсутствует значительная часть тонкой кишки. В остальном — труп как труп. Как и раньше — никаких знаков на теле, никаких остатков магии, по которой можно было бы отследить убийцу, только общефоновые. Следы усиленного магией аптечного хлороформа, рука профессионала. Личность не установлена. — Первый криминалист повернулся к черной грифельной доске, висящей за его спиной, и крупно вывел: «1. Ритуал». — Мы ранее эту версию отбросили за нехваткой информации, но ее стоит еще раз тщательнейшим образом пересмотреть. Ищите узких специалистов, ищите новые исследования, древние исследования, разгадка может быть где угодно. Дальше?

— Торговля? — уверенно предположил Тарн Гейл. Эта версия среди прочих уже разрабатывалась, но пока что вяло из-за нехватки зацепок.

На доске появилась цифра два.

— В таком случае проще выходить на заказчика. Кому продавать? Для чего?

Вопросы задавались все тем же сухим, отрывистым тоном, заставляющим мозг нервно работать быстрее, и то растерянно замирать, то подсовывать идеи, пусть даже глупые, зато со страшной скоростью.

— Для ритуала. Самим руки марать не хочется, — сверкнул улыбкой Ричи. Под двойкой нарисовался подпункт.

— Алхимикам на декокты, — буркнул бородатый Свен, у которого отношения с низеньким пучеглазым господином Дорном, главным по пробиркам, не ладились.

— Это возможно? — Трейт повернулся к последнему.

— Алхимия всегда пыталась раздвинуть границы возможного, так что в ней, теоретически, возможно все, — пафосно изрек он.

Второй подпункт украсил траурный грифель.

— В целительской науке уже который год активно мусолят тему замены органов, пересадку больным — здоровых, — снова подал голос наш патологоанатом. — Помните, с пяток лет назад

все газеты трещали о том, как парочка людей резала, потому что университет за свежие трупы неплохие денежки отваливал? Чем не аналогия, только частная?

— Дело. — Трейт нехотя кивнул, все еще не одобряя джентльменский поступок коллеги.

— Заменять больной орган больным? Как-то не по-целительски... — Я подала голос, и в комнате на мгновение повисла оглушительная тишина. Такая, что даже слышно было, как яростно раздулись крылья трейтовского носа.

— Печень пьяницы, — первым догадался Тарн Гейл. — И то верно. Даем маньяку право на ошибку?

— А у остальных все в порядке? — Я посмотрела на Ричи, по болячкам он у нас главный. Патологоанатом пожал плечами.

— Мне, знаете ли, несколько сложно судить, в каком состоянии находились удаленные органы. Вот если бы их нашли... но общую оценку состояния организма я делал для каждого, посмотрим, есть ли шанс что-то выявить по побочным симптомам. Личности же по-прежнему не установлены. А так можно было бы знакомых-родственников опросить...

Он метнул выразительный взгляд в высокого, крайне привлекательного Орриса Майновера, который, собственно, именно этим и должен был заниматься. И я умиленно подумала, что суровый мужской коллектив мало чем отличается от родного сердцу женского серпентария.

— А что, если ему больные и нужны? Проводит какие-нибудь исследования по оздоровлению отдельных органов...

— А чем ему тогда мертвецкие при больницах не угодили? И больных в изобилии, и подробный анамнез в наличии, — возразил Ричи. — А при должной сноровке, которая у нашего маньяка в наличии, «пропажу» могут даже и не заметить, в том случае, если согласия родственников на удаление нет.

— Вернись к трупам, займись составлением списка возможных болячек, — кивнул ему Трейт. — Вытряси из них все, что можно. А ты, Оррис, отложи все, подключи полицию — герцог соответствующее распоряжение подпишет — и давай уже из-под земли мне достань тех, кто знает погибших.

Он все-таки вывел на доске «целительство» и после этого обвел всех строгим взглядом.

— По деньгам все?

Коллеги переглянулись и неопределенно пожали плечами.

— Значит, дальше.

— Сумасшествие, убийства ради удовольствия. — Тарн озвучил последнюю версию.

Самую нелегкую, надо признать. Психов в столице вагон и маленькая тележка. Опасных, правда, только тележка, но и тех поди перелови. Психов-магов — еще меньше, но лично я пока что склонялась к тому, что магией убийца не владел, а пользовался амулетами. В каких целях — неясно, но как иначе объяснить отсутствие личных следов? Каждый маг пропускает Источник сквозь себя, преобразует его, оставляя след, отличный от фоновых колебаний. По нему далеко не всегда можно найти исполнителя чар, но тем не менее. Только юные магические дарования, еще не овладевшие даром в полной степени, колдуют прямыми всплесками Источника, но в десяти-тринадцатилетнего Живодера мне не верилось.

— Еще?

— Личные мотивы, — внесла предложение я, но Трейт пропустил его мимо ушей.

— Карванонская трагическая история любви, ненависти, дружбы и предательства, — подмигнул мне Ричи.

— Так и запишем, — кивнул первый криминалист. — Личные мотивы...

Я досадливо прикусила губу. Да чтоб ты подавился своей злобой!

— Еще? — Трейт оперся руками на стол, навис над нами лезвием гильотины.

Путных идей в голову не приходило. И не только мне, так что в ход пошли бредовые:

— Каннибализм? — настолько неуверенно произнес Оррис, что было совершенно очевидно, что и сам он подобное не представляет.

— Проспиртованная печень — деликатес-с-с, — прошипел Свен. — И что может быть вкуснее свежего кишечника?

Меня невольно перекосило. Нет, криминалистика — это, конечно, очень интересно, но и интересности есть пределы, а потому прежде, чем мужчины увлеклись, исключительно развлечения ради, перечислением прочих гастрономических изысков, я поднесла пальцы к носу и прикрыла глаза:

— Мне сейчас станет дурно!

И когда меня прожест звереющий взгляд начальника, безмятежно пояснила:

— Я леди, господин Трейт, мне можно!

— Я не леди, но мне тоже дурно! — закатил глаза Ричи.

Трейт, уже собравшийся высмеять тонкую душевную организацию (читай — бесполезность) женщин, обвел нас всех свирепым взглядом:

— Так! Все нежные натуры — одолжили у леди Эрилин нюхательные соли! И если соберетесь блевать — блюйте молча! Остальные продолжили обсуждение дела. По делу!

Я с сожалением развела ладонями, глядя на патологоанатома, — извини, солей не захватила, и тот в ответ лишь ухмыльнулся. Версии посыпались с вялым энтузиазмом — для проработки достоверных-то не хватает данных, что уж о мудреных говорить.

— А может, он приезжий, вот и сроки так скачут...

— А может, он фетишист...

— А может, он модель человека собирает...

— А может, он — она, — проворчала себе под нос я, не особенно надеясь быть услышанной.

По ряду коллег пронесся смешок, и Трейт, обреченно потеряв лоб, свернул мозговой штурм.

— Ты и ты, штудируйте библиотеки, терзайте специалистов по ритуалам. Да, по четвертому разу! Вы двое — уже знаете, что делать. Свен, займешься алхимиками. Остальные — по домам сумасшедших и всем психотерапевтам. Если не укажут на убийцу, так, может, хоть клиническую картину составят.

Я не стала уточнять, вхожу ли я в понятие «остальные». И так было ясно, что меня ждет гора «посуды» после вскрытия. Но ничего, будет и на моей улице праздник.

К вокзалу я подъехала без пятнадцати восемь — за четверть часа до отправления, и если бы «не-Марианна» не исполнила в точности все мои указания насчет багажа, то всенепременно опоздала бы.

Огромное здание из камня и металла с гигантским витражным куполом считалось чуть ли не одной из главных достопримечательностей Карванона, а мне всегда напоминало то ли улей, то ли муравейник, с бесконечным потоком подъезжающих и отъезжающих экипажей, торопливо шагающих людей, снующих между ними носильщиков в форменных зеленых с золотом пиджаках и таких же фуражках. Я поправила перчатки, поудобнее перехватила ручки саквояжа и шагнула в высокую стрельчатую арку входа.

Несмотря на поздний час, внутри было шумно. Перекрикивались люди, гудели паровозы, свистели регулировщики и полицейские. Весь этот гомон в первые мгновения оглушал, но потом так же быстро переставал существовать, откатываясь куда-то на задворки сознания, становясь естественным фоном для окружающего мира. Иного мира, где властвовали черные блестящие гиганты, выпускающие клубы пара, грозно пыхтящие и свистящие, тянущие за собой разноцветные гусеницы.

«Гордость Лестренжа», на котором мне предстояло добираться до Тарнхила, был покрашен в темно-зеленый цвет и, по счастливому стечению обстоятельств, стоял на первом пути.

Я бросила взгляд на билет, чтобы проверить еще раз номер вагона, и недоуменно сморгнула.

Номер «7» на нем чудесным образом переплавился в тройку, а надпись «второй класс с сидячим местом» в «салон первого класса с ужином». Я ощутила себя как в какой-то детской игре, когда тебе по подсказкам надо добраться до спрятанного приза, и никогда не знаешь, что ждет тебя в следующее мгновение. Кьер, очевидно, неплохо подготовился к путешествию. За одним лишь исключением — он забыл подготовить меня! Вот только злиться на него за это не получалось. Место раздражения прочно заняли азарт и жгучее любопытство.

Первому классу принадлежало три вагона. Первые два — купе, третий — вагон-салон, для тех путешественников, кто желает провести время поездки за игрой в карты или просто бокалом игристого вина в достойном обществе.

До сих пор ни там, ни там мне бывать не доводилось.

Здесь перрон был почти пуст — празднующихся от вагонов первого класса гоняли безжалостно. Кондуктор в темно-зеленой, под цвет вагонов, ливрее при моем приближении снял фуражку и поклонился.

— Рады приветствовать вас, мэм. Позвольте ваш билет? — Он бегло изучил протянутый прямоугольник и продолжил с еще большим уважением в голосе: — Позвольте ваш багаж, мэм. Прошу вас.

Кондуктор принял у меня саквояж и подал руку, чтобы помочь подняться по ажурным ступенькам в тамбур.

— Желаете оставить багаж при себе или я могу поместить его в камеру хранения? «Гордость Лестренжа» несет полную ответственность за сохранность вещей пассажиров.

— Да, так будет лучше. — Я мило улыбнулась. Внутри было жарко. Пальцы сами собой тянулись к пуговицам пальто.

— Я также могу предложить вам услуги гардероба, мэм.

Я благосклонно кивнула, стягивая перчатки, и через минуту моя верхняя одежда вместе со шляпкой скрылась в недрах замаскированного под стену шкафа. Как я успела заметить, он отнюдь не пустовал.

Бросив короткий взгляд в зеркало напротив, я поправила выбившийся из прически локон и шагнула в любезно открытую для меня дверь.

— Прошу вас, мэм, мы отправляемся через пять минут.

Вагон-салон «Гордости Лестренжа» по пышности если и уступал герцогской гостиной, то ненамного. Неудивительно — путь этого паровоза был проложен через богатейшие земли королевства. А конечный пункт назначения, Лестренж, был известнейшим ланландским водным курортом, рядом с которым находилась летняя королевская резиденция.

Кресла, диванчики, пышно цветущие розы, длинный обеденный стол в противоположном от меня конце, красный с золотом ковер на полу. Я окинула беглым взглядом обстановку и приветливо улыбнулась присутствующим, чье внимание своим появлением невольно привлекла.

Четверо мужчин, стоящие у окна с бокалами в руках, и две женщины, расположившиеся в креслах. Все, кроме одного, мне совершенно незнакомые.

— Леди Рейвен? — с искренностью превосходного актера изумился Кьер. — Какой приятный сюрприз.

— Не могу не согласиться, ваша светлость, — пропела я в ответ. — Добрый вечер, господа, дамы.

— И не успел я обрадоваться компании очаровательной незнакомки, как ты опять все испортил, Тайрин, — весело произнес стоящий возле герцога щеголь в темно-бордовом сюртуке, из кармана которого свешивалась, ярко поблескивая в свете магических светильников, толстая золотая цепочка. — И раз уж так вышло, что вы знакомы, — откуда, кстати, моя трепетная душа жаждет подробностей! — представь всех нас.

Кьер поглядывал на щеголя снисходительно, с легкой усмешкой на губах, так что было очевидно, что балабол приходился ему добрым приятелем.

— Позвольте представить вам, леди Эрилин, лорда Энтони Стэннона...

Щеголь щегольски щелкнул каблуками.

— ...Трея Лоули, графа Грайнема...

Хмурый мужчина, мой ровесник, пожалуй, но из тех людей, которым насупленные брови добавляют с десяток лет, сдержанно кивнул и вернулся к разглядыванию вокзальной суеты.

— ...и господина Антре с женой и дочерью.

Лысый, круглый, с внешностью располагающего к себе добряка, один из известнейших банкиров столицы одарил меня на мгновение цепким пристальным взглядом и вновь натянул добродушную улыбку.

— Леди Эрилин Рейвен. — Я представила себя сама, мысленно гадая, зачем герцогу вообще потребовалось вытаскивать меня «в свет». Мы же мне алиби обеспечиваем, а не скандал!

— Рейвен, Рейвен... — пробормотал себе под нос господин Анаре. — Уж не дочь ли почтенного виконта Рейвена?

— Так и есть.

— Знавал, знавал я вашего отца, — задумчиво продолжил банкир. — Еще до... До. Вернулся в столицу, значит? И дела у него, полагаю, идут неплохо.

Да уж, остается надеяться, что до отца какими-нибудь окольными путями не дойдет, с каким комфортом путешествует по работе его дочь.

— Трудями папеньки да Божьей милостью. — Я смиренно опустила глаза в пол. Когда не знаешь, как себя вести, роль благовоспитанной и несколько недалекой барышни бывает, как правило, удачнее всего. Ну, Кьер, я тебе еще устрою сюрприз!

Господин Антре кивнул и, кажется, потерял ко мне всякий интерес, в отличие от его спутниц. Госпожа Антре поглядывала на меня с холодом во взгляде, из чего можно было сразу сделать вывод, что юная госпожа Антре еще не замужем и даже не помолвлена. А вот от девушки, прехорошенькой, стоило отметить, с прелестными рыжеватыми кудряшками, враждебности не чувствовалось.

— Итак, Тайрин, как состоялось ваше знакомство с очаровательной леди? — лорд Энтони Стэннон определенно был в настроении не дать неловкому молчанию повиснуть в вагоне ни на секунду. Впрочем, на это вряд ли кто-то мог жаловаться, в салоне едут не ради уединения.

— Мы вместе работаем. — Кьер сделал неторопливый глоток.

Я мысленно отметила формулировку. Приятно.

— Позвольте, так вы что же, та самая леди-криминалист?

И надо было слышать, как он произнес это «та самая». Сразу стало ясно, что герцог явно не единожды раньше упоминал меня в разговоре.

И, как я понимаю, дурочку играть все же не получится.

— Полагаю, что да.

— О, герцог столько о вас рассказывал!

— Неужели? — Я вскинула брови с некоторой холодностью — что он там вздумал рассказывать и кому? Хотя издевки и подтекста в словах щеголя слышно не было.

— Ну конечно! Леди-криминалист! Я жаждал с вами познакомиться еще на том ежегодном департаментском приеме, но срочные дела вынудили меня покинуть столицу.

Я несколько расслабилась. До приема ничего лишнего герцог про меня никому сообщить еще не мог.

— А вы тоже работаете в департаменте? — поинтересовалась я.

И в этот момент все звуки перекрыл протяжный свисток, пол под ногами дрогнул, а следом раздалось натужное пыхтение, постепенно сменяющееся стуком колес. Мы все машинально проводили взглядами поплывший перрон.

— О нет, — с улыбкой проговорил лорд Энтони, сбрасывая словесное оцепенение. — Я далек как от магии, так и от преступлений, а уж магические преступления... но дружба с герцогом имеет свои преимущества!

— Вы путешествуете вместе? — Я метнула в Кьера короткий взгляд из-под ресниц.

— На этот раз нет, хотя не буду утверждать, что нас свел счастливый случай. Герцог обмолвился, что намеревается посетить Тренвист, свое загородное имение, в эти выходные, а я не так давно получил приглашение от дорогой матушки навестить ее в Лестренже и решил, а почему бы не проделать часть пути в приятной компании? А что вас заставило покинуть столицу?

— Работа, — коротко отозвалась я, рассудив, что если уж придерживаться легенды, то придерживаться со всеми.

— Куда катится мир, Тайрин? — патетически воскликнул щеголь. — Лорды едут отдыхать, а леди — работать. Позвольте, позвольте, леди Рейвен, не откажите в подробностях, душа, знаете ли, жаждет, любопытство терзает, да и вообще...

Он предложил мне руку и увлек в сторону кресел в самом углу.

На полпути я обернулась. Кьер продолжал смотреть на друга все с той же снисходительностью, к которой теперь примешалось еще и некоторое довольное злорадство. Зацепив мой взгляд, он едва заметно отсалютовал бокалом. В следующее мгновение ноздри щекотнул грозовой запах, которому неоткуда было взяться в вагоне, а шеи, шевельнув локон, коснулось дуновение ветерка, удивительно похожее на мимолетное касание. Или даже на поцелуй.

Лорд Энтони любезно предложил мне вина. Я не отказалась. Сама собой завязалась непринужденная беседа. Мужчина обладал умеренным чувством юмора и явно умел поддерживать разговор, и я ни капли не удивилась, когда выяснила, что он состоит на дипломатической службе. Будучи третьим сыном маркиза Харта, он не особенно мог рассчитывать на семейное состояние, а потому, по его собственным словам, был вынужден делать карьеру. Причем довольно успешно.

Его не возмущала, а наоборот, восхищала моя «невероятная отвага», а в вопросах о криминалистике сквозила искренняя заинтересованность, и меня вдруг посетило странное ощущение.

Во всех отношениях приятный мужчина, достойного происхождения, недурен собой, перспективен. Его не пугала моя «эпатажность». Мелькнула крамольная мысль — ведь это шанс.

Вскружить ему голову? Да судя по его красноречию, герцог за меня уже полработы проделал, так что это не составит труда. Выйти замуж, занять достойное положение в обществе, осчастливить маменьку с папенькой на старости лет...

Прекрасная мысль! Но...

«Но» стояло на другом конце салона и беседовало с банкиром, не обращая на меня ни малейшего внимания. Даже самый подозрительный человек не смог бы по поведению Кьера определить, что тот имеет на меня какие-либо виды. А я все равно ощущала его присутствие, чувствовала спиной, затылком, и от негромких звуков голоса, в котором было не разобрать слов, по коже пробегали мурашки.

Я машинально улыбнулась очередной шутке лорда Энтони, погрузившись в собственные мысли, и вздрогнула, когда этот самый голос вдруг раздался над головой.

— Вы позволите составить вам компанию?

— Тайрин! Господин Антре тебя все-таки утомил?

— Я не нахожу разговоры о деньгах утомительными, Энтони. — Кьер опустился в кресло напротив меня и едва заметно улыбнулся. — Возможно, если бы ты придерживался того же мнения, твои дела находились бы в куда лучшем состоянии.

— Чем он терзал тебя на этот раз?

— Предлагал вложиться в исследовательский вояж Королевского Экспедиционного Корпуса в неизученные воды.

— Третья экспедиция была перспективна и окупилась. Но адмирал Ральф ушел в отставку, и четвертую вместо него возглавляет адмирал Мюрэ, — рассеянно вставила я уместную реплику, не отрываясь от своих невеселых раздумий. Благо отец только вчера разглагольствовал об этом, увидев заголовок в газете. — А он, к сожалению, далеко не так удачлив и не любит рисковать, что в таком деле...

— ...не особенно подходящее качество, — закончил за меня подошедший господин Антре. — Узнаю дочь своего отца.

— Я всего лишь повторяю его слова, — улыбнулась я.

— Значит, почтенный виконт экспедицию не одобряет... — Банкир задумчиво потер подбородок. — Возможно, и мне стоит в таком случае пересмотреть размеры моего в ней участия. У Рейвена на такие вещи нюх. И сомневаюсь, что с годами он притупился. Я подошел попрощаться, милорды, мы сходим на ближайшей станции. Миледи, передавайте мое почтение папеньке, вот моя визитка и приглашение посетить нас на следующей неделе. Буду рад видеть и его, и его очаровательную супругу.

— Благодарю. — Я приняла картонный прямоугольник, мысленно застонав. Не передать приглашение — нанести обиду уважаемому человеку, передать — объясняй, как я по работе оказалась в салоне первого класса!

— Всего доброго.

Во время остановки, когда сошли многоуважаемый банкир с супругой, все тот же кондуктор споро накрыл на стол, зажег свечи в канделябрах, задернул мрачную черноту за окнами расшитыми золотом шторами.

Мы остались вчетвером. За ужином господствовала непринужденная беседа, которую ловко вел все тот же лорд Энтони. Кьер время от времени вставлял замечания разной степени насмешливости, а граф Грайнем все больше хмуро молчал. Я даже начала подозревать, что поездку в салоне он выбрал только из-за того, что она дешевле купе.

На следующей станции снова заглянул кондуктор.

— Мы простоим здесь полчаса, господа, мэм. В Стансфиле буквально позавчера открыли поющий фонтан, стоянку специально продлили, чтобы те из пассажиров, кого это заинтересовало, могли утолить свое любопытство. Он находится на главной площади, прямо напротив вокзала.

— А я не против слегка пройтись и полюбоваться диковинкой, — заявил лорд Энтони, стоило кондуктору скрыться за дверью. — Поющий фонтан, надо же! Кто составит мне компанию?

— Я, пожалуй, — неожиданно объявил лорд Грайнем.

— Леди Эрилин? Тайрин?

— Благодарю. — Я качнула головой. — Но подобные диковинки меня не сильно интересуют. По правде говоря, я и не прочь была бы взглянуть на фонтан, но внимание дипломата начинало уже утомлять. Нет, не пойду за него замуж. Слишком болтливый!

— Нет ни малейшего желания толкаться в толпе зевак, — в свою очередь, отозвался Кьер.

— В таком случае мне ничего не остается, кроме как потом описать вам все в таких красках, чтобы вы пожалели, — объявил лорд Энтони, и мужчины благополучно нас покинули. Мы с герцогом остались вдвоем. И напряжение в воздухе сразу значительно возросло. Я поднялась и отошла к отдельно стоящему столику с графинами, чтобы налить себе еще вина, но широкая мужская ладонь меня опередила, выхватив хрустальную ручку из-под самых пальцев. Рубиновая жидкость щедро плеснула о стенки, и я сглотнула, потому что вторая рука в этот момент обвила мою талию и прижала к сильному телу.

— Пусти! — Я попыталась вывернуться. — Если кто-то...

— Кондуктор стоит у входа. Энтони и Грайнем вернутся не раньше чем через двадцать минут, к тому же я повесил на дверь вагона тревожку.

— Все рассчитал? — прошипела я, не оставляя довольно тщетных попыток. Нет, я была согласна на проведенные вместе выходные, но не на то, что они начнутся прямо в поезде! Кьер сделал шаг вперед и припер меня к стенке вагона.

— Предусмотрел, — поправил он с усмешкой. — Не все. На самом деле я и не надеялся, что получится побеседовать с тобой наедине до прибытия, но раз такой случай представился, почему бы им не воспользоваться?

Последняя фраза была произнесена уже у самых моих губ, и вместо того, чтобы отвернуться, я невольно податливо их разомкнула. Этот мужчина кружил голову сильнее бокала самого крепкого виски, а я пока не успела насытиться им настолько, чтобы отказывать себе в удовольствии.

Кьер поцеловал верхнюю губу, прикусил нижнюю, чуть отклонился, дразнясь, заставляя меня потянуться следом, и тут же прижался всем телом, целуя уже так, что не оставалось возможности даже вдохнуть. Я сама оторвалась, запрокинула голову, жадно глотая воздух, а герцог продолжил целовать, только теперь шею, мягко прихватывая губами кожу, совсем как его магический ветерок.

Я запустила пальцы в черные волосы, собравшись с духом, крепко стиснула их в кулак и потянула, заставляя Кьера прервать свое занятие. Он подчинился, но черный взгляд сверкнул опасным недовольством. Я разжала пальцы и тут же поднырнула под его руку, рывком увеличивая расстояние.

— Ты сказал «побеседовать», — слова сорвались с придыханием, груди было явно тесно в корсете, губы горели, да и тело в принципе категорически не соглашалось с решением мозга, но он, к счастью, все еще занимал главенствующее положение. — Вот и давай побеседуем. Герцог коротко, шумно выдохнул, резко шагнул в мою сторону. Я на всякий случай отступила за спинку дивана, чем вызвала только усмешку.

— Твое вино, Эри, — Кьер и впрямь протягивал мне зажатый между пальцами раскрытой ладони бокал. — И не надо от меня шараться. Если тебе будет угодно, я не прикоснусь к тебе, пока ты меня сама об этом не попросишь.

Напряжение чуть отпустило. Нет, я не думала, что Кьер настоит на своем, даже если я буду довольно активно сопротивляться, но к таким рискам я была не готова. Вагон-салон — это вам не герцогская спальня. Сюда в любой момент может кто-нибудь зайти, и что тогда? Тревожки или не тревожки, и магия дает сбой. У нас будет еще достаточно времени, чтобы друг другом насладиться.

Я обошла диван, приняла бокал и опустилась на сиденье. Кьер чинно устроился напротив.

— Как тебе лорд Энтони? — крайне непринужденно поинтересовался он.

— Хорошая партия, — легко признала я, делая глоток, но не чувствуя вкуса.

Снова воздух словно сгустился. У меня в который раз появилось это щекочущее нервы ощущение, будто я лезу в клетку к дикому хищнику. Мне вдруг стало любопытно — как бы поступил Кьер, соберись я и впрямь замуж. Как отреагировал бы?

Опасное любопытство. Опасные игры.

— Он заболтает тебя до смерти в первую же брачную ночь. К тому же совершенно ничего не смыслит в финансах, деньги в его руках утекают, как вода.

— Первая проблема решается ушными затычками, вторая — ненавязчивым женским руководством. — Я пожала плечами. — И не надо на меня так смотреть. Ты сам спросил.

— Туше. — Герцог расслабленно откинулся на спинку кресла, покачал в руке бокал с бренди.

— Расскажи мне лучше, что ты затеял.

— Мы едем в Тренвист. Вернее, я еду в Тренвист и сойду на следующей станции, ближайшей к нему. А ты, конечно же, в Тарнхил, который находится самую малость дальше, где завтра в два часа пополудни у тебя встреча с главным городским констеблем и прочие рабочие прелести. А сегодня нанятый «департаментом» извозчик встретит тебя на перроне и отвезет к почтенной вдове, сдающей комнату, потому что останавливаться в одиночестве в гостинице уважающей себя леди не пристало. — Красивых губ коснулась улыбка. — Я присоединюсь к тебе на полпути. Несколько печально, конечно, терять половину завтрашнего дня, но зато твоей репутации не угрожает совершенно ничего.

— Значит, труп — настоящий, не уловка?

— К сожалению, да. Трейт после третьей жертвы отправил запрос по окрестным городам на предмет схожих убийств. И пришел ответ из Тарнхила. Там, как и мы в первый раз, труп списали на обычное убийство, но люди попались ответственные и, получив запрос, припомнили и доложили. Полной уверенности, что это наш Живодер, конечно же, нет, но по фотографиям почерк похож. И убийство было совершено в августе. — Герцог сделал многозначительную паузу.

— Это сократило бы промежуток между нападениями, — кивнула я. — Возможно, помогло бы расшифровать закономерность, если она есть.

— Да. Должен был ехать заместитель Трейта, но ты сама знаешь, со вторника он слег с лихорадкой. И когда Трейт вскользь посетовал на то, что не знает, кого отправить, все слишком заняты, я предложил твою кандидатуру. Решил, что ты обрадуешься возможности съездить по настоящему делу. Надо признать, что он ухватился за эту идею с внезапным энтузиазмом, который, как оказалось, был продиктован посетившей его мыслью испортить тебе выходные. Тогда у меня и появилась идея совместить полезное с приятным, с учетом того, что от Тарнхила до Тренвиста час в карете. Письмо Трейт специально приказал отправить в пятницу утром, полагаю, чтобы доставить тебе как можно больше неудобств. Я его перехватил и добавил некоторые детали.

Стоило признать, что столь трепетное отношение к моей репутации делало герцогу честь. Мне даже расхотелось на него злиться за то, что не предупредил заранее. Пришлось злиться через «не хочу» за все потраченные нервы!

— И что тебе помешало сообщить мне все той ночью? — поинтересовалась я, добавив в голос холода.

— Так неинтересно.

Кажется, мы так запутаемся, кто кому за что мелко мстит в этой словесной баталии. Ладно, перейдем к следующему вопросу.

— И как, по-твоему, я теперь должна буду объяснить отцу путешествие по работе в первом классе? И почему вообще ты выбрал салон?

— Билет — компенсация от департамента за работу в выходные, — невозмутимо отозвался Кьер. — Оправить тебя вторым классом мне не позволяла совесть, а купе — разум. Слишком большой риск.

Он помолчал и добавил уже с совершенно иными интонациями:

— И соблазн.

Я невольно облизала разом пересохшие губы. Взгляд герцога красноречиво скользнул по ним, по шее и уперся в вырез декольте, скромно прикрытый кружевом.

— Платья идут тебе куда больше, чем юбки и блузки. Почему ты не носишь их на работу?

— Потому что они куда больше мне идут. Я работаю в отделе с четырнадцатью мужчинами, Кьер. И бог знает сколько их в департаменте.

— Разумно. Впрочем, поверь мне как мужчине, Эрилин, мужскую фантазию дополнительные слои ткани не остановят. А в некоторых случаях еще и подстегнут.

— Ну и пусть себе фантазируют, а не лицезрят. Фантазии — куда менее отвлекающий фактор, чем маячащий перед носом вырез...

Кьер вдруг досадливо поморщился.

— Возвращаются, — коротко бросил он.

— ...особенно с учетом того, что у нас четыре трупа, пять в потенциале и шесть — в перспективе. И ни малейшего представления о личности убийцы, — спокойно закончила я, глядя на него с торжеством — а я говорила!

— Полюбуйтесь, Грайнем, мы оставили их всего на несколько минут — и пожалуйста! Они уже вовсю говорят про убийства, расчленения и прочие малоприятные вещи, которые в приличном обществе обсуждать не принято, — заявил лорд Энтони с порога.

— Вы быстро. — Кьер остался невозмутим, как каменная статуя. — Фонтан сорвал голос или не успел распеться?

— А, ты был прав! — Его друг раздосадованно махнул рукой. — Толпа народу, ничего не видно и не слышно. Стоит наведаться туда через полгода, как уляжется шумиха.

Попутчиков в салоне не прибавилось, и, коль скоро нас было как раз четверо, лорд Энтони предложил сыграть в вист. Тем не менее азартных игроков среди нас не оказалось, игра шла ни шатко ни валко, под разговор ни о чем. Я с трудом сдерживала зевоу и старалась не слишком часто поглядывать на часы. До прибытия в Льен, где должен был сойти Кьер, оставалось пятнадцать минут, а потом еще сорок минут до Тарнхила и час до Тренвиста...

Мы сыграли два роббера,

[9]

первый раз мне в партнеры достался лорд Энтони, второй — граф. Но не успели мы начать жеребьевку на третий, как вагон сотряс сильнейший удар.

Со стула меня швырнуло на пол, протащило по ковру. Еще один удар — грохот, звон, треск, дикий скрежет. Стены вагона взрезались, сплюснулись как консервная банка, и я оглушительно завизжала, глядя как металлическая крыша, лишившись поддержки, обрушивается вниз.

А в следующее мгновение я подавилась криком и вообще едва не лишилась сознания от невозможности вдохнуть, потому что воздух вдруг сгустился, как желе, стал осязаемым, застыл в легких, норовя их разорвать. И крыша, замершая в каких-то дюймах от моей головы, сначала медленно приподнялась, а затем вдруг выстрелила вверх, как из пушки, и с грохотом обрушилась уже где-то за пределами вагона.

Воздух «отмер», резко ринулся в нос, рот, горло. От неожиданности я закашлялась, без сил упав на ковер. Точнее — то, что от него осталось.

— Эрилин!

Чьи-то руки подхватили меня, потянули вверх, поставили на ноги, встряхнули так, что аж зубы клацнули. Или они клацали оттого, что меня всю колотило крупной дрожью, а перед глазами все еще стояла падающая крыша вагона?

— Ты цела? Не ранена?

Я помотала головой. Чужие пальцы на секунду, на долю секунды коснулись моей щеки, и тут же отдернулись, следом разжалась вторая рука, отпуская мое плечо. Я покачнулась и чуть не упала обратно — ноги не слушались. Кьер рыкнул что-то невразумительное и подхватил меня на руки.

Вторая попытка утвердить меня на брэнной земле, уже за пределами вагона, увенчалась успехом.

— Эрилин, послушай, — снова попытался что-то мне втолковать герцог. — Я должен найти Энтони и посмотреть, что там с поездом, может, нужна помощь мага. Иди к выжившим, помощь скоро придет, я сейчас отправлю сообщения в Льен и Тренвист. Но никуда без меня не уезжай, ясно?

Кивок получился каким-то дерганым, и когда я наконец смогла взять себя в руки и отогнать жуткие видения, все еще стоящие перед глазами, Кьера рядом уже не было. Я обхватила себя за плечи, пытаюсь унять дрожь, и нервную, и от холода — ночная осенняя сырость мгновенно пробрала до костей сквозь тонкий хлопок, — и медленно огляделась.

Вот только не видно было ни зги. Ночь серая, пасмурная, луна сияла сквозь облака самым краешком. Огни поезда погасли, только фары локомотива пронзали темноту двумя белыми лучами.

Я стояла рядом с переломленным пополам, больше чем наполовину свесившимся с путей, вторым вагоном, наш салон оторвался от него и сполз ниже по насыпи, одним концом зарывшись в землю обрыва над рекой. В небольшой промежуток между вагонами невозможно было что-либо разглядеть. Темнота вокруг наполнилась криками, плачем, стонами и воем. Къера я не видела, должно быть, он прошел вагон насквозь и вышел с другой стороны. Я хотела уже протиснуться между купе и салоном, чтобы последовать выданным указаниям, как вдруг услышала громкий, полный муки стон, доносящийся из нашего вагона.

Я снова огляделась, не обнаружила вокруг ни души и, поколебавшись, полезла обратно в вагон. Всюду валялись обломки, ошметки, под ногами хрустели осколки хрусталя, щепки. Я заглянула за вздыбившийся кусок пола, с торчащими из него колесами тележки, и увидела графа Грайнема. Переменяя стоны с грязными ругательствами, он пытался вытащить ногу из-под рухнувшей на нее обеденной столешницы. Правая рука у него болталась плетью, а в одной левой сил, чтобы спихнуть тяжелое дерево, было недостаточно.

Закусив губу, я полезла через подрагивающий завал, молясь Господу, чтобы тележки не разъехались под моим весом. Юбка цеплялась за обломки, пару раз приходилось отчаянно дергаться под треск раздираемой ткани, но препятствие я все же преодолела.

Завидев меня, лорд Грайнем проглотил и ругательства, и стоны, только задышал с присвистом и в два раза чаще.

— Позовите на помощь, — отрывисто каркнул он.

Я промолчала и мрачно оглядела столешницу. Какую помощь? Судя по воплям, в ней сейчас все нуждаются. Нас в вагоне было четверо — а вагоны второго класса вмещали до сорока человек, и шли они далеко не пустыми. Что там творилось после такого крушения, я не пыталась даже представлять.

Сил на то, чтобы оттащить эту деревяшку, у меня точно не хватит. Разве что приподнять. И то...

— Что вы стоите? Вы не слышали?

Не слушали.

Так, а если... Я огляделась в поисках необходимого. Ножка от стола, пожалуй, подойдет. И вот этот обломок.

Граф, снова начавший шипеть под нос проклятия, на сей раз в адрес глупых женщин, повторно заткнулся, когда я, подопнув обломок поближе к столешнице, подсунула под нее ножку и всем весом надавила на образовавшийся рычаг, вызывая к высшим силам, чтобы он выдержал и не переломился, пока мужчина не высвободит ногу.

На счастье графа, дерево оказалось крепким. Мужчина со сдавленным стоном перекатился в сторону, и я, убедившись в этом, выпустила ножку. Столешница рухнула назад, а вагон сотрясся и сполз чуть ниже по насыпи, заставив меня испуганно вскрикнуть. Кажется, в землю он врылся недостаточно прочно. Надо выбираться отсюда, и поскорее.

— Вы можете встать? — Я повернулась к графу.

— Леди не только глухая, но еще и слепая? — отнюдь не благообразно огрызнулся мужчина, баюкая руку. — У меня нога сломана.

— Да что вы, не стоит благодарностей, — ядовито процедила в ответ я и повернулась к нему спиной, осматриваясь, чтобы понять, как проще вылезти. Помогать хамам было за гранью моего человеколюбия.

Я сделала шаг в сторону ближайшего пролома в стене, путь к которому преграждали лишь вздыбившиеся доски пола.

— Стойте! — Тут же прозвучало мне в спину. — Я приношу извинения за свою ничем не оправданную резкость.

Судя по интонации, резкость граф считал еще как оправданной, но формально извинения были принесены, и бросить его здесь одного сделалось неловко. Я снова обернулась. Зеленые, необычного, довольно-таки насыщенного оттенка глаза смотрели на меня отнюдь не умоляюще, а скорее с вызовом, контрастировавшим с общим жалким видом сиятельного лорда.

Возведя очи к небу, со смиренной просьбой, чтобы на Суде мне это зачлось, я подошла к графу и присела рядом. Дело осложнялось тем, что и рука, и нога пострадали правые, поэтому я не

могла подхватить Грайнема со стороны сломанной голени и компенсировать равновесие. Со вздохом я закинула его левую руку себе на плечи.

— Обопритесь, и-и-и...

Рывок, в очередной раз помянутый нечистый — на этот раз обоими, — и мы стоим.

Продвигаться получалось с трудом. Грайнем прыгал на одной ноге, подволакивая вторую, и все больше заваливался на меня. И без того неровная и на честном слове держащаяся поверхность под ногами от этих прыжков ходила ходуном и все опаснее кренилась в сторону обрыва.

Отчаянно хотелось просто капризно топнуть ногой и сбросить тяжеленный груз — я леди, в конце концов, а не тягловая лошадь! — но я упрямо ползла вперед.

Когда мы уже стояли у пролома, и я помогала графу спуститься на гальку насыпи, раздался протяжный скрежет. Вагон накренился особенно сильно. Мужская рука соскользнула с моего плеча, и граф рухнул вниз, с воем боли прокатившись по камням. Меня качнуло назад, и я бы упала, если бы на запястье не захлестнулась обжигающая плеть и не дернула рывком вперед, прямоком в стальные объятия.

Позади загрохотало, и, обернувшись, я увидела, как развороченный вагон, набирая скорость, сорвался с обрыва в воды Оливии.

— Ты с ума сошла? — над ухом раздался злощий рык. — Совсем мозгов нет? Я же вытащил тебя оттуда!

Кьер тряхнул меня, как куклу, а я, растерянная и в какой-то степени испуганная, не могла подобрать слов. Выглядел он жутко — пол-лица заляпано кое-как стертой кровью, одежда изодрана, а еще от него так разлило магией, что у меня даже закружилась голова и перед глазами поплыло. Она окутывала его грозovým облаком, сверкающим разрядами молний. Она пугала, пьянила, манила...

— Эрилин? Эри, черт побери, да что с тобой?

Я очнулась от наваждения и осознала, что Кьер обхватил мое лицо ладонями и смотрит в упор. И в черном взгляде уже не злость, а нешуточное беспокойство. Да, видок у меня, должно быть, как у опиоманки...

— Прекрати меня трясти! — Я высвободилась и отступила на шаг назад. — И сбавь тон, я тебе не горничная, чтобы на меня орать.

В какой-то миг мне показалось, что он сейчас вспыхнет, будто фитиль динамитной шашки, но герцог только хмуро буркнул под нос: «Извини». И искренности в этом слове было куда больше, чем в графской высокопарной подачке.

Я спохватилась и скользнула взглядом по насыпи в поисках покалеченного хама. Грайнем сидел в нескольких футах от нас, склонив голову, как любопытная сорока. Кьер проследил за моим взглядом, и магическая аура вокруг него засияла ярче.

— Если ты хоть кому-нибудь...

— Оставьте, герцог, — перебил мужчина, дернув плечом. — Мне нет никакого дела до того, с кем вы делите постель. И еще меньше до того, с кем делит постель эта леди. Ваш секрет я унесу в могилу. Особенно если вскорости схохну от гангрены, — зло закончил он.

— Помощь из Льена уже в пути, — бросил Кьер и повернулся ко мне. — Эрилин, как только придет экипаж из Тренвиста, мы сразу уедем. Пока он не прибыл, я помогу работникам поезда вытаскивать людей. Будь поблизости и не лезь в вагоны, ради всего святого, многие держатся на честном слове.

— Хорошо, — тут я спорить не стала. Не больно-то и хотелось!

Герцог стянул с себя сюртук, набросил мне на плечи, на краткое мгновение прижался губами к губам, раз уж единственный свидетель и так видел достаточно, и широким шагом направился к остаткам поезда. Я зябко закуталась в плотную ткань и наконец-то смогла оглядеть масштаб катастрофы — пока я вытаскивала графа, над рельсами зажглись магические огни, служа одновременно и освещением, и маяком.

Локомотив и первый вагон почти не пострадали, лишь слегка сошли с путей и накренились.

Второй сломало пополам. Четвертый оторвало, и он скатился по другую сторону насыпи, а врезался в салон, оказывается, пятый и его сплющило почти в гармошку. Тело пробила невольная дрожь — вряд ли там кто-то выжил.

«Гордость Лестренжа» сейчас напоминала наполовину раздавленную сапогом гусеницу, которая еще судорожно дергалась в подобии жизни. Не пострадавшие пассажиры большей частью сбились неподалеку в толпу, и над ней стоял многоголосый вой причитаний. Несколько

мужчин, в основном работники поезда и некоторые отважные добровольцы, сновали по вагонам, вытаскивали раненых, выкладывали их в ряд на насыпь, но только один человек в компании женщины в белом чепце сестры милосердия ими занимался.

Решительно подобрав юбки, я сделала шаг в ту сторону, но хриплый голос вновь меня остановил:

— Подождите. Вы же не можете меня тут оставить.

Я резко повернулась на пятках и вперилась в доставучего злым взглядом.

— Лорд Грайнем, вы за кого, позвольте поинтересоваться, меня принимаете? За вашу служанку? За сестру милосердия? За женщину, которой не все равно, что там с вами станется?

— Последний вариант вполне подходит, — рассудительно заметил мужчина. — Если бы вам было все равно, вы бы бросили меня еще в вагоне.

— Я тогда просто не была осведомлена о ваших отвратительных манерах.

— Я извинился.

— Неубедительно.

— Еще раз извиниться?

Он еще издевается! Я громко фыркнула, отвернулась и снова решительно сделала два шага прочь. На этот раз меня никто не окликал. Три шага. Четыре. На пятом я остановилась, раздраженно топнула ногой о гальку, прокляла свою абсолютную неспособность оставить раненого, лишённого возможности передвижения человека валяться на холодных мокрых камнях и снова обернулась.

— Я все равно не смогу вас втащить по склону. Я позову на помощь кого-нибудь из мужчин.

— «Кто-нибудь из мужчин» здесь только что был, и у него, как и у всех остальных, есть дела поважнее. Наложите мне шину, так я смогу чуть опираться на ногу и вам будет легче.

— Может, вам еще и плечо вправить? — ядовито осведомилась я.

— Если вам будет несложно. — К моему удивлению, граф, кажется, не шутил.

Господи, почему? Почему я не додумалась попросить Кьера, чтобы он донес этого калеку до прочих раненых? Сам герцог, наверное, просто не заметил, что тот не может ходить, вот и умчался, а я тут теперь страдай. Или от угрызений совести, или от злости.

Ладно. Еще чуть-чуть, и первую я очищу, а вторую сорву на одном категорически невоспитанном графе.

— С рукой сами разбирайтесь, — отрезала я и отправилась на поиски подходящей палки для фиксации.

Благо далеко ходить не пришлось, обломков на любой вкус и цвет рядом валялось множество. А вот на повязку пришлось пустить собственную нижнюю юбку, впрочем, ее и так после лазанья по развалинам вагона уже только выкинуть. Как и платье.

Раздирая на длинные ленты ткань, я с тоской думала о том, что все мои вещи благополучно почили на дне Оливии. Вот вам и ответственность за полную сохранность. Там, конечно, и не ахти сколько всего, но мысль о том, что я осталась вдали от дома чуть ли не голой — без одежды, без денег, — была неудобной.

А чуть позже, уже во время наложения шины, я сильно пожалела, что не предусмотрела куска ткани для кляпа.

— Осторожнее! Зафиксируйте сначала снизу. А теперь сверху. Да не так туго! А-а-ай!

Женщина, в вас нет ничего человеческого!

Я мстительно затянула узел еще туже, демонстрируя новые грани своей человечности. Потом, конечно, ослабила, но моральное удовлетворение получила.

— Замолчите уже!

— Как я могу молчать, когда вы меня пытаете?

— Я — вас?!

— Если бы вы все делали правильно, вы бы и звука от меня не услышали.

— Вам-то откуда знать, как правильно, вы что — врач?

— Я просто не идиот, в отличие от...

Если бы вокруг было тихо, звук пощечины, наверное, прозвучал бы как выстрел. А так я даже сама его почти не услышала. Зато ладонь заняла тут же — это я от души...

Граф медленно потер щеку пальцами, глядя на меня с каким-то новым выражением.

— Заслуженно, — внезапно констатировал он и протянул руку. — А теперь помогите мне дойти до людей и покончим с этим. Пожалуйста.

Я повторно взвалила себе на плечо мужскую руку, мысленно порадовавшись-позлорадствовав, что до герцогской комплекции довольно-таки щуплому графу далеко. Выглядел он, конечно, — краше в гроб кладут. Светлые волосы слиплись от пота и висели сосульками, он весь взмок и дышал с присвистом, но действительно, не обращая внимания на боль, пытался опираться на сломанную ногу, чтобы облегчить мне путь. Мозги, что ли, от удара на место встали?

Правда, когда я опустила его на землю рядом с остальными ранеными, мне самой отчаянно захотелось рухнуть рядом. Я огляделась в поисках Кьера, но не увидела его. Значит, занят. Что ж, и для меня занятие найдется.

— Вам нужна помощь, мэ? — Ко мне подошла сестра милосердия.

— Я хотела спросить у вас то же самое. — Я улыбнулась, хоть и несколько вымученно.

— Госпоже доводилось быть сиделкой или сестрой при госпитале?

— Нет, но я кое-что умею.

— Помощь нам будет не лишней. — Женщина просветлела лицом. — Поможете с перевязкой.

Снизу раздался сдавленный смех, переросший в кашель, и я с трудом удержалась от желания пнуть одно немощное графское тело.

— Леди Рейвен, — окликнул он, когда я сделала шаг вслед за сестрой милосердия.

— Ну что вам еще?

— Я перед вами в долгу. — Грайнем лежал, полуприкрыв глаза, и тяжело дышал. — Надеюсь, однажды я смогу его вернуть.

— Мы сочтемся, если вы пообещаете, что я больше о вас никогда не услышу, — буркнула я себе под нос, не особенно рассчитывая быть услышанной.

— А вот это — вряд ли, — донеслось мне вслед.

Не знаю, сколько прошло времени, прежде чем пришла помощь из Льена. Может быть, полчаса, может, час, а может — все три. Раненых оказалось много, очень много. Вагоны второго класса были почти забиты — многие из тех, кто работал в столице, возвращались на выходные домой. Бинты из дежурных запасов поезда закончились быстро, и дамы лишились нижних юбок.

Сюртук Кьера я почти сразу оставила на плечах дрожащей девочки с глубоким порезом через все бедро, да мне он был и не нужен. Холодная осенняя ночь стала на диво жаркой.

С прибытием карет госпиталя Святой Ловении, полиции и городских дилижансов вокруг сразу сделалось оченьлюдно и очень суетливо. Те, кто не пострадал, размещались в экипажах под руководством констеблей, ранеными занялись многочисленные лекари, целители и сестры. Меня оттеснили в сторону, и я этому была даже рада. Усталость навалилась неподъемным грузом.

— Эри.

Голос раздался над самым ухом. Я обернулась, мучительно думая о том, как отвратительно, наверное, выгляжу. Все платье изодрано, в кровавых разводах. Руки чуть ли не по локоть в крови. Мне все было нипочем, и до всего этого не было дела, но стоило Кьеру оказаться рядом, как я сразу почувствовала себя слабой, уставшей и глубоко несчастной. Той, кого обязательно надо взять на ручки, пожалеть, погладить по голове, напоить горячим чаем и уложить спать.

— Идем. — Ничуть не лучше выглядящий герцог церемонно предложил мне руку, будто мы были на королевском приеме, а не посреди страшной катастрофы, и я вцепилась в нее, как в спасательный круг.

Он уводил меня все дальше от гама и суеты, пока мы не подошли к темной карете с позолоченными гербами на дверцах, поблескивающими в свете магических фонарей по обе стороны от козел. При нашем появлении грум с поклоном распахнул одну из них, подал мне руку. Я была уверена, что на белоснежных перчатках после этого остались грязные бурые следы.

Кьер поднялся следом, сел рядом и, накинув мне на плечи кашемировый плед, тут же привлек к себе и крепко обнял. Сухие горячие губы коснулись лба.

— Подремли. Через полчаса будем в Тренвисте.

Я послушно закрыла глаза и действительно задремала, хоть и беспокойно — перед глазами все еще нет-нет да всплывали перекоренные вагоны и изуродованные тела погибших.

Кьер растормошил меня в тот момент, когда мне показалось, что я вот-вот усну уже полноценно. Я выбралась из кареты, шурясь от яркого света фонарей, как пещерный человек, и,

спотыкаясь, последовала за герцогом туда, куда он меня вел, параллельно отдавая какие-то распоряжения слугам.

— Эрилин.

Я с некоторым трудом сфокусировала взгляд на Кьере, внезапно оказавшемся передо мной.

— Для тебя приготовили ванну, одежда на кровати. Вода и фрукты на столе, если тебе понадобится что-то еще, что угодно, только прикажи. Звонок рядом с кроватью. Ты сама или позвать горничную?

— Сама.

— Хорошо. Отдыхай. Спокойной ночи. Если что — я рядом.

Он поцеловал меня и ушел. А спустя несколько мгновений в соседней комнате, куда вела почти сливающаяся со стеной дверь, раздались глухие шаги.

Действительно — рядом.

Я устало помассировала виски, пытаюсь хоть чуточку взбодриться, и направилась в ванную, дверь куда была предусмотрительно открыта.

Тщательно смыв всю кровь, оттерев кожу до красноты, а испачканные, слипшиеся волосы до скрипа, завернувшись в благоухающее розами полотенце, я почувствовала себя снова человеком в целом и леди в частности.

Приготовленная одежда оказалась шелковой ночной сорочкой и украшенным тонким кружевом пеньюаром. Их обладательница, очевидно, обладала высоким ростом, потому что сорочка касалась пола и приходилось подбирать подол, чтобы не запнуться, а пеньюар волочился за мной шлейфом. А еще явно не горничной я обязана своим облачением.

Стараясь не думать о том, кто носил эти вещи до меня — ненужные это мысли, не-нуж-ны-е, — я подсушила волосы у камина и забралась в постель.

Сон, однако, почему-то не шел. Я ворочалась и так, и сяк и никак не могла найти удачную позу. Подушка казалась слишком жесткой, матрас слишком мягким, одеяло слишком жарким, простыня слишком холодной. Промучившись так минут десять, я не выдержала, поднялась и, сделав несколько шагов босиком по холодным доскам пола, тихо постучала в дверь, ведущую в смежную комнату.

— Да, Эри.

Герцог откликнулся сразу же, значит, не спал.

Я вошла уже решительнее. Кьер, полностью обнаженный, с одним полотенцем на бедрах стоял возле зеркала. А в полспины у него красовался здоровенный красно-фиолетовый кровоподтек.

Я сдавленно ахнула и подбежала к нему, стиснув в кулаке подол сорочки.

— Ты это врачу показал? — я невесомо коснулась пальцами чуть влажной кожи.

— Что? — Кьер обернулся, извернулся, пытаясь заглянуть себе за спину. — А. Просто синяк, чего там показывать? Ударился, когда вагон первый раз трянуло.

А по лбу, теряясь в волосах, змеилась царапина, уже начавшая затягиваться тончайшей пленкой. Правда, распаренная в ванной, она вновь поблескивала капельками крови. Не особенно глубокая, но разошлась широко.

Боже, мужчины такие мужчины! Отец вечно отправлялся объезжать имение с больной спиной, а потом удивлялся, почему три дня не мог встать с постели, а уж сколько раз я спасала брата от воспаления многочисленных «ранений» — не сосчитать. Один раз он и вовсе ходил три дня со сломанным пальцем на ноге, только потому, что не хотел признаваться, что сломал его, пытаясь выбраться из окна на встречу с очаровательной кокеткой, а врать не умел.

— Это, — я ткнула ему в лоб, — надо зашить. А это — осмотреть и смазать. Иголлка с ниткой и ментоловая мазь в этом доме найдутся?

— Эри, угомонись. Ты устала, иди спать.

Я ничего не сказала, только скрестила руки на груди и посмотрела на герцога так выразительно, что он сдался. А через пять минут в комнату принесли все необходимое.

Продезинфицировав иглу и нить, я села на кровать, а Кьера уложила головой себе на колени.

— Тебе когда-нибудь доводилось этим заниматься? — с некоторой опаской уточнил герцог, пытаясь исподлобья разглядеть, что я делаю.

— Десятки раз, — отмахнулась я, осторожно сводя края раны.

Что на десятках трупов, этого я уточнять не стала — какая, собственно, разница?

— Не хмурься. — Я провела пальцем по лбу и между бровей, разглаживая морщинки. — И вообще не смотри, я отвлекаюсь.

Герцог подчинился без лишних слов, только губы искривились в усмешке. И на том спасибо.
— Кстати, лорд Энтони. Ты нашел его? — Первый стежок лег на кожу. Я немного нервничала, а разговоры отвлекают, и меня, и его — от боли. Хотя этот в ней черта с два признается.

— Да, его вышвырнуло из вагона, сломана рука, голова пострадала, и он без сознания, — проговорил Кьер. — Целитель обещал о нем позаботиться. Но я вызвал для него из столицы своего целителя. Дай бог, обойдется, и с твоей хорошей партией все будет в порядке. Прodelьвать тот же трюк, что и с графской перевязкой, я не стала, но в памяти отложила эту колкость непременно припомнить.

— Что все-таки случилось, как ты думаешь?

— Скорее всего несчастный случай. Я разговаривал с машинистами, а те осматривали пути. Кажется, шпалы подгнили. Но это, возможно, и не стало бы фатальным, если бы поезд не шел с большим превышением скорости. А знаешь почему?

— Почему?

— Из-за остановки в городе с поющим фонтаном. Обычно стоянка там длится десять минут. Сверху пришло распоряжение продлить ее, чтобы доставить удовольствие пассажирам, а отставание нагнать потом в пути, увеличив скорость.

Я не нашла, что на это сказать. Да, удовольствие пассажиры получили несказанное...

Последний стежок. Я обработала шов, машинально подула, как брату в детстве. Кьер распахнул глаза. От неожиданности, наверное. И у меня на мгновение создалось ощущение, что я падаю в этот взгляд, как в бездонную черную пропасть — нельзя ни ухватиться, ни зацепиться, ни сохранить рассудок...

А нужно.

— Все, — объявила я севшим голосом. — Садись, спину посмотрю.

Что-то все-таки есть в этом беспрекословном подчинении! Особенно когда подчиняется не абы кто, а целый герцог!

Я осторожно провела пальцами по кровоподтеку, иногда чуть надавливая. Кажется, и правда просто гематома. Перелом или даже трещину я бы определила, да и находится он достаточно высоко, так что внутренние органы пострадать не могли. Но смазать все равно не мешает. Он же наверняка столько неудобств доставляет! Глупые. Глупые мужчины. Кто им вбивает в головы, что не ценить собственное тело — это правильно и вообще героизм?

Стоило отвинтить крышку банки с мазью, в комнате остро запахло мятой. В памяти всплыло сегодняшнее утро, и я чуть за голову не схватилась — надо было отправить весточку родителям! Про крушение поутру непременно будет во всех газетах! Они же там от разрыва сердца умрут, а потом меня прибьют.

А умирать маменька будет долго и очень старательно. И опять мне бдение у постели, семьдесят пять капель на стакан, и нотации, нотации, нотации...

Пальцы скользили по горячей коже, мазь покалывала иголочками холода. Скорбные размышления таяли, как в тумане, сменяясь совсем другими. Ладонь сама собой двинулась в сторону, провела по линии позвоночника вверх, зарылась на мгновение в темные волосы на затылке, а потом вниз и вправо, на плечо — впиться ногтями, прижаться губами...

Я устала. Я смертельно устала, но дьявол! Это мой романтический пятничный вечер, даже несмотря на то что он — субботнее почти утро. И никакое крушение не может его у меня отнять.

Кьер обернулся, и я, обвив руками его шею, жарко прошептала:

— Ты сказал, что не притронешься ко мне, пока я сама тебя об этом не попрошу. Я прошу.

И я откинулась на подушки, увлекая его за собой. Скользящий шелк подола смялся в кулаке, задрался вверх, обласкав кожу. Широкая шершавая ладонь огладила бедро, сжала, оставляя отпечатки. Словно прочитав мои мысли, Кьер вошел почти сразу, резко, глубоко. Без изысков, без прелюдий, даже без поцелуев почти — только горячее хриплое дыхание на шее.

Но я была готова.

Мне именно это было нужно.

Эта почти болезненная наполненность внутри, тяжесть тела, хриплые стоны, вторящие моим собственным. Нечто дикое, животное, и от этого наполненное до краев самой жизнью.

Сегодняшний свой страх перед смертью я, наверное, только сейчас осознала.

Я — жива. Мы — живы.

И я хотела ощутить это каждой клеточкой. Еще. Еще. Еще!

Удовольствие молнией пронзило тело, заставляя впервые закричать, забыв про любые приличия.

А потом последние силы меня покинули. Я не могла пошевелиться, будто в теле совсем не осталось костей. Даже глаза открыть не могла.

Кьер опустился рядом, а потом одной рукой подтянул к себе, заставляя уткнуться носом в грудь, а второй накрыл нас обоих одеялом.

Я уснула почти мгновенно.

Роль 4 ПОЧЕТНАЯ ГОСТЬЯ

Когда я проснулась, за окном шелестел дождь. Ровный шорох, разбавленный дробью нечастых ударов по оконному стеклу. Не открывая глаз, я провела рукой перед собой — подушка, простыня, отброшенный конец одеяла... интересно, мне когда-нибудь доведется узнать, каково оно — просыпаться с этим мужчиной в одной постели? И где его теперь носит?

Встать не хотелось. Спину ломило, слегка ныл локоть, которым я ударилась при падении, да и общее состояние было как в дурмане. И я бы, наверное, неизвестно сколько еще так пролежала вне сна, вне яви, если бы до меня не долетели голоса, приглушенно звучащие из-за приоткрытой двери.

— Модистка из Льена прибыла, милорд.

— Пусть ей подадут чай. Когда леди Рейвен сочтет нужным, она ее пригласит.

— Как прикажете, милорд.

Негромко щелкнул замок, я отсчитала три осторожных шага и сонно пробормотала, по-прежнему не открывая глаз:

— Ты вообще когда-нибудь спишь?

— Иногда, — прозвучал уклончивый ответ. — Выспалась?

— Еще не поняла.

Я повернулась на спину и наконец разомкнула ресницы. Шторы были задернуты, в комнате царил полумрак. Кьер стоял возле столика с одинокой свечой и скользил взглядом по строчкам телеграммы, которую ему, очевидно, только что принесли вместе с вестью о модистке. Он уже оделся — ботинки, брюки, рубашка, жилет. Только сюртука не хватало и щегольски повязанного платка с драгоценной булавкой, и все, поставив нас рядом, можно вдохновенно ваять сказку о прекрасном принце и босоногой простушке.

«Простушка» дождалась, пока «принц» отложит бумагу, и протянула руку:

— Иди ко мне.

Уговаривать не пришлось.

Кьер пересек комнату, оперся ладонями о матрас, чтобы меня поцеловать, и левая рука едва заметно дрогнула — задействованным мышцам спины, которые сегодня должны были невыносимо болеть, нагрузка определенно не понравилась.

Мои пальцы скользнули под манжету и крепко вцепились в запястье.

— Попался. Давай разоблачайся, я еще раз тебе спину помажу.

— Эрилин, ты вчера в сестру милосердия не наигралась? — раздосадованно бросил герцог, пойманный на попытке сделать вид «я железный, все у меня в порядке».

Ничего, мне не привыкать, такие же упрямцы у меня под крышей дома обитают. Правда, у них, пожалуй, есть оправдание — маменькиных жалоб на здоровье хватает на нас всех и даже соседям перепасть при желании может.

— Не наигралась, — с улыбкой пропела я, не поддаваясь на провокацию. — Откажешь в такой малости — поиграть еще немножко?

Мои пальцы уже расправлялись с пуговицами жилета, поэтому вопрос был исключительно риторический.

Чтобы подсластить пилюлю, я поцеловала уголок недовольно сжатых губ, потерлась носом о гладко выбритую щеку, тонко пахнущую одеколоном, приласкала губами линию подбородка. Пальцы покончили с пуговицами, распахнули полы рубашки. Ладони легли на живот и медленно двинулись вверх — на грудь, на шею, на плечи, освобождая их от ткани.

Кьер попытался мне помочь и получил по рукам.

— Не слишком ли ты раскомандовалась, Эри? — Черные глаза опасно сощурились, а интонация кольнула нарочитыми иголочками холода. — Не забывай, я твой начальник.

— Начальник ты мне в департаменте, а не в постели, — фыркнула я, не обращая на эту холодность ни малейшего внимания. Стянула один рукав, потом второй, с наслаждением прошлась ладонями по рельефу мышц — мне, наверное, это никогда не надоест.

— Да неужели?

— Да!

И эти самые руки, которые я только что гладила, ответили мне черной неблагодарностью!

Кьер скрутил меня в мгновение ока и перетянул к себе на колени. Возмущенный писк потонул в поцелуе — жестком, властном. Он надавил мне на талию, и тело само собой изогнулось, прижимаясь к нему вплотную. Герцог склонил голову и прижался губами к груди, прямо сквозь шелк. Ощущения оказались совсем иными, а оттого неожиданно острыми. Он ухватил мгновенно затвердевший сосок зубами, и я невольно прерывисто ахнула от удовольствия.

— И кто здесь главный? — хрипло прошептал Кьер, сжимая мои ягодицы.

— Я!

Освободившимися руками я с силой толкнула его в грудь. От неожиданности герцог равновесия не удержал, опрокинулся на спину, я рухнула сверху, и Кьер взвыл.

Любовные игры были мгновенно забыты, я дернулась, пытаюсь сползти, но сжавшиеся на бедрах пальцы держали крепко.

— Извини, я не нарочно, — побормотала я и виновато прикусила губу.

Выровнявший дыхание герцог бросил на меня короткий выразительный взгляд и... рассмеялся.

Смеялся он до того заразительно, что я невольно тоже прыснула, спрятав лицо у него на груди.

А отсмеявшись, Кьер погладил меня по волосам и неожиданно произнес:

— Ну? Где там твоя мазь?

Я с готовностью потянулась за баночкой.

— Я отправил от твоего имени телеграмму в Тарнхил, — заговорил Кьер, пока я осторожно втирала пахучее средство в кожу. — Попросил перенести встречу на завтра, все равно дежурный на участке есть каждый день. Только что пришел ответ. Главный констебль отнесся с пониманием, выражает свои соболезнования и обещает принять тебя завтра в два. Так что сегодня отдыхай.

— Спасибо, — отозвалась я с некоторым удивлением.

Нет, перенос визита был крайне кстати, в конце концов мне еще надо вопрос с одеждой решить

— а это для леди дело небыстрое! — просто я сама, признаться, о своем задании совершенно позабыла. После крушения мир как-то стремительно сузился до кровати Кьера, будто бы за ее пределами больше ничего не существовало.

А еще было ужасно необычно и непривычно вдруг осознать, что мои проблемы могут решаться кем-то кроме меня.

— Модистка из Льена уже прибыла с готовыми платьями, — продолжил герцог. — Меня, конечно, твой наряд устраивает целиком и полностью... — Он сделал многозначительную паузу, вероятно, специально для того, чтобы я куснула его за здоровое плечо. — Но, полагаю, на завтрашнюю встречу и для возвращения домой ты захочешь надеть что-то более подходящее. Если то, что она привезла, тебя не устроит, выберешь одно и прокатись до Льена, там достаточно магазинов. Впрочем, Каролайн утверждала, что эта дама знает свое дело лучше всех.

— Каролайн? — Я искренне надеялась, что мой голос высказывает исключительно непринужденное любопытство.

— Моя сестра. Это она любезно одолжила тебе нынешнее одеяние. Не переживай, она не хватится. Я даже не помню, была ли она в Тренвисте хоть раз после того, как пять лет назад вышла замуж.

С мазью я уже закончила, но машинально продолжала гладить упругие мышцы спины, увлекшись разговором, зарылась пальцами в густую черную шевелюру, почесала затылок, как кошачий загривок. Кьер ласку принимал благосклонно и мало что не мурлыкал.

— У тебя есть сестра?..

— И брат.

— А мать?

— Холера. Семь лет назад, вместе с отцом.

— Мне жаль...

— Дело прошлое.

Я поцеловала плечо в том же месте, где недавно кусала, и тут снова вспомнила о страшном.

— Кьер. — Я подпрыгнула на кровати и сдвинулась так, чтобы смотреть герцогу в глаза. — Я хочу тобой воспользоваться!

— Настолько прямо мне это еще никогда не заявляли...

Он же мне в глаза смотреть не желал, явно куда больше заинтересовавшись тем, что то ли прятал, то ли подчеркивал полупрозрачный шелк.

— Мне нужно отправить письмо домой, что со мной все в порядке. И чем быстрее, тем больше шансов, что тебе не придется снова искать в отдел эксперта-криминалиста!

Мир, конечно, шагнул далеко вперед с изобретением телеграфа, но магия по-прежнему оставалась самым быстрым способом передать сообщение.

На этом ленивое неторопливое валяние в постели благополучно завершилось. Сразу после письма Кьер выставил меня за дверь — завтракать и принимать модистку, — резонно уточнив, что если в прислуге он уверен, то давать повод для сплетен даме, без конца крутящейся в обществе других дам, будет не самым разумным действием. Так что, когда я шагнула в смежную комнату, контур двери за моей спиной мигнул и слился со стеной, будто его и не было, а спустя минуту принесли завтрак, который я употребила с аппетитом, заставившим мою драгоценную матушку заплакать от умиления.

Модистка, мадам Эрнье, крайне деятельная дама почтенного возраста, с осанкой генеральши и искусственной сединой на висках, прибыла в сопровождении трех швей, нагруженных коробками и пакетами до самых глаз, рассыпалась в соболезнованиях по поводу постигшего меня несчастья и тут же закружила в вихре чулок, юбок, лент, шляпок и прочих милых женскому сердцу вещей.

И, стоя на банкетке перед огромным зеркалом, я ощущала себя крайне непривычно, когда вокруг профессионально сутились, в шесть рук ушивая и совершенствуя прямо на мне выходное платье серо-голубого цвета. Мадам безукоризненно руководила процессом, перемежая комплименты моей неземной красоте и великолепной фигуре с замечаниями о том, как все же дальновидно она поступила, захватив из магазина именно эту модель, именно этого оттенка, отделанную именно этим кружевом.

Мне оставалось только печально соглашаться с тем, что и модель, и оттенок, и кружево выше всяческих похвал. Печально — потому что от мысли, в какую сумму мне выльются услуги модистки такого уровня, меня нет-нет да посещало желание выкупить наряд у какой-нибудь горничной да уйти в столицу пешком. Но модель, опенок, кружево... и та шляпка с пышным страусовым пером, и темно-бордовый дорожный костюм с длинным рядом пуговиц и хитрыми складками на юбке, перчатки тончайшей выделки, обтягивающие руку как вторая кожа. И... и...

Когда «и» начало выходить за рамки необходимого минимума, я себя все же усилием воли остановила и, пока швеи собирали горы оставшегося по коробкам, села писать долговую расписку на имя достопочтенного виконта Рейвена. Вернусь домой, отдам деньги отцу. В конце концов, могу я позволить себе раз в жизни спустить все жалованье на некоторые дамские излишества?

Оставшись одна, я присела перед туалетным столиком, покрутила в руках серебряную щетку и со вздохом принялась разбирать и расчесывать спутавшиеся за ночь пряди.

Щетка уже легко скользила по локонам, ни за что не цепляясь, но я все равно продолжала водить ею снова и снова, чтобы придать волосам совершенно особенный блеск. Зеркало отражало парадно-выходное платье в серебристо-лиловую полоску, с низким, на грани допустимого в дневное время, декольте, и бархотку с аметистовой капелькой. Идущие с ней в паре серьги лежали на столике, ожидая, пока я закончу с прической.

— Леди Рейвен просит узнать, куда вы собираетесь, леди Эрилин. — Марианна, крайне смущенная ролью телеграфиста, мяла передник в дверях, а за ними почтенная виконтесса сурово прошипела: «В таком виде!»

— В таком виде, — послушно повторила девушка, покрываясь красными пятнами от волнения.

— На работу, мама. У меня сегодня важная встреча, — ровно отозвалась я, перебросив волосы через плечо. — И прекрати эту комедию, пожалуйста. Оставь Марианну в покое. Если продолжишь суфлировать из коридора, я просто перестану отвечать.

— С кем встреча? — Недовольно поджав губы, маменька вышла из тени, отослав счастливую горничную прочь. Любопытство оказалось сильнее принципиальности.

— Не важно. Она исключительно деловая.

— К чему тогда столько усилий? — Мама подошла и, шлепнув меня по пальцам, взяла прическу в свои руки.

— Разве леди нужен повод, чтобы выглядеть неотразимо? — Я едва удержалась от того, чтобы показать зеркалу язык. Вместо этого я его прикусила, когда локон на затылке чувствительно дернули.

Впрочем, дорогая матушка могла меня хоть пытаться, но я бы ни за что не рассказала ей всех подробностей сегодняшней важной встречи, ибо тогда меня бы заперли в комнате и поставили бы под окном брата с ружьем.

Вчера вечером, после окончания рабочего дня, я уже одевалась, когда дверь секретариата распахнулась и вошел герцог, по ощущениям разом сделав помещение вдвое меньше.

— Хорошо, что я вас застал, — с порога заявил он, решительно перечеркнув реверансы. — Завтра с утра вы сопровождаете меня в рабочем визите к лорду Эрбошу, бывшему королевскому архивариусу. Я заеду за вами в девять. Он живет в пригороде, так что мы вернемся, полагаю, в начале второй половины дня.

На язык с ходу прыгнуло заявление о том, что обязанности личного помощника герцога так же далеки от обязанностей эксперта-криминалиста, как и обязанности секретаря господина Трейта. Но должностная инструкция должностной инструкцией, а совмещать криминалистику с бумажной работой и внезапными прихотями высокого начальства все же лучше, чем маменьку с унылыми светскими визитами. Так что скромнее надо быть. И смиреннее.

— И что я должна делать в качестве вашего сопровождающего? — уточнила я со всей доступной мне скромностью и смирением.

— Быть обворожительной.

Я удивленно вскинула брови, ожидая пояснений. Для дежурного комплимента герцог был слишком серьезен. Да и можно подумать, ему их раздавать больше некому. Так что глава департамента действительно имел в виду именно то, что сказал.

— Видите ли, департаменту необходимо его содействие, но, поскольку многоуважаемый лорд находится в отставке, никаких формальных причин требовать его помощи у нас нет, а станет ли он помогать добровольно — большой вопрос. И поскольку мне необходимо быть крайне убедительным, то понадобится ваше присутствие. — Он выдержал короткую загадочную паузу, еще больше подстегивая мое любопытство, и наконец пояснил окончательно: — Лорд Эрбош — большой любитель женской красоты. Конечно же, исключительно с эстетической точки зрения. Так что ваша обворожительность вполне может простимулировать его желание вновь быть полезным короне. Правда, хочу сразу вас предупредить, в существование женского интеллекта он не верит.

Как мило. Возьмите к нему господина Трейта, они найдут массу общих тем для разговора. Не уверена, конечно, как у первого криминалиста обстоят дела с обворожительностью, но ради короны он, может, что и придумает?

Но и эта мысль благополучно осталась при мне. Настоящая леди скромно опустила ресницы и благовоспитанно кивнула:

— Задача ясна: быть красивой, улыбаться и молчать.

— Быть красивой — да, — подтвердил герцог. — Молчать — только если лорд Эрбош будет хорошо себя вести!

И только когда за головой департамента закрылась дверь, я позволила себе душащий горло смехок. Герцог определенно умеет распознавать тайные таланты подчиненных.

А теперь, крутясь перед зеркалом, когда маменька закончила прическу, я пришла к выводу, что с первыми двумя пунктами определенно справлюсь.

В пять минут десятого к дверям дома подкатила карета с гербом департамента — восьмиконечной звездой в перекрестном крест-накрест квадрате. Магия за решеткой, магия под контролем. Я решительно выдохнула и, не обращая внимания на пристальный взгляд в спину, потянула на себя дверь.

Пока я спускалась по ступенькам крыльца, герцог вышел из кареты, чтобы меня поприветствовать. Безукоризненно одетый, высокий, статный. Красивый. Попыталась поднять голову забитая и запрятанная в самый темный угол еще детская мечта о «прекрасном принце», но я тут же шугнула ее на место. Хватит. Намечталась уже однажды.

Реверанс. Небрежно-элегантное прикосновение к полям шляпы.

— Вы выглядите превосходно, леди Рейвен.

— Чего только не сделаешь на благо короны, — притворно вздохнула я, и уголки мужских губ дрогнули.

Через минуту копыта лошадей уже бодро цокали по мостовой, карета покачивалась, а сидящий напротив герцог смотрел на меня, пока я «с интересом» изучала проплывающие мимо городские пейзажи.

— Мне только сейчас пришло в голову, — заговорил он, дав возможность оторваться от давно знакомого, а потому несколько скучного зрелища. — Надеюсь, эта поездка не нанесет непоправимый ущерб вашей репутации? Возможно, мне стоило озаботиться тем, чтобы прислать за вами отдельный экипаж.

— Вы знаете, ваша светлость... когда я устроилась на службу в департамент, моя многоуважаемая матушка потребовала, чтобы я ходила на работу в сопровождении компаньонки. Я отказалась, как вы заметили. И, если верить матушкиным словам, большего удара по собственной репутации мне уже не нанести.

— В сопровождении компаньонки? — медленно повторил герцог, и в его голосе отчетливо слышался с трудом сдерживаемый смех.

— Да-да, — с самым серьезным видом кивнула я. — Она даже подыскала мне одну замечательную старушку. Почтенная дама высказывала огромное желание оградить меня от греховных посягательств. Честно признаться, сейчас я даже несколько жалею, что не приняла ее услуги. Возможно, присутствие столь благочестивой женщины несколько приободрило бы господина Трейга.

Герцог не выдержал, хохотнул, а я, спрятав за ресницами собственный смех в глазах, снова повернулась к окну. Все же было приятно, что глава департамента не относится к тому же типу мужчин, что и почтенный первый криминалист. От этого как-то легче дышалось. Впрочем, возможно мне просто стоило почаще ослаблять корсет.

— Леди Рейвен, а вы позволите задать вам личный вопрос?

— Если вы хотите поинтересоваться, что я делаю в департаменте и как вообще мне в голову пришла мысль стать криминалистом, — задавайте. Этот вопрос уже давно из личного превратился в достояние общественности.

Герцог усмехнулся.

— Вы красивая женщина, леди. Зачем вам это нужно?

Что-то екнуло внутри от первых слов и от голоса, каким они были произнесены. Смотреть в черные магнетические глаза вдруг стало неловко, поэтому я ответила, по-прежнему глядя в окно:

— Затем, что мне не хочется быть просто красивой женщиной. И леди, по правде говоря, тоже довольно скучная роль. А что касается выбора маг-криминалистики... у всех у нас есть маленькие слабости.

— Трупы? — Мужчина продолжал беззлобно веселиться.

— Загадки. Магия. А трупы, — я пожала плечами, — это неизбежное, но не самое неприятное зло.

— И что же является самым неприятный злом, если не трупы?

— Господин Трейт? — иронично предположила я.

Нет, жаловаться я не планировала. Но и делать вид, что меня все устраивает, тоже не собиралась.

— Дайте ему время, — произнес герцог с неожиданной мягкостью. — Найджел — превосходный специалист, он не станет ставить собственные соображения выше интересов дела.

На этот счет я бы могла поспорить, но не стала, вместо этого сменив тему:

— А могу я узнать, какая именно помощь требуется от лорда Эрбоша? Чем может помочь департаменту бывший архивариус?

— Вся информация о делах хранится в архиве департамента в течение десяти лет, а затем передается в королевский...

Все же у него очень приятный голос. Выразительный. Звучный. Ветреная женская натура все не могла успокоиться, и пока я сосредоточенно внимала объяснениям, она старательно пыталась меня сбить с пути истинного в какие-то темные дебри.

— После первых двух убийств господин Трейт припомнил, что на заре его карьеры, тридцать лет назад, по столице прокатилась череда убийств со схожими магическими показателями. Характер преступлений, правда, был совсем иной, а убийцу или убийц так и не нашли, но Найджел подумал, что, возможно, от изучения материалов дел будет какая-то польза, и сделал запрос в королевский архив. Но так уж вышло, что нынешний архивариус,

лорд Двейн, скажем так... — Герцог выдержал паузу, подбирая слова. — Меня слегка недолгобливает.

— Слегка? — иронично уточнила я, вскинув брови.

— Самую малость, — улыбнулся герцог, и стало ясно, что речь идет даже не о вооруженном нейтралитете, а о битве не на жизнь, а на смерть, где не считаются с потерями. — Поэтому запрос из моего департамента три раза терялся, дважды нам доставляли не те документы, а в последний раз было заявлено, что отдел магической документации сейчас на реставрации. Все бумаги отправлены на склад и вернутся оттуда не раньше весны, а там еще пока их разберут, разложат по местам, выяснят, что именно нам нужно, сгрызли мыши — ах, какая жалость...

Я недоуменно хлопнула ресницами. Нет, я понимала, что неприязнь между двумя высокопоставленными фигурами многим простым и не очень людям выходит боком, но не в таком же вопросе! Речь об убийствах, а некоего лорда Двейна беспокоит только войнушка с герцогом?

— Одним словом, стало ясно, что вопрос нужно решать иначе. Лорд Эрбош провел на посту более двадцати лет, полагаю, он сможет оказать содействие. Или указать на того, кто может это сделать.

Я понятливо кивнула. Было ужасно любопытно, что именно герцог не поделил с лордом Двейном, но степень знакомства подобный вопрос задать не позволяла. Поэтому я просто снова повернулась к окну.

Стучали копыта, качалась карета...

Остаток пути прошел в молчании, хотя я нет-нет да бросала на герцога любопытные взгляды и сильно подозревала, что он занимается тем же.

Поместье лорда Эрбоша встретило нас дубовой аллеей и скульптурной композицией в центре круговой каретной дорожки перед входом. При виде трех искусно отлитых нимф, прикрывающих прелести лишь не особенно пышными гирляндами цветов, я не сдержала короткого смешка и лишняя разуверилась в том, что герцог все же потребовал моего сопровождения не из праздной прихоти.

Внутреннее убранство дома почтенного графа Эрбоша напоминало музей. Не хватало только красных веревочек, ограждающих «экспонаты». Дворецкий провел нас по просторному холлу мимо широкой лестницы, по коридору, увешанному картинами, и распахнул белую дверь в его конце.

— Герцог Тайринский и леди Эрилин Рейвен, — звучно объявил он.

Мы очутились в библиотеке. Внушительной, надо признать, библиотеке, занимающей оба этажа особняка. Здесь было много света — высоченные окна и стеклянный купол в потолке, светлое дерево отделки. На фоне этого великолепия его владелец слегка потерялся, и мне пришлось одернуть себя, чтобы оторвать взгляд от заманчивых рядов разномастных корешков и взглянуть на поднявшегося при нашем появлении графа.

Он степенно и важно кивнул герцогу, повернулся в мою сторону, и лицо старика озарила почти отеческая улыбка.

— Леди Эрилин! Бог мой, какая невероятная встреча. Вероятно, вы меня не помните, но...

— Помню... дядюшка Чарли. — Я заодно улыбнулась и, прихватив юбки, изобразила совсем детский книксен.

— Дайте мне взглянуть на вас, дитя... — Лорд Эрбош протянул руки, и я вложила свои ладони в подрагивающие старческие пальцы. — Бог мой, бог мой! Кто бы мог подумать, что из глазастого вороха бантов и рюшей вырастет такая очаровательная леди. Прекрасна! Божественна! Бог правый, какие же мужчины недалекие создания! Будь я на двадцать лет моложе, я сделал бы вам предложение, не медля ни мгновения! Как поживает ваш дорогой батюшка? Матушка? Мальчонка Грей, должно быть, тоже знатно изменился... бог мой, бог мой!

— Лорд Эрбош, — прошептала я, заговорщически наклонившись к нему и перебив бодрое словоизлияние, — мне, право, жаль вам на это указывать, но мы здесь не одни.

Граф вскинул брови так, будто для него это заявление и впрямь стало великим откровением, и повернул голову в сторону моего высшего начальства, которое, судя по глазам, пребывало в абсолютном замешательстве.

— Ах да, герцог. Покорнейше прошу меня извинить, старость! Склероз! Забываю, как звали родную матушку, что уж говорить про визитеров. Прошу, прошу... Клойд, прикажи подать чай! Леди Эрилин? — Хозяин дома почтительно отодвинул для меня стул.

— О, если позволите, я бы хотела осмотреть вашу библиотеку, пока вы беседуете с его светлостью.

— Конечно, милая, конечно... к чему вам скучать за деловыми мужскими разговорами?

Вот и я считала, что ни к чему. Суть беседы мне была известна, а окольные пути, которыми интриганы будут к ней подбираться, — неинтересны. К тому же библиотека у бывшего архивариуса была действительно впечатляющая.

Граф когда-то давно был другом моего отца. И даже не сразу исчез с горизонта после опалы — писал ему письма. Я помнила его потому, что он был одним из немногих взрослых, кто обращал на нас с Греем внимание и никогда не приходил без игрушки или сладости. Даже в

письма вкладывал петушков на палочке, завернутых: в шуршащую коричневую бумагу. Через год писем стало меньше, а через три они перестали приходить совсем. Возможно, лорд Эрбош был слишком занят. А возможно, ему подсказали, что, занимая высокий пост на королевской службе, лучше бы перестать водить дружбу с предателем короны, если хочется этот самый пост сохранить.

Чутко прислушиваясь к разговору, я водила пальцами по корешкам книг, с интересом изучая названия, но доставала с полок только самые привлекательные на вид тома. И как только в голосе графа появлялись недовольные брызжащие или упрямые нотки, я тут же восторженно подавала голос:

— Как прелестно! Какие чудесные иллюстрации!

Или:

— Лорд Эрбоги, у вас великолепные книги! Я никогда еще не видела такой красивой инкрустации.

И старый граф с умиленной снисходительностью пояснял мне, что это моржовая кость и жемчуг. А иллюстрации рисовал сам профессор Шерм, записавший эти легенды, а потому они уникальны. Но к разговору с герцогом он возвращался с просветленным лицом и радостью общения с тем, у кого все же имеется в наличии интеллект.

Спустя час обстоятельной беседы лорд Эрбош все же сдался, хоть и вдоволь поводит герцога за нос, как кокетничающая девица, а после лично проводив нас до кареты.

— Леди Эрилин, а все же вы-то какими судьбами здесь оказались, чтобы порадовать старика?

— Я работаю в департаменте с его светлостью, — пролепетала я, скромно опустив ресницы.

Граф озадаченно крякнул, задумался на мгновение, но тут же расплылся в хитрой ухмылке.

— Ау старого виконта еще есть, оказывается, порох в пороховницах! Поклон папеньке и мое почтение, коли будет в этих краях — милости прошу. Я сам-то в столицу, почитай, уже год не выбирался, да... бог мой, бог мой, как летит время...

Он расцеловал мне на прощание ручки, сухо, по-деловому кивнул герцогу, а потом еще постоял на крыльце, провожая карету взглядом. А стоило мне отвернуться от заднего окошка, как я тут же напоролась на сверлящий герцогский взгляд.

— Почему вы мне не сказали? — В голосе рокотал морской прибор.

— Вы не спрашивали. — Я поправила складки юбки, шляпку, проверила, не выбился ли где лишний локон.

— С чего бы я мог...

— Подумать, что у дочери опального виконта имеются знакомства в высшем свете? Конечно, не с чего. Сумасбродная провинциалка, даром что титулованная, чего от нее ожидать?

На самом деле я не сказала герцогу о том, что имя лорда Эрбоша мне о многом говорит, просто потому, что не была уверена, как граф отнесется к моему появлению. Он мог меня забыть, мог притвориться, что забыл. Мог сделать вид, что никогда и не знал. И как бы я выглядела в такой ситуации?

И я, пожалуй, была в корне не права, выдав сейчас эту шпильку, но удержаться после часового разыгрывания спектакля под названием «глупышка Эри» оказалось выше моих сил.

К счастью, обошлось. Герцог пронзил меня долгим взглядом, от которого сердце перепуганно пропустило удар, и внезапно произнес:

— Прошу меня извинить.

— За что? — удивилась я, проглотив собственные извинения за резкость.

— Я вас недооценил.

— Не берите в голову, — отмахнулась я. — Этим страдают абсолютно все.

Сдержанный смешок окончательно дал понять, что прямо сейчас меня все же не уволят.

— Леди Эрилин... вы позволите вас так называть? — Дождавшись моего кивка, герцог продолжил: — Коль скоро наша миссия завершилась успехом, я хотел бы попросить вас еще об одной услуге...

Я насторожилась — тон звучал как-то не по-деловому.

— Время обеденное, не могли бы вы составить мне компанию? В городке неподалеку есть превосходная ресторация...

Мне оставалось только чинно согласиться. Так уж и быть. Чего не сделаешь на благо короны...

Воспоминания, скрасившие рутинное наведение красоты, были приятными, и я поймала себя на том, что неосознанно улыбаюсь, возвращаясь мысленно к тому обеду и обратному пути в столицу. Герцог оказался на удивление приятным собеседником, стоило его ткнуть носом в то, что мы действительно принадлежим к одному кругу, даже несмотря на пролегающую между нами пропасть.

Интересно, а что там с документами? Я совсем про них забыла в суматохе новых убийств. И пусть я сомневалась, что убийства тридцатилетней давности имеют хоть какое-то отношение к настоящим, было бы любопытно взглянуть на «схожие показатели».

Я покрутила головой, осматривая прическу, и заметила краем глаза, как дверь в комнату беззвучно отворилась. Кьер молча подошел, наклонился, целуя тонкую кожу за ушком. Я прикрыла глаза, а в следующее мгновение чуть вздрогнула, когда до шеи дотронулось что-то стеклянно-холодное, а обоняния коснулся легкий цветочный аромат.

Изумленно распахнув глаза, я пронаблюдала, как Кьер поставил передо мной на столик флакон тонкой работы из стекла аметистового цвета и закрыл его пробкой в виде розы. К тому месту, которого только что касалось смоченное духами стекло, прижались губы. Потом чуть ниже, потом чуть выше, у самого уха.

— Нравится? — Горячее дыхание вызвало щекочущую дрожь по позвоночнику и тянущие ощущения внизу живота.

— Нравится, — призналась я, не до конца уверенная, что именно имею в виду — духи или поцелуи.

— Примешь?

— Приму.

А что? Духи — это вам не бриллианты, которые непонятно откуда взялись в едва сводящем концы с концами семействе. Вернее — сразу же понятно откуда.

— Спасибо, — прошептала я, чуть повернула голову и поймала очередной поцелуй губами. Затягивать его Кьер не стал. Вместо этого он взял меня за руку, заставил подняться и с интересом оглядел новое платье. Я была готова к тому, что сейчас придется давать отпор, отнекиваться от денег, возмещения расходов, снова чувствовать ужасную неловкость из-за разницы положений... но нет.

Герцог прокрутил меня вокруг своей оси, словно в танце, так, что юбка раздулась куполом, и тут же прижал к себе.

— Ты очень красивая.

— Ты тоже, — с облегчением улыбнулась я.

— Тоже красивая? — ухмыльнулся Кьер и, не дав мне подумать над язвительным ответом, предложил: — Погода сегодня к прогулкам не располагает, но, возможно, леди Рейвен будет не против экскурсии по поместью? Здесь есть на что посмотреть...

На следующее утро я снова проснулась одна. Правда, на этот раз для разнообразия мне не пришлось долго задаваться вопросом, куда опять пропал Кьер. Я сразу почувствовала, что он здесь. В комнате пахло так, будто тут только что отгромыхала гроза. От звенящего, наполненного магией воздуха перехватывало дыхание. Я села, потянулась к ногам, выгнув спину, как кошка, откинула с лица спутанные волосы и огляделась.

Кьер сидел в центре спальни, скрестив ноги, упершись локтями в колени и опустив лоб на молитвенно сложенные ладони, а вокруг него поблескивала сфера, сотканная из мельчайших водных потоков. Каждый из них двигался в своем направлении, и при взгляде на это движение начинала кружиться голова. От выплескиваемых в воздух сил заняла, зазудела печать, но я привычно задвинула это ощущение на задворки сознания. Легла на живот, подперев подбородок кулаком, и принялась наблюдать за игрой водных бликов, буквально упиваясь зрелищем.

Магия всегда меня манила, еще до того, как выяснилось, что эта болезнь меня коснулась. Хотя, возможно, поэтому и манила... я всегда чувствовала ее незримое присутствие вокруг себя. А потом, через неделю после двенадцатилетия, открылось мое «окно». Мы с братом играли в догонялки в парке, когда мне под лопатку вдруг словно вошла длинная игла. От боли и

неожиданности я споткнулась, упала на гравий, закричала. Так страшно, наверное, что Грей даже не подбежал посмотреть, что со мной, а со всех ног удрал за матерью. А когда они вместе с отцом примчались в парк, я стояла на коленях вся в слезах и смотрела на слабое фиолетовое свечение, исходившее из окровавленных ладоней.

Уже на следующий день мы поехали в город к магу-артефактору, имеющему лицензию на запечатывание «окна». Сидя в карете, я рассматривала ссаженные о гравий ладони, прислушивалась к непонятным, новым ощущениям, тому, как неуловимо изменился мир вокруг и я сама. Казалось, что от того места, куда вчера меня «уколото», в тело тонким прохладным ручейком вливалась какая-то жидкость. Она смешивалась с кровью, разносилась по сосудам, скапливалась где-то в груди и на кончиках пальцев, отчего они леденели. Тайком щелкнув ими, я с восторгом пронаблюдала, как в воздух взвился и стремительно растаял фиолетовый дымок. А сопровождавший меня отец говорил.

Он рассказывал о том, что магический дар — это особое заболевание, с которым очень непросто жить, если вовремя о нем не позаботиться. Что разлитая в воздухе, неощутимая и безвредная сама по себе магия становится опасной в первую очередь именно для тех, у кого открывается «окно» — своеобразный проем в обычно целостной ауре, через который в человека начинает сочиться магическая энергия. Потому что энергия эта человеческому организму чужда, она им не усваивается, только копится внутри, грозясь в один страшный день вырваться наружу, уничтожив носителя, а возможно, и причинив вред его окружающим. Контролировать магию — дело крайне сложное, этому надо долго и упорно учиться, и даже обучение не гарантирует, что с притоком чуждой силы удастся совладать. Именно поэтому будет лучше, в первую очередь, конечно же, для меня самой, купировать болезнь в зародыше, благо уже давно это делается эффективно и безболезненно.

Я откуда-то знала, чувствовала, что все это было правдой. Представила, как тонкий ручеек вдруг превращается в полноводную реку, и — бум! — я лопаюсь и рассыпаюсь множеством фиолетовых искр, как шар фейерверка. Мне стало страшно, и на рабочий артефакторский стол я легла без сомнений.

Был еще один аргумент, как мне подумалось в тот момент, самый не важный. Только с возрастом стало понятно, что именно он — ключевой. Женщинам в Таиланде просто-напросто запрещалось колдовать.

Естественно, отец преподнес это в том свете, что девочки мальчиков физически слабее и справиться с магическим потоком для них сложнее в сотню раз и что такой закон существует исключительно в женских интересах.

Да-да. Именно поэтому наказание за его нарушение — насильное запечатывание и пожизненная каторга. Правда, это я узнала много позднее.

Печать наглухо закрыла ставни «окна», легла на ауру белесой заплаткой. А на теле ее даже не сразу можно было разглядеть — несколько дней были видны красные, вздувшиеся следы, а потом они исчезли, почти слившись цветом с бледной кожей. Тонкий ручеек тут же пересох, а то, что уже успело накопиться, вышло свечением за пару дней.

И тогда меня вдруг посетило ощущение неполноценности. Казалось бы, все произошло так быстро, что можно успеть понять? А все равно.

Только изменить уже было ничего нельзя.

С каждым годом я все сильнее ощущала разлитую в воздухе магию. Фоновая, нейтральная энергия, которую черпали маги, была почти как вода — без цвета, без запаха. Зато уже оформленная проводником, она наливалась красками, ароматами, иногда даже тактильно ощущалась.

Как я потом узнала, подобной чувствительностью обладали почти все запечатанные и почти никто из магов. У человека, лишённого зрения, развивается слух. У человека, лишённого магии...

Это же стало одним из решающих факторов в выборе профессии. При поступлении на маг-криминалистику подобное чутье было одним из бонусов...

Я лежала, уронив голову на руки, прикрыв глаза, вдыхала пьянящий грозовой запах, чувствовала, как вибрирует, проходя сквозь мое тело, сконцентрированная, «отработанная» сила, медленно растворяясь в пространстве, как густые клубы дыма.

Только что открывшееся «окно» пропускает не так много силы, и ее легко можно спустить на всякую бесполезную ерунду вроде свечения, искр, огонечков. Но со временем, под давлением

магического фона, «окно» расширяется, поток энергии возрастает, и в какой-то момент, если маг попытается просто его выплеснуть, то может снести с лица земли целый квартал. Как правило, вместе с самим магом. Поэтому первые несколько лет магического обучения на две трети состоят из медитации — поиска баланса между потоком и возможностями организма, а также возвращении накопившихся излишков в магический фон.

Кьера выучили великолепно. Наверное, с ним работали лучшие из лучших. Поэтому меня так повело от его магии и тогда, у поезда, и сейчас. Выбросы силы были такими концентрированными, насыщенными, мощными, что кружили голову, как голодному запахи еды.

Я настолько упивалась ими, что даже не заметила, как герцог закончил свое занятие, и вздрогнула, когда обнаженной поясницы коснулись губы. Я лениво повела плечом, выказывая нежелание шевелиться, подниматься или чего там еще от меня хотят. Второй поцелуй поднялся выше по позвоночнику, шершавая ладонь двинулась следом, отвела со спины волосы...

А третий пришелся прямо в центр печати.

Вся томная нега с меня разом слетела, я рывком перевернулась и оказалась нос к носу со склонившимся надо мной Кьером.

— Вид, конечно, и с этой стороны прекрасный, — произнес он вместо «доброе утра», скользнув взглядом по моему телу, — но я еще не закончил. Ляг обратно.

— Нет, — заупрямилась я и, перекатившись, соскочила с кровати.

Стало очевидно, что если странный экстаз у поезда он списал на шок, то теперь вычислил мою реакцию на его колдовство и, судя по взгляду, не на шутку заинтересовался. А мне от этого интереса стало так неловко, и стыдно, и стеснительно, и возмутительно, будто меня застукали за подглядыванием в замочную скважину и одновременно вторглись во что-то ужасно личное. Не зная про печать он не мог, эта информация при найме является крайне важной, но внимание на нее решил обратить впервые.

— Эрилин. Иди сюда.

Темные глаза угрожающе сощурились, мышцы напряглись. Лев начал подбираться для прыжка. В груди екнуло, опасность щекотнула нервы, и я демонстративно потянулась к пеньюару, прекрасно осознавая, как смотрится кружево, надетое прямо на голое тело. Ткань скользнула по одному плечу, по другому. Не спеша запахивать пеньюар на груди, я высвободила из-под него волосы, краем глаза наблюдая, как Кьер поднимается с кровати, и, гордо вздернув подбородок, направилась в сторону ванной комнаты.

Однако на полпути, практически ощутив дыхание в спину, я не сдержалась и, прыснув от смеха, сорвалась на бег. Влетела в открытую дверь, захлопнула ее перед самым герцогским носом и задвинула щеколду. Дверь сотряс удар.

Не особенно рассчитывая, что Кьера эта преграда остановит и охладит, я торопливо от нее отскочила. Снова пахло озоном, раздался треск, дверь с выдранной щеколдой с грохотом распахнулась, и я отступила за ванную, готовая умереть, но не отда... сдаться! А внутри в тугую пружину свернулись азарт, желание и восторг.

Такой он был... грозный, суровый, и аура клубится тучами, полыхает молниями. Не мужчина — мечта!

Герцог сделал шаг вправо, я зеркально скользнула влево, перебирая ладонями по высокому бортику ванны. Хорошая у него ванна — большая, просторная! А главное, через нее ему до меня не дотянуться.

Кьер, очевидно, это тоже понял.

— Эрилин. Иди ко мне, — повторил он с угрозой в голосе.

— Нет.

— Эрилин!

Я подумала и показала герцогу язык. Ну как... облизнула пересохшие губы.

Кьер зарычал и рванул ко мне, я с визгом — от него. Громыкнуло, и, как тогда в поезде, воздух снова сгустился. Я увязла в нем, как муха в паутине, а в следующее мгновение сильная рука обхватила меня за талию, рывком притягивая к обнаженному мужскому телу.

— Попалась, — хрипло выдохнул на ухо герцог.

— Жулик! — возмутилась я, пытаюсь извернуться.

Кьер ослабил хватку, но только для того, чтобы стащить с меня пеньюар, а затем снова прижал к себе, все так же спиной. Губы впились в шею, одна ладонь обхватила грудь, другая скользнула вниз по животу.

А вместе с ней — колкие искорки магии.

От смешавшихся острых ощущений я ахнула, вытянулась струной.

— Не надо... так... — с трудом выдохнула я, откинув голову на его плечо.

— Как не надо? Так?

Я прерывисто всхлипнула и впилась в его руку ногтями, с трудом удержавшись на краю замаячившей пропасти наслаждения. Господи, он же еще почти ничего не сделал, а я уже готова сойти с ума.

«Почти ничего» Кьер определенно намеревался исправить.

Ощущений было слишком много — физических, эмоциональных, чувственных. Я тонула в них, выхватывая происходящее лишь урывками. Гладкая краска стены под ладонью. Горячие поцелуи на плечах, где кожа стала настолько чувствительной, что от каждого из них по спине пробегала дрожь. Ритмичные движения внутри, заставляющие задыхаться от острого удовольствия...

Тяжело дыша, я уткнулась лбом в холодную стену. Колени подрагивали и подкашивались, да еще и Кьер уронил тяжелую голову мне на плечо, продолжая прижиматься вплотную и удерживать за бедра, несмотря на то что разрядку мы оба получили почти одновременно.

— Я тебе говорила, что ты чудовище?

— Да. Безнаказанное.

— Хорошо, тогда ты — монстр!

— Страшный?

— Отвратительный!

Над ухом раздался тихий смешок, и Кьер отстранился, позволяя и мне выпрямиться и наконец повернуться. Ну хоть к печати не полез, и слава богу!

— Какая она для тебя? — внезапно спросил он, покрутив посеребренный краник ванной. Вода хлынула на белое фаянсовое дно, стремительно его заполняя.

— Кто? — удивилась я и, не дожидаясь, пока ванна наберется, забралась туда и с наслаждением откинулась на ледяной бортик, охлаждая разгоряченное тело.

— Моя магия, — пояснил Кьер, и я недовольно скривилась — не забыл. — Впервые вижу, чтобы запечатанный на нее так остро реагировал.

Я снова поморщилась. Слово «запечатанный» я не любила. Вроде слово как слово, без всякой эмоциональной окраски, но веяло от него какой-то... дефектностью, что ли. И для обычных людей все равно не совсем нормальные, и для магов.

— Эри, перестань гримасничать.

— Перестань командовать.

Уровень воды резко подскочил, когда Кьер тоже залез в ванну и сел напротив, а когда она поднялась мне до ключиц, раздалось поскрипывание крана, шум воды утих, и в ванной воцарилась тишина.

Прошло, наверное, несколько минут, в течение которых я пребывала в каком-то бездумном, приятно опустошенном состоянии легкости, а потом пустую голову посетила одинокая мысль, что последнее и не особенно ласковое слово в разговоре осталось за мной. Я приоткрыла глаза и посмотрела на Кьера. Тот сидел, закинув руки на бортик, и задумчиво изучал меня, чуть склонив голову набок.

— Тебе неприятно? — произнес он, заметив мое оживление. — Говорить о печати?

— Да нет... наверное. — Я провела пальцем по водной глади, подняла его, пронаблюдала, как капелька воды сорвалась вниз, пустив два круга. — Просто странно. Я никогда ни с кем об этом не разговаривала.

Это было правдой. В семье не с кем — все трое очень далеки от магии и, подозреваю, вообще почти забыли о том, что у них в семье живет запечатанный маг. Им и в голову не приходило, что для меня все не закончилось в тот день у артефактора. Магия проявилась, магию запечатали, жизнь прекрасна, жизнь продолжается.

Подруг у меня не было, откуда им взяться среди студенческой братии? Друзей, пожалуй, тоже. Если под конец обучения однокурсники меня и приняли, то сблизиться ни с кем из них так и не вышло. Не сказать, конечно, что я очень старалась...

Да и вообще печать — не тема для беззаботной беседы за чашечкой чая. Особенно для титулованной особы. Поскольку дефект ауры — заболевание наследственное, хоть и проявляющееся не в каждом поколении, многих потенциальных женихов печать могла отпугнуть почище явного уродства. Среди дворянства занятия магией — ремеслом, по сути — были не в чести.

Если мага и оставляли, то только когда он рождался стихийником, как герцог, например, — самый простенький дар, великого ума не требует и излишки силы сбрасывать проще. Да и потом, он боевой! Это вам не амулеты клепать, не с болезнями возиться, до этого можно и снизить...

А еще — если были деньги на то, чтобы нанять частного преподавателя. Не учиться же титулованному дитятку с плебеями бок о бок столько лет?

Так что когда Кьер обратил внимание на мою печать, да еще и вопросы начал задавать, я почувствовала себя не в своей тарелке, привыкнув за долгие годы, что тема эта запретная. Хоть ничего, кроме любопытства, в голосе герцога и не звучало.

— Хорошо. Ответь только на один.

— М-м?

— Какая она для тебя?

— Просто невыносимая, — фыркнула я. — И цвет такой... фу...

Стоило все же признать, что под воду меня за это окунули вполне заслуженно.

Я стояла посреди комнаты, окидывая ее раз за разом рассеянным взглядом, силясь понять, не забыла ли чего (было бы что забывать!), и теребила перчатки, все никак не надевая. Время отъезда подкралось незаметно, и я вдруг поняла, что уезжать мне не хочется. Поэтому и медлила, оттягивая неизбежное. Что меня ждет? Работа, интересная, да, но под вечным гнетом неодобрения, который надо преодолевать с гордо поднятой головой. А от этого, между прочим, шея болит! Маменька с ее нотациями и смертным одром. Брат, который, в отличие от меня, еще имеет все основания верить в светлое будущее. Отец... отец, пожалуй, меня не расстраивал, наоборот — незримо поддерживал, но...

Мне давно не было так легко, как здесь и сейчас.

Разозлившись на саму себя за сентиментальные глупости, я прикусила губу и натянула перчатки так решительно, будто к своему первому препарированию готовилась, после чего расправила плечи, вскинула подбородок и вышла из комнаты, на ходу опустив вуалетку шляпки.

Кьер поджидал меня на крыльце, возле которого уже стояла карета. Нахлынуло досадное чувство неловкости. Расставания с ним мне никак не давались, я не могла понять ни как вести себя, ни что говорить.

— Уверена, что готова вернуться поездом? — Кьер подал мне руку, чтобы помочь спуститься по лестнице. — Если хочешь, я прикажу кучеру тебя довезти.

Обратный путь мы должны были проделать по отдельности, чтобы не вызывать лишних разговоров. Меня ждал вечерний поезд, а Кьер намеревался сесть на утренний, благо высшее начальство могло позволить себе являться на работу тогда, когда ему это угодно.

— Кому суждено быть повешенным, тот не утонет, — философски отозвалась я.

И уже подобрала юбку, чтобы шагнуть на каретную ступеньку, но герцог меня придержал.

— Когда я тебя в следующий раз увижу?

— В любое время с девяти до семи в криминалистическом отделе. — Я позволила себе легкую улыбку. — Если, конечно, господин Трейт не отправит меня куда-нибудь в ссылку, шахту копать в поиске улики.

— Когда? — строже повторил Кьер, не поддерживая шутки.

— Не знаю... — Я опустила глаза, кляня себя за растрепанность чувств. — В среду. Или в четверг. Я приеду к тебе после работы.

— Хорошо.

Короткий поцелуй оставил легкое ощущение неудовлетворенности его продолжительностью. Я села в карету, и под веское «Трогай!» она покатила прочь из Тренвиста, куда я, если признаться самой себе, еще хотела бы вернуться.

Впрочем, эти мысли, как и всякие другие, связанные с герцогом, я старательно откинула, заставив себя сосредоточиться на предстоящей работе.

Тарнхил встретил меня солнцем, радостно скачущим из лужи в лужу и заставляющим сверкать омытые недавним дождем шпильки, флюгеры и вывески, а еще грубой мостовой из крупного камня, на которой карета затряслась, как припадочная, так что я была более чем рада, когда она наконец остановилась у главного (а по факту — единственного) городского полицейского участка. Дежурный на входе при моем появлении аж подскочил.

— Леди Эрилин Рейвен? — Получив утвердительный кивок, он приглашающе махнул рукой: — Прошу, главный констебль вас ожидает.

Я против воли недоуменно вскинула бровь. Во-первых, несмотря на телеграмму, я и не рассчитывала, что до меня в воскресенье снизойдет начальник отделения, а во-вторых, в голосе дежурного слышалось нечто подозрительно похожее на благоговение, что сильно сбивало с толку. Его начальник, грузный мужчина с пышными седыми усами, плавно переходящими в бакенбарды, только усилил мое замешательство, едва ли не вытянувшись в струнку при моем появлении.

— Леди Рейвен! Крайне рад, крайне рад, такая честь, такая честь! Позвольте представиться, главный констебль тарнхилского отделения, Роберт Пол. Присаживайтесь, прошу вас.

Мужчина отодвинул для меня стул, метнув суровый взгляд в подчиненного, будто тот был в чем-то виноват (профилактика-с!). После чего сел на свое место и нервно протер лысину белым кружевным платочком.

— Я хотела бы еще раз вас поблагодарить за то, что согласились перенести встречу, — с некоторой внутренней опаской произнесла я.

— Что вы, леди Рейвен, как можно. Это полгорода Господа благодарит за то, что вы на этом злополучном поезде оказались. Мой племянник, может, только благодаря вашим прекрасным ручкам и жив. Если бы его светлость благородство не проявили, уж поверьте, мы бы вас в Тарнхиле разместили со всеми почестями. Мы, миледи, вам крайне признательны, и уж вы простите, что из-за того, что мои остолопы маньяка проглядели, вам пришлось в это несчастливое путешествие пуститься...

Все несколько встало на свои места. Крохотный городишко — это вам не столица. Здесь и перед титулом преклонения больше, и перед должностями. Пусть и женщина заявила, но кто этих столичных знает, что за женщина, коли леди, да криминалист, да и сам герцог ей очевидно благоволит. А тут еще и в крушении я героиней оказалась нежданно-негаданно.

Но, боже, как приятно!

Вот бы упаковать многоуважаемого главного констебля славного города Тарнхила и продемонстрировать чуть менее уважаемому первому криминалисту департамента на предмет того, как надо обращаться с леди. Интересно, а у Трейта есть племянники, ну или любимый котик, которого можно спасти...

— Вы мне льстите, господин Пол, право слово, — улыбнулась я и, прежде чем констебль пошел на второй круг хвалебной оды, торопливо добавила: — Давайте перейдем к делу. Мне не хотелось бы опоздать на поезд.

— Конечно, конечно, — Роберт Пол пододвинул мне печально тонкую папку. — Здесь все материалы и те фотографии, которые мы еще не выслали в департамент. Кроме того, если вы пожелаете, я сопровожу вас на место убийства, а также у нас запланирована встреча с родственниками убитого, коли таково будет ваше желание.

— Будет-будет... — пробормотала я себе под нос, откинувшись на спинку кресла, и вчиталась в отчеты.

Тело обнаружено вечером шестнадцатого августа. У убитого был вырезан желудок. По фотографиям почерк и впрямь похож. Найдены следы хлороформа. Маг-криминалиста в городе нет, поэтому данные амулетов снимал дежурный констебль. Все, как у нас, легкие завышения показателей, которые легко списать на возмущения магического фона. Убитый опознан на месте самим констеблем (неудивительно!). Подозреваемых нет. Хотя...

Я с уже большим интересом вчиталась в следующий лист, периодически задавая господину Полу уточняющие вопросы.

Как оказалось, в июне на убитого уже совершалось покушение. Мужчина прогуливался с супругой, когда на него вдруг из-за угла выскочил какой-то сумасшедший — «лохматый, с бешеными глазами, перекошенной физиономией и с ножом (записано со слов свидетеля)». Он бормотал себе под нос что-то неразборчивое, но господин был не промах, ловко выбил у нападавшего дух ударом в челюсть, а потом еще и под ребра ногой добавил для остротки, а

многоуважаемые господа Д. и К., проходившие мимо, ему в этом чуток помогли. Но с уверенностью сказать, что два происшествия были связаны, невозможно. Точного описания нападавшего дать никто не мог. Больше этого сумасшедшего в городе никто не видел. Предварительная попытка покушения — это что-то новенькое. Да, еще не все личности установлены, но жена пьяницы клялась и божилась, что муж ее, тварь такая, был милейшим, чтоб его черти задрали, человеком, чьим самым тяжким грехом стала нелепая смерть и пятеро повешенных на шею несчастной матери детей. Да, пил, а кто нынче не пьет? Да, бил, а кто нынче не бьет? Зато рукой, а не чем под оную попадетя и изредка. Так, если не в настроении. Раз-два в неделю, не больше. Зато четверть заработка отдавал. Иногда. Кормилец! Был, тварь такая. И милейший, милейший человек! Всенародно любимый гад, чтоб ему...

Монолог этот, живо пересказанный коллегой, целый день веселил мужчин в отделе. Мне, наверное, тоже было бы смешно, если бы не было так грустно.

Что у нас получается? Четыре трупа в столице, один в Тарнхиле...

— Чем убитый зарабатывал на жизнь?

— Паб он содержал, миледи. Отличный паб. Туда полгорода после работы стремилось пропустить кружечку-другую.

— В столицу ездил часто?

— Никак нет, миледи. Насколько я знаю, и вовсе не ездил, да какие у него дела в столице? Но это вам вернее вдова скажет.

Значит, если только все четыре столичных трупа не ездили в гости к владельцу паба, в чем я глубоко сомневалась, личной связи между убитыми и впрямь никакой не существовало. Почему же один труп оказался здесь? Очевидно, потому что здесь оказался убийца. Был проездом?

Приезжал погостить к родственникам? Или же, наоборот, родом отсюда, но, скажем, работает в Карваноне?

Тарнхил, конечно, город маленький, но не настолько, что любой приезжий здесь становится событием. Тем не менее...

— Господин Пол, потрудитесь, пожалуйста, насколько это возможно, составить список всех тех, кто приезжал в город с визитом, начиная с июня, в том числе тех, кто работает в столице. У последних желательно сразу проверить алиби в день покушения и в день убийства.

Главный констебль кивнул, хоть и без особого энтузиазма. Я и сама понимала, что запрос по объему колоссальный, но что поделать. Местное отделение с ним в любом случае справится лучше, чем работники департамента, сидящие в столице.

Теперь сумасшедший с ножом.

В общую картину он как-то не укладывался. Если все убийства совершал и псих, то псих крайне умный и осторожный. Никаких следов, никаких свидетелей. Некоторых жертв даже не хватились до сих пор, так что личности установить невозможно. Не вязалось все это с выскакивающим из-за угла среди бела дня.

В то же время интуиция упорно твердила мне, что этот эпизод откидывать как случайное совпадение нельзя. Надо будет хорошенько побеседовать с вдовой, возможно, все же удастся вытрясти из нее хоть какие-нибудь детали. Может статься ведь, что многоуважаемые господа Д. и К. самому Живодеру ребра поломали. В таком случае остается только жалеть, что он так скоро от этого оправился...

Что-то не то с убийством в Тарнхиле. Что-то здесь не так.

Я еще раз перебрала фотографии. Все точь-в-точь как у столичных трупов — умелая рука, точный скальпельный надрез. Но как же он так прокололся? Почему нельзя было найти, у кого вырезать желудок, в столице? Это ведь такая зацепка, особенно при том, что больше ни в одном из окрестных городков ничего подобного не находили. Определенно надо хорошенько присмотреться к жителям славного Тарнхила и его гостям. Но это Трейт, пожалуй, и без меня сообразит.

— Дело передается в департамент. — Я с некоторым сожалением закрыла папку. Было немного обидно, что в ней не обнаружилось конкретных зацепок. — Я заберу его с собой, подготовьте, пожалуйста, бумагу о передаче — подпишу. И хотелось бы осмотреть место убийства, а также побеседовать с вдовой, если это возможно.

— Сей момент, миледи. — Главный констебль поднялся. — Позвольте сопроводить вас, а дежурный пока подготовит бумагу и подвезет вам на подпись к вокзалу, чтобы вы не тратили время на поездки туда-сюда.

— Крайне любезно с вашей стороны.

Нет, решено! Если с Трейтом не уживусь, уеду в Тарнхил, устроюсь в местный участок, меня тут будут любить. Куплю домик на окраине, заведу себе пару кошек, канарейку... или, может быть, попугая? Научу его говорить «Трейт — дурак». Кьер, когда рассказывал про поместье, упоминал, что на его земле кроличья ферма есть, буду у него по дешевке кроликов покупать. Они вкусные...

Я вздохнула и поднялась. Что со мной сделала профессия? Только криминалист может думать про ароматное кроличье жаркое, пересмотрев с десяток фотографий трупа.

На выходе из отделения полиции я отпустила все еще поджидающего меня герцогского кучера. Констебль заверил, что он и полицейская пролетка пребывают в полном моем распоряжении до самого отъезда.

Не то чтобы я планировала на месте убийства спустя столько времени найти какие-либо улики, куда больше меня интересовала встреча с вдовой, но протокол есть протокол.

Господин Пол привез меня на узкую пустынную улочку, зажатую между двумя кирпичными стенами без окон. На входе в нее валялась куча вонючего тряпья, которую главный констебль брезгливо и стыдливо отпихнул ногой, тут же принявшись бормотать извинения. Мол, это место до того всякие побродяжки любят, гоняют их, гоняют, а без толку. Я тут же насторожилась — не опрашивали ли побродяжек, и глава тарнхилской полиции, крикнув, добавил еще одну задачу к списку дел.

Как и следовало ожидать — ничего особенного. Сумрачно, бесплодно, вполне подходяще для неторопливого лишения человека того, что, по мнению маньяка, лишнее. Магический фон отдавал застоявшейся водой, покрытой ряской, здесь даже естественных всплесков и колебаний давненько не было, не то что колдовства. Конечно, за время, прошедшее с момента убийства, фон мог и успокоиться, но очевидно — с магами в Тарнхиле негусто. А чем спокойнее магический фон, тем ярче на нем отражается внешнее вмешательство. Тем не менее амулеты считывали все те же, что и в Карваноне, «погрешности»...

Как такое возможно? Это уже другой вопрос.

Вдова держателя паба выглядела, как и подобает вдове. Вся в черном, в руках — измочаленный платочек, в глазах — тоска и скорбь, в поджатых губах — недовольство. То ли нерасторопностью полиции, так и не нашедшей убийцу дорогого супруга, то ли визитом в неурочный день и час. На меня она смотрела с гремучей смесью одобрения и скепсиса, но, как и полагается почтенной даме, ни на словах, ни интонацией ни одно из обуревавших ее чувств не высказала, пригласила нас в гостиную и приказала подать чай.

— Я прошу прощения, что вам снова приходится переживать трагические события в связи с моим визитом, — произнесла я, пристроив на коленях блокнот и карандаш. — Но мы имеем все основания полагать, что убийство вашего супруга связано с чередой столичных убийств и, более того, может дать ключ к разгадке личности убийцы. Не могли бы вы припомнить во всех мельчайших подробностях тот день, когда на вашего супруга напал сумасшедший с ножом?

— А я знала, что это не совпадение. — Дама поджала губы и бросила красноречивый взгляд на главного констебля. — Дело было в субботу вечером, мы были приглашены на ужин к родителям Жерома. Они живут почти на выезде из города, тихое, спокойное место. И как раз прошли Пастырскую улицу. Этот человек шел нам навстречу по другой стороне улицы. Я не обратила на него особого внимания сначала, идет шатаясь и спотыкаясь, но мало ли таких шатающихся в городе в пятничный вечер, верно?

Не знаю, как в Тарнхиле, а в Карваноне в любой вечер таких шатающихся пруд пруди, места просто знать надо. Впрочем, мне, как леди, это знание, конечно же, не полагалось, поэтому я просто кивнула.

— Мой Жером, знаете ли, был мужчиной могучего телосложения, сколько раз сам пьяные драки в заведении растаскивал, не гнушаясь руки о чужие тела попачкать, так что волнительно мне не было. Даже когда этот человек, в очередной раз споткнувшись, повернулся и начал пересекать улицу, направляясь к нам. И бормочет себе под нос что-то невнятно, бормочет. Будто, знаете, и не на нашем языке-то. Но я подумала, мало ли чего примерещится, а он, может, денег хочет поклянчить или дорогу спросить? Он уже в пяти футах был, как я вдруг смотрю — боже правый! — да у него нож в руке блестит, махонький такой! И как завизжу! Жером от неожиданности ему ка-ак засветит. Нож по камням, муж его как увидел, разозлился, ну и увлекся малость. А мимо друзья его как раз проходили... — Вдова многозначительно

замолкла. Пояснения о том, что случилось дальше, и правда не требовались. Выдержав драматическую паузу, она продолжила: — Я просила Жерома полицию вызвать или в участок его оттащить, пусть бы разбирались, чего всякая пьянь на честных людей кидается, да ему уж больно не хотелось на ужин опоздать. Не послушал меня, теперь уже опаздывать и не придется...

Она замолкла на мгновение, словно припоминая, все ли рассказала, и закончила:

— Там его и оставили, где лежал. Да вы не подумайте, миледи, они не звери какие. Попинали-то так... по улице покатали больше. Когда обратно шли, его уже и след простыл так-то. А потом, когда Жерома... — Вдова промокнула глаза платочком. — Я сразу подумала, что неспроста это все. Так констеблю и сказала, запишите все, как есть. Он убил. Точно он! Не пьяный был, а сумасшедший!

Я постучала кончиком карандаша по блокноту, обдумывая вопросы. Криминалистов в первую очередь учили работать с уликами, а не с людьми, с людьми уже пусть в суде разбираются, так что чувствовала я себя несколько неуверенно.

— А вы не могли бы максимально подробно описать нападавшего?

— Да какие там подробности, миледи. Говорю же, за выпившего приняла, чего его разглядывать. А после, с разбитым-то лицом, тоже, знаете ли, мало кого признать можно. Волосы длинные, лохматые, дыбом все. Темные, а может, грязные просто, кто разберет. Вот и все подробности. Хотя... вот клясться перед Господом Богом я не берусь, но не из бедных он, помяните мое слово! Это я, дурная голова, уж после сообразила, что сюртук-то на нем был из ганайского твида, я такой в лавке у госпожи Эрн в Льене собственными руками шупала, по два солита за ярд, подумала еще тогда, что сумасшедшие только его и возьмут... и пожалуйста. «Прелестно», — тоскливо подумалось мне, вот только сюртук из ганайского твида к делу не пришьешь.

— Благодарю, — вздохнула я, и дама недовольно поджала губы, сообразив, что я ее ценными сведениями не воодушевилась. — Скажите, а ваш муж не страдал от какой-нибудь желудочной болезни?

— Как же не страдал! Язва у него была, уж лет пять как.

Так-так-так. Это уже интересно. Чутье оживилось, и неожиданно для себя самой я поинтересовалась:

— А вы не могли бы хорошенько подумать и описать мне нож нападавшего?

— Нож? — недоуменно переспросила вдова.

— Да, нож. Какой он был?

— Да нож и нож, я его еще потом носочком подальше отпнула, чтобы под горячую руку кому не попался.

— Напрягите память, — настаивала я, подгоняемая неожиданным азартом. — Длинный, короткий, широкий, узкий? На какой был похож? На столовый, на охотничий? Из чего рукоять? Во взгляде дамы проступило легкое раздражение, она явно не понимала, зачем мне это.

— Узкий очень, рукоять длинная, тоже узкая. Кажется, я подобный видела у нашего... — Она замялась, но ответ я знала.

— Врача?

— Да... но что ж вы хотите сказать, это доктор моего супруга убил? Уж помилуйте, миледи, я нашего доктора Кларка за милю узнаю.

— Я пока ничего не хочу сказать, — задумчиво проговорила я, закрывая блокнот. — Могу только вас заверить, что департамент делает все возможное, чтобы убийца был найден.

Благодарю за беседу, вы мне очень помогли.

Путь от дома покойного держателя паба до вокзала прошел в молчании. Несколько пристыженном со стороны главного констебля. Я не стала спрашивать, почему в отчете в десять раз меньше деталей, чем в рассказе жены убитого — и так ясно. Кто будет слушать женщину, бормочущую про сумасшедшего, которого она даже и описать толком не может. Мало ли что там пришло в голову убитой горем вдове, женщины — они существа с нестабильной психикой, это всем известно.

Однако прежде, чем распрощаться, господин Пол все же решил задать вопрос.

— Миледи, позвольте... я не мог не заметить — вы знали про скальпель, верно? Когда попросили описать оружие нападения.

— Подозревала. Желудок, как и прочие органы других жертв, почти наверняка вырезан хирургическим инструментом. И я подумала, что если убийца и тот сумасшедший — одно и то же лицо, то нож должен был быть соответствующим.

— А почему вы спрашивали про язвенную болезнь?

— Одна из следственных версий, — туманно отозвалась я. В голове роились невнятные обрывки фраз из отчетов, разговоров, собственные соображения. Очень хотелось остаться одной в тишине, чтобы все разложить по полочкам. — Я крайне признательна вам за содействие, господин Пол, и надеюсь, вы поможете нам и в дальнейшем.

— Почту за честь, миледи, почту за честь, — отрапортовал главный констебль, с чем и откланялся, предварительно предложив помочь с багажом и получив отказ.

Я подхватила с земли позаимствованный в Тренвисте саквояж со своими обновками, пересекла крохотное здание тарнхилского вокзала, с рядом почти пустых деревянных скамей для ожидающих и сонным кассиром в угловой будке, и снова оказалась под открытым небом. Ждать пришлось недолго. Не прошло и десяти минут, как темная гусеница поезда, громко и возмущенно пышущая паром, величественно подползла к перрону. В белых клубках мимо проплыли золотые, местами чуть покосившиеся буквы — «Гордость Лестренжа». Меня передернуло. Страх, пусть не панический, все же затаился где-то в глубине души, особенно когда мимо еще проползли вагоны — разноцветные, а не темно-зеленые, какими когда-то щеголял этот поезд.

Брат-близнец утерянного в водах Оливии вагона-салона был горчично-желтым. Кондуктор при виде меня вежливо поднял фуражку.

— Леди Рейвен, — представилась я. — Мой билет был утерян во время крушения в пятницу, но в телеграмме представителя Лестренжской железнодорожной компании было сказано, что мне достаточно будет при посадке назвать свое имя.

— Так и есть, миледи, — чинно кивнул мужчина, принимая у меня багаж. — От лица компании я еще раз приношу глубочайшие извинения за случившееся несчастье и спешу заверить, что все виновные понесут заслуженное наказание. Кроме того, если миледи желает, то компания готова предложить ей купе первого класса с полным сервисом в качестве крохотной компенсации за причиненные неудобства.

— Леди желает, — не стала скромничать и отнекиваться я, с усмешкой подумав, что обозвать «неудобством» крушение поезда и угрозу жизни могут только юристы, которые, несомненно, составляли все речи в адрес потерпевших.

— В таком случае прошу. — Кондуктор указал мне на соседний вагон темно-бордового цвета. — В вашем полном распоряжении ресторан поезда, меню вы найдете на столике. Также...

Я не вслушивалась, только когда мужчина замолк и устремил на меня услужливый взгляд, распорядилась:

— Пусть подадут чай, что-нибудь сладкое к нему и больше меня не беспокоят до ужина.

— Будет исполнено, миледи...

Путь до Карванона прошел, к счастью, без приключений. А в столице меня поджидало целых два сюрприза. Первым стало семейство в полном сборе, словившее меня еще на ступеньках вагона. Матушка рыдала, вцепившись в мою руку, и говорила, что никуда меня больше не отпустит. Взволнованный отец, увидев меня живую и невредимую, словно бы только в этот момент окончательно и уверился, что со мной все в порядке, — плечи распрямились, глубокие морщины на лбу разгладились. А Грей... Грей просто сиял, как начищенный солит. Второй сюрприз оказался письмом от Лестренжской железнодорожной компании, которая в качестве глубочайших извинений за содеянное просила меня принять скромную компенсацию. И все бы ничего, но почерк писавшего мне был до боли знаком. А сумма банкнот, прилагавшихся к письму, — равна той, которую леди Рейвен, будучи в Тренвисте, потратила на услуги модистки.

Роль 5

ДЕВОЧКА НА ПОБЕГУШКАХ

— Леди Эрилин! Слава тебе, Господи, с вами все в порядке!

Мое появление в департаменте в понедельник сопровождалось куда большим ажиотажем, чем обычно. Что в общем-то неудивительно — по словам отца, о крушении «Гордости Лестренжа» мальчишки-газетчики орали на каждом углу все выходные, только содержание заголовков чуть менялось от «что случилось» до «кто виноват».

— Увы, вам не удалось избавиться от моего общества раз и навсегда, — отшутилась я, слегка смущенная вниманием обступивших меня коллег, и бросила взгляд на начальственную спину, которая на мое появление даже не дернулась.

Спина, наверное, обладала парой глаз, потому что в ответ на этот взгляд она недовольно отозвалась голосом господина Трейта:

— Если вы считаете, что я желаю вам гибели, леди Рейвен, то вы глубоко заблуждаетесь. Я просто предпочел бы, чтобы вы освещали мир своим присутствием в каком-нибудь другом месте. И, раз уж вы целы и невредимы, то приступайте к работе, а не отвлекайте от оной коллег. Мужчины, ощутив, что часть начальственного гнева направлена и на их головы, стремительно отхлынули от меня, как волна прибой. Только Ричи чуть помедлил, а потому заметил, как я закатила глаза и покачала головой, ностальгически помянув главного констебля славного города Тарнхила.

— Господин Трейт, я бы хотела...

— Ваши желания, леди, меня совершенно не интересуют.

— ...отчитаться о поездке, — закончила я, привычно не обращая на укол внимания. — У меня есть все основания полагать, что убийство в Тарнхиле так или иначе связано с Живодером, более того, есть дополнительные...

— Оставьте отчеты господину Гейлу, он разберется. А сами отправляйтесь в королевский архив. В пятницу вечером оттуда пришло сообщение, что дела, которые мы затребовали, подготовлены и мы можем их получить.

— Я не курьер! — не выдержав, все же возмутилась я. Беспокойство коллег согрело душу и наделило незримым ощущением поддержки. Да и герцог с главным констеблем за эти выходные на меня определенно дурно повлияли.

— Конечно же, нет. — Трейт все же сообразовался и смерил меня брезгливым взглядом с головы до ног. — Вы криминалист, а значит, мой подчиненный. Отправляйтесь в архив.

Я проглотила очередное возмущение, с вымученной улыбкой положила документы на стол Тарна Гейла и вышла из отдела, уныло радуясь, что не успела снять пальто и шляпку.

Королевский архив не бог весть в каких даях находился — пять кварталов, мимо дворца и зданий министерств, но все равно было обидно. В особенности даже не столько из-за того, что выставлял, а сколько что не выслушал. Я ведь действительно хорошо поработала в Тарнхиле... На мое счастье хоть сентябрь сегодня радовал пусть не солнцем, но отсутствием дождя, и не пришлось тратить кровные минки на пролетку. Конечно, можно было бы таким образом отомстить Трейту — слетать туда-обратно как можно быстрее, — но мне захотелось пройтись. После выходных вернуться к, казалось бы, привычному сражению с окружающими в попытках что-либо им доказать оказалось неожиданно тяжело.

И дело было даже не в главном констебле, принявшем меня со всем почтением, нет. Дело было в герцоге. Я только сейчас поняла, что расслабилась с ним, позволила себе быть собой — настаивать, отказывать, командовать, подчиняться там, где мне этого хотелось. Быть Эрилин Рейвен, а не леди, не криминалистом, не женщиной, таранящей лбом чугунные ворота предрассудков. И ему это, кажется, нравилось...

Нравилось то, за что все вокруг, включая мое собственное семейство, меня осуждали.

Кьер ведь не обязан со мной возиться. Заботиться о репутации, ломать голову, как встретиться. Человек его уровня может шелкнуть пальцами, и девиц, жаждущих согреть его постель, слетится видимо-невидимо. В любое время дня и ночи. А он высчитывает мои дежурства, возится с поездкой в поместье и спрашивает, когда я приеду, вместо того чтобы просто назначить дату и время.

Это льстило.

Это заставляло чувствовать себя...

Мысль была прервана и потеряна, когда меня чуть не сбил с ног пробежавший мимо мальчишка. Я машинально проверила кошелек, возвращаясь из фантазий в мир реальный, и

только тогда заметила, что обычный шум улицы разбавлен непривычным диссонансом — отсюда еще невинными, но отчетливо демонстрационными выкриками. Более того, кричащие голоса принадлежали женщинам.

Поддавшись любопытству, я ускорила шаг.

Шум доносился с площади Трех Министерств, что в общем-то неудивительно. И еще до того, как она открылась из-за угла, я знала наверняка, какое из трех зданий сегодня подверглось «атаке» и кто именно наступал, потому что с каждым шагом выкрики становились все отчетливее и в них уже можно было уверенно различить даже сквозь презрительное освистывание: «Право голоса женщинам! Магию женщинам! Свободу от домашнего рабства!»

Пулетки.

Вернее, сами они называли себя пулистками, то бишь преданными последовательницами госпожи Пул, которая девять лет назад основала Общество защиты прав женщин. Обороты оно набрало достаточно быстро, что меня совершенно не удивляло, но никак на существующее положение дел не повлияло. Что меня не удивляло тоже. Особенно после того, как дамы, отмаявшись быть услышанными в мирном ключе, принялись дебоширить — устраивать шумные демонстрации, клеить плакаты в провокационных местах, бить окна магазинов и государственных учреждений.

Мужчины над их усилиями только посмеивались. И очень быстро в газетах вместо пулисток стали мелькать пулетки. Даром что «пулетт» с форсийского переводилось как «курочка». Не смешно было разве что тем, кто пострадал от кирпичей и молотков отчаянного «курятника». Эти при упоминании деятельных представительниц прекрасного пола раздувались, краснели и брызгали слюной, проклиная весь женский род.

Надеясь, что дамы угмонятся, король бросил им подачку в виде права получения высшего образования в Ланландском всенаучном университете, но, к его величайшему разочарованию, этого ненасытным женщинам оказалось мало.

У меня активистки пулистского движения вызывали смешанные чувства. С одной стороны, их цели и мотивы вызывали живой сочувственный отклик, а с другой... я просто знала, что сама никогда не окажусь там, в толпе, опьяненной азартом, адреналином и гневом. Что не буду кричать, срывая голос, и не буду биться, как пойманная птица, в руках констеблей. Мы с ними в общем-то стремились к одному и тому же, но — разными путями.

Например, я знала наверняка, что при текущем положении дел ни о какой криминалистической карьере я не могу и мечтать. Вся моя «карьера» ограничится тем постом, который я занимаю сейчас, и, если меня не уволят, подобрав более подходящую мужскую кандидатуру, я уже смогу гордиться этим как главным жизненным достижением.

Но я искренне полагала, что самое сложное — это начать. У меня получилось, я леди-криминалист, первая в истории Ланланда. Однажды появится и вторая. Я видела одинокую женскую фигуру на медицинском факультете, а значит, появится и первая женщина-врач. Будет когда-нибудь и женщина-юрист. Одна, вторая, третья... это — достойный путь для того, чтобы что-либо кому-либо доказать. А не битье окон и взрыв водопровода.

Впрочем, вероятно, куда менее эффективный.

Мне было не совсем по пути, площадь Министерств лежала чуть в стороне от моего маршрута, но я все равно не удержалась.

Дамы скучковались на ступеньках четырехэтажного желтого здания Министерства внутренних дел. Они выкрикивали свои лозунги, размахивали плакатами, но в общем и целом вели себя совершенно пристойно, несмотря на то что протестантки в массе своей, если судить по одежде, относились к рабочему классу.

А вот толпа зевак состояла исключительно из мужчин. Проходящие мимо женщины опускали головы и ускоряли шаг, чтобы, не дай бог, кто-нибудь не подумал, что они имеют отношение к подобному вызывающему непотребству. Я тоже сделала вид, что мне нужно просто пересечь площадь, хотя сутулиться и прикидываться невидимкой не стала, и двинулась за спинами любопытствующих, краем глаза наблюдая за происходящим. Кажется, дамы шумят тут уже давненько, кто-то непременно должен будет выйти им навстречу.

Предчувствие не обмануло. Очередная фигура, показавшаяся в дверях министерства, вместо того чтобы с опаской двинуться в обход демонстрации, направилась прямоком к ней.

Внушительных размеров мужчина в бордовом сюртуке, который едва сходил на животе, и с пышными седыми бакенбардами поднял руку, призывая собрание к тишине. Он даже что-то

говорил, но был не способен перекричать гомон разошедшейся толпы, пока своих подопечных не призвали к порядку организаторы. И тогда зычный, хорошо поставленный голос зазвучал над площадью, разом сделав выкрики пулисток какими-то мелкими, суматошными и незначительными.

— Дамы, я прошу вас разойтись. Вы мешаете людям работать и создаете беспорядки. Министр все равно не...

На этом зычный голос благополучно растворился, поглощенный волной женского негодования. Крики и свист зазвучали с новой силой, а в покрасневшую от натуги физиономию представителя министерства, еще пытающегося перекричать женщин, врезался не менее красный помидор.

Причем мне показалось, что вылетел он даже не из рядов пулисток, а из развлекающейся толпы. Но помидор этот оказался спусковым крючком. Плакаты взвились, как полковые знамена, одна из дам в первых рядах подскочила к бордовому сюртуку и надела ему на шею кусок бумаги с надписью «Магию женщинам!» как доисторический воротник. Следом в несчастного прилетел ботинок, чудом не попавший каблуком в глаз.

Раздался пронзительный визг полицейских свистков. Толпа колыхнулась и кинулась врассыпную. Бежали все, прекрасно осознавая, что прямо сейчас стражи порядка не будут смотреть ни на пол, ни на одежду, ни на прочие отличия и регалии, а хватать всех подряд по принципу «лучше позже отпустить, чем недосчитаться». Я вжалась в кованую решетку палисадника, опасаясь, что меня просто соьют с ног и растопчут, но, когда очередной свисток прозвучал совсем близко, собралась с духом и бегом кинулась к ближайшему выходу с площади. Только еще звания пулетки мне для полного счастья не хватало!

Кто-то додумался выстрелить — дай бог, чтобы в воздух! — и поднялась самая настоящая паника. Люди заметались в разные стороны, в то же время топчась на месте, как стадо овец, согнанное глупой пастушьей собакой к обрыву. Я заработала тычок локтем в бок, и удар в плечо, отшвырнувший меня в сторону, прямо на другую женщину, и та рухнула на землю, когда я чудом удержала равновесие.

Не теряя ни мгновения, я дернула ее за руку вверх, заставляя подняться прежде, чем затопчут. Перед глазами мелькнула шляпка с фиалками, бледное, совсем юное личико, перепуганные голубые глаза. В ее рукав тут же вцепилась другая, уже зареванная, которой тоже и восемнадцать дашь с натяжкой. Недолго думая, я ухватила первую за локоть и уверенно потащила за собой.

Только спустя квартал, когда дикий гвалт уже наверняка остался позади и никакого шума преследования слышно не было, я выпустила свой «прицеп».

— Спасибо вам, спасибо, мэ, — пробормотала та, что с голубыми глазами. В них еще плескался страх, а потому я только вздохнула:

— Бери свою подружку и кыш отсюда. Живо!

Девочки не стали спорить и, прихватив подола юбок, бросились прочь, как улепетьвающие зайцы. Я только вздохнула — молодежь! — и, оправив наряд, чинно и неторопливо направилась вниз по улице, успокаивая неровное дыхание. Любопытство, конечно, не порок, леди Рейвен! Но источник неприятностей...

Оставшийся путь прошел без приключений. Архивист зашипел на меня как кобра, когда я сообщила, что пришла забрать запрос департамента магического контроля, вытащил из-под стола сверток, завернутый в коричневую вошеную бумагу, и, озираясь так, будто вручал мне опасную контрабанду, сунул его в руки и велел убираться поскорее от греха подальше. Дорога обратно тоже заняла гораздо меньше времени, но дойти до отдела криминалистики я не успела. Вахтер остановил меня на входе, вручив записку, пришедшую в мое отсутствие. Я пробежалась по ней глазами, поразмыслила несколько мгновений и, крутанувшись на каблуках, снова покинула департамент.

В записке отец Герберт сообщал, что нашел кое-что, что может иметь отношение к нашему делу, и предлагал зайти в любое время. Здравомысленно, что на рабочем месте меня никто особенно видеть не горит желанием, а отправляюсь я все же по работе, а не по личным делам, решила не откладывать визит в долгий ящик. Уже садясь в пролетку, я сообразила, что следовало занести сначала бумаги в отдел, но махнула на это рукой — ничего, зато не придется объясняться, куда я снова убегаю.

На этот раз в церкви было не совсем безлюдно. Хрупкую тишину разбивал громкий плач, эхом отдающийся под потолком, и ровный голос священника, что-то втолковывающего сотрясающейся от рыданий прихожанке. Мое появление, правда, не осталось незамеченным. Отец Герберт только кивнул в сторону служебной двери, ведущей в подсобные помещения и жилую комнатку, и вернулся к исполнению своего священного долга.

Здесь я уже бывала. Узкая кровать у стены, застеленная серым покрывалом, широкий книжный шкаф, набитый битком. Стол у маленького окна, тоже заваленный книгами. Книги стояли стопками на полу, громоздились на шатком столике в углу, лежали на подоконнике. Казалось, именно они здесь главные обитатели, а не священник. Почти все они были посвящены всевозможным культам и религиям, зачастую запрещенным, многие поэтому являлись редчайшими изданиями. Отец Герберт своей библиотекой гордился и имел на то все основания. А вот мне при взгляде на некоторые тома становилось не по себе. Веяло от них чем-то... недобрым. И пусть времена Кровавых богов давно канули в воды реки забвения, до сих пор их адепты то и дело потрясали общественность очередным ритуалом, призванным, как правило, спасти человечество. А спасение, по их мнению, заключалось в смерти.

Отец Герберт появился через полчаса, когда мне уже порядком поднадоело изучать многочисленные корешки. Брать книги в руки я не решалась, несмотря на периодически терзающее любопытство.

— Леди Эрилин, вы быстро. — На этот раз священник был серьезен, и тон его к непринужденным шуткам не располагал.

— Дело важное.

— У меня не так много времени прямо сейчас, поэтому буду краток. Почти сразу же после вашего визита мне в голову пришла мысль о том, что в каждом правиле есть исключения. Да, везде и всегда для ритуальных жертвоприношений необходимы здоровые сильные люди. Это правило, а значит... в то же время, я уверен, что мне ни разу не попадалось описание ритуала, ставящего абсолютным требованием здоровье или нездоровье человека. И тогда я написал одному своему знакомому, редких знаний человек, профессор медицинской кафедры, специализируется на истории этой науки, а вы же в курсе, что ритуальные жертвоприношения были толчком и к медицинскому развитию. Так вот он сообщил, что около двух тысяч лет назад эпидемии чумы и проказы несколько раз вызывались именно ритуалом, жертвы которого в обязательном порядке должны были страдать от этой болезни. Он также указал, в какой книге видел упоминание об этом. К счастью, она нашлась в Главной церковной библиотеке, благо у меня имеется доступ в закрытую секцию... Вынести книгу нельзя, но я переписал все, что могло иметь значение.

Отец Герберт подошел к столу и, взяв с него несколько мелко исписанных листов, протянул их мне.

— Я, конечно, понимаю, что речь идет сейчас не о чуме и проказе, но ритуалы — материи одновременно строгие и гибкие. В книге нет деталей того, как подобное жертвоприношение проводилось, а если верить словам хранителя знаний, то нет их и ни в одной из книг библиотеки. Но это вовсе не значит, что описания нет нигде или что его нельзя воспроизвести. А также не значит, что ритуал нельзя несколько видоизменить. У нашего века иные болезни, чем две тысячи лет назад, и пьянство, полагаю, вполне можно считать одной из них. Если и у остальных жертв вырезанные органы были поражены болезнями, то, возможно, убийца готовит нечто подобное.

— У язвенника был вырезан желудок... — задумчиво произнесла я, машинально пробегая глазами по строчкам копии. Нет, беглым взглядом тут не отделаешься, надо изучать. — Вы полагаете, что действительно возможно — массово наслать сразу букет различных заболеваний, даже таких, появление которых зависит не от внешних факторов? Чума и проказа все-таки заразные, а язва и цирроз...

— Леди Эрилин, я не берусь ничего утверждать с гарантией, но если рассматривать мотив, связанный с ритуалом или культом, то это — единственный вариант. И то, как видите, он основан на предположении, что кто-то мог найти детальное описание старинного ритуала и видоизменить его, подогнать под собственную задумку. Теория не сказать, чтобы солидная, но имеющая право на существование за отсутствием других. Прецеденты бывали, и в немалом количестве. В основе очень многих современных ритуалов лежат те, что использовались еще многие тысячи лет назад.

— Я понимаю. Спасибо вам большое, отец Герберт. Вы мне очень помогли. — Я прижала листы к груди вместе с папкой архивных отчетов.

— Не стоит благодарности, леди Эрилин. Я ежедневно молюсь за упокой души несчастных и прошу Бога о справедливом возмездии для жестокого убийцы, кем бы он ни был. Кто знает, возможно, именно вам суждено стать орудием возмездия в Его руках...

Как и следовало ожидать, мое возвращение на рабочее место было встречено без восторга со стороны начальства. Наверное, Трейт не расстроился бы, даже прогуляй я целый день, наоборот, радостно потирая ладони, занес бы это как прогул. Еще большим огорчением для господина Трейта стало то, что направилась я напрямик к нему, а не к ожидающей меня «посуде». И все же, несмотря на колючий взгляд, я лелеяла слабую надежду увидеть в нем толику одобрения, хоть крошечку, когда я преподнесу информацию, добытую отцом Гербертом.

— Господин Трейт, мне нужно с вами поговорить.

— Бумаги из архива можете оставить на столе в секретариате, я займусь ими позже, — холодно бросил он и повернулся в сторону своего кабинета.

— Это касается Живодера, я...

— Вам было сказано, что убийством в Тарнхиле займется господин Гейл.

— Да выслушайте же вы меня! — вспыхнула я, испепеляя взглядом его спину и с большим трудом проглотив слова «тупоголовый баран». — Я нашла ритуал, который может лежать в основе убийств.

Первый криминалист замер, остальные дружно вскинули головы, отрываясь от своих занятий.

— Я вас слушаю, — медленно и с явной неохотой произнес Трейт, повернувшись ко мне вполоборота.

Стараясь не сбиваться на торопливую скороговорку, я пересказала начальнику разговор с отцом Гербертом, перечислила источники сведений и описала то, что мне удалось почерпнуть из записей священника по дороге до департамента.

Но нет, одобрения в серых глазах Найджела Трейта я не дождалась. Только досада мелькнула, очевидно, на то, что это все удалось выяснить именно мне, а не одному из мужчин. Тишина, повисшая в отделе после моего доклада, становилась все напряженнее, первый криминалист медлил, коллеги затаились в ожидании, а у меня от волнения вспотели ладони.

— Передайте всю информацию Оррису. И займитесь уже тем, чем вам поручено заниматься, — наконец бросил он и, сделав последний шаг, скрылся за дверью своего кабинета.

На какое-то мгновение мне показалось, что я сейчас задохнусь. Корсет сдавил ребра, в глазах потемнело, и я впервые была на грани того, чтобы и в самом деле упасть в обморок от нехватки воздуха. Я с трудом протолкнула его в легкие, деревянной походкой подошла к столу Орриса и шлепнула на него рукопись отца Герберта, не глядя ни на одного из присутствующих. После чего развернулась и вышла в пустующий секретариат, громко хлопнув дверью.

Меня распирало бешенство.

Швырнув папку с отчетами тридцатилетней давности на стол, заваленный кипой так и не разобранных бумаг, я принялась яростно мерить шагами кабинет, сжимая кулаки, впиваясь ногтями в ладони и отчаянно пытаюсь успокоиться.

Поступая в университет, я была готова к тому, что меня ждет. К тому, что добиваться признания моих способностей придется тяжелым трудом, упорством и недюжинной силой воли. Иногда было так тяжело, что я плакала в своей комнатке на чердаке в доме почтенной вдовы, плакала беззвучно, в подушку, а потом, утерев слезы, отправлялась снова терзать конспекты и книги.

Но еще ни разу все мои усилия не оказывались настолько бесполезными. Трейт явно дал понять сейчас, что не уступит. Даже приведи я ему Живодера под ручку со всеми доказательствами — все равно не уступит. Сделает вид, что это совершил Свен, или Тарн, или Оррис.

Мне хотелось зарычать от бессилия, сломать что-нибудь, порвать на мелкие клочки...

Взгляд упал на стопку бумаги. Я схватила чистый лист, скомкала его и швырнула в урну.

Поразмыслив, взяла еще один и принялась рвать на полосы, от всей души наслаждаясь звуком раздираемой бумаги.

Я успела порвать, наверное, не меньше пяти листов, прежде чем ощутила за спиной чужое присутствие и, обернувшись, увидела стоящего в дверях Ричи. Во взгляде его явно читалось изумление.

Коротко выдохнув, я стряхнула с рук и юбки белые клочки, не особенно заботясь, чтобы они угодили в урну, и с невозмутимым и крайне любезным видом поинтересовалась:

— Я могу вам чем-либо помочь?

— Вообще-то я думал, что это я могу. Но теперь уже сомневаюсь... — Мужчина озадаченно поскреб затылок.

Я озадаченно заломила бровь. Ричи притворил за собой дверь в отдел и пояснил:

— Мы с некоторыми коллегами, признаться, решили, что вы печали горькой предаваться изволите, и меня делегировали, вот...

— Вот?

— Утешать!

— Утешайте, — великодушно позволила я и, поразмыслив, села на скамью, стоящую вдоль стены.

Утешения в мужском исполнении по моему опыту лучше слушать сидя, а то они могут стать большим потрясением. Как однажды заявил мне Грей: «Ну чего ты ревешь? Подумаешь, котенка утопили! Их там пять было в мешке!»

— Вы позволите? — Получив мой согласный кивок, Ричи сел рядом и повернулся ко мне полубоком. — Леди Эрилин, я вами восхищаюсь!

— Не надо. — Я дернула плечами.

— Чего не надо?

— Восхищаться мной не надо! Это, знаете ли, крайне утомительно.

Я уже успокоилась, взяла себя в руки, а господин Адгер, будучи сам человеком крайне ироничным, настраивал на такой же лад и собеседника, поэтому удержаться от легких шпилек было просто невозможно.

— А силой духа можно?

— Так и быть. — Моя доброта сегодня не знала границ.

— Леди Эрилин, я восхищаюсь вашей силой духа!

— Благодарю. — Я скромно опустила ресницы, а потом все же не выдержала и улыбнулась. —

В самом деле, Ричард, не берите в голову. Я вовсе не жду, что господин Трейт так скоро снизойдет до признания моих заслуг, просто последние несколько дней были особенно непростыми. Но я благодарна вам и тем, кто вас поддерживает, за заботу.

Ричи тоже посерьезнел и смотрел на меня теперь куда пристальнее. Под этим взглядом даже становилось неловко.

— Леди Эрилин, позвольте нам пойти к главе департамента. Насколько мне известно, он человек справедливый и сможет понять, что поведение господина Трейта выглядит отвратительно и непрофессионально. Оррис только мельком глянул ваши бумаги и уже мог сказать, что вы раскопали информацию, которую не смог найти ни один из тех, кто работает в отделе уже не первый год. И, опять же, конкурс... признаюсь, я сам сначала относился к вашему назначению с большим скепсисом, но теперь могу только восхищаться вашим умом, вашей выдержкой и...

— Уговор был только на силу духа, — попыталась отшутиться я.

Разговор приобрел внезапный и довольно-таки стеснительный поворот, а как только я попыталась представить, что будет, если он и впрямь пойдет к Кьеру заливаясь соловьем про восхищение моими многочисленными талантами... Я еще не до конца поняла, насколько ревнив герцог, и испытывать границы его терпения на человеке, столь тепло ко мне отнесшемся, точно не желала.

— Я серьезен, миледи.

— В этом нет необходимости, Ричард. Со своими проблемами я привыкла разбираться сама и, если сочту нужным, сама поставлю герцога в известность.

— Насчет чего?

Раздавшийся в дверях голос главы департамента заставил нас обоих подскочить со скамьи, как школяров при входе учителя.

— Ваша светлость. — Мы синхронно поклонились-присели и оба застыли с почтительными и несколько дурацкими выражениями, которые подобает иметь на лицах подчиненным перед высочайшим начальством.

Кьер недовольно дернул уголком губ.

— Так насчет чего вы должны поставить меня в известность, леди Рейвен? — сухо повторил он, и мне захотелось нервно стиснуть юбку пальцами.

Мысли скакали в голове, как зайцы, путающие след, но ни одной разумной среди них не было. Жаловаться на Трейта я не собиралась. Да, его поведение переходило все границы, и я в общем-то имела полное право это сделать, но нет. Один раз мы уже затрагивали эту тему, и больше я к ней возвращаться не хотела. Сама разберусь. Без высокопоставленных любовников.

Ричи, видя мое замешательство, открыл было рот, и я поторопилась его опередить:

— Мне, право, неловко, ваша светлость, такие пустяки. Дело в том, что мне удалось найти возможный мотив убийств, и у нас теперь имеется солидная версия для расследования. И мои многоуважаемые коллеги жаждали выделить перед вами тот факт, что именно мне удалось это сделать, чтобы упрочить мое, как вы понимаете, несколько шаткое положение в отделе. А я уверяла господина Адгера, что в этом нет совершенно никакой необходимости.

Кьер перевел взгляд с меня на Ричи, сообразительно принявшего вид согласный и утвердительный, и обратно. Кажется, интуиция опытного начальника подсказывала ему, что его в чем-то дурят, но в чем именно, понять не получилось.

— Прекрасно, — без особого выражения произнес он. — Через час подниметесь ко мне и доложите о вашей версии.

Выдав это распоряжение, он прошел в отдел, наверное, чтобы встретиться с Трейтом. Я с трудом подавила желание вытереть вспотевшие ладони о юбку.

Спустя час я, как прилежный работник, стояла в приемной герцога. То ли Кьер был и впрямь занят, то ли блюл конспирацию, но мне пришлось прождать еще добрую четверть часа, прежде чем секретарь пригласил меня в святая святых.

— Присаживайтесь, леди Рейвен. — Стоило двери закрыться за моей спиной, вежливая улыбка герцога приняла явный искуcительный оттенок.

Я послушно сделала несколько шагов, обошла стол и присела — к нему на колени. Сильные руки тут же с готовностью обвили мою талию, а губы поймали поцелуй.

— Опять злоупотребляешь? — поддразнила я, зарываясь пальцами в густую шевелюру.

— Пользуюсь случаем. — Кьер жарко фыркнул мне в шею, поцеловал тонкую кожу возле уха, и я невольно склонила голову к плечу, ежась от щекотки. — А то стоило оставить тебя на сутки, и вокруг уже всюду увиваются всякие вьюноши с горящими взорами.

— Он не увивался! Он предлагал помощь.

— В чем?

— Я же сказала, в представлении моих заслуг перед высоким начальством.

Кьер как-то подозрительно молчал, глядя на меня с легким прищуром, и я невольно снова испытала томящее чувство гипнотизируемой жертвы.

— Эри, я знаю, что Найджел решил приписать твою версию другому криминалисту, — наконец озвучил он, и я невольно скривилась. Да, о таком исходе событий я не подумала.

Как-либо комментировать это утверждение мне не хотелось. Хоть так, хоть сяк вышло бы, что я либо вру, либо жалуясь. Не дождавшись от меня какого-либо ответа, герцог сам задал наводящий вопрос:

— Ты уверена, что не хочешь, чтобы я предпринял что-то в этой ситуации?

— Уверена.

— Упрямая. — Очередной поцелуй коснулся виска. И я, припомнив кое-что, торопливо добавила:

— И не вздумай меня дурить, как с платьями!

— С какими платьями?

Я с укором посмотрела в смеющиеся глаза и попыталась подняться. Попытка успехом не увенчалась, руки прижали меня теснее. Правая ладонь скользнула вверх, по пути слегка сжала грудь и, погладив шею, обхватила затылок, заставляя открыться навстречу новому поцелую, на этот раз не игривому, не ласковому, а жадному и жаждущему.

Пальцы сноровисто расстегнули пуговицы блузки, обнажили приподнятую корсетом грудь, огладили нежную кожу.

— Кьер... — прошептала я, сглотнув пересохшим горлом. — Подожди, не сейчас же...

Герцог что-то неразборчиво буркнул мне в шею, поцеловал ложбинку между двумя часто вздымающимися полушариями, и отстранился. Застегнул пуговицы, пригладил ткань, возвращая все, как было. И я не могла определенно сказать, что испытала в тот момент — облегчение или разочарование.

— Я приеду завтра. — Я коснулась кончиками пальцев гладко выбритой щеки, губ. — Сегодня совсем никак, мне нужно побыть дома, иначе родители что-то заподозрят. Завтра. Они уходят на ужин.

— Хорошо, я буду ждать.

Кьер разжал руки, позволяя мне подняться. Уже взявшись за ручку двери, я обернулась, поймала провожающий меня взгляд, улыбнулась и только тогда вышла.

А спускаясь по лестнице, я вдруг поняла, что обещания не дурить мне голову я так и не услышала. Кое-кто мастерски умел увести в сторону от неприятного ему разговора...

Вернувшись в отдел, я не торопилась приступить к своим «непосредственным обязанностям» в виде мытья пробирок, а снова села в секретариате. Мне нужно было собраться с мыслями и подумать, как себя вести дальше, да и просто не хотелось сейчас показываться на глаза ни коллегам, ни, упаси боже Трейту. Я не железная, в конце концов имею право на маленькую слабость и передышку.

Мне на глаза попала папка с отчетами из архива. Дела тридцатилетней давности. Вряд ли они теперь уже понадобятся господину Трейту. Все силы сейчас будут брошены на проверку теории с ритуалом, она однозначно выглядит наиболее солидной. Моей теории.

Я недовольно фыркнула и потянулась к папке. Что хоть там за схожий характер преступлений, интересно?

Четыре дела на пожелтевшей от времени бумаге. Чернила не выцвели, наверное, только благодаря сохраняющим заклинаниям, которые ощущались под пальцами шершавым песком. Я вдумчиво вчиталась в размашистый кривой почерк — все четыре дела вел один и тот же человек — и призадумалась. Нет, людей тогда никто не резал — их сжигали. Картина маслом та же — труп, слабо завышенные показатели на амулетах, но при этом никаких определенных магических следов. Вот только в отличие от нашего скромняги Живодера, прячущегося по темным закоулкам, тот убийца людей не стеснялся. Были и свидетели, только, ясное дело, к магу, испепеляющему людей на месте, подходить никто не рисковал. Зато благодаря свидетелям работники департамента установили личность подозреваемого — некто по имени Майк Коннер. Но взять его живым не удалось. Когда полиция и работники департамента приехали за ним, то обнаружили только обугленный труп. Самопроизвольная гибель. С раскрывшимися, но не запечатанными и не прошедшими обучение магами такое бывает. После смерти Майка убийств больше не было, поэтому следствие пришло к выводу, что именно он их и совершал, а уж как маг не оставил следов, особенно необученный, — не имело теперь значения.

Никаких записей бесед с родственниками-знакомыми погибшего не было. Это странно. Не было и определенного мотива убийств. Сошел с ума? Доказательства? Не было списка улик, не было пояснений, как именно следствие пришло к выводу, что убийца — Майк. Словом, много чего не было. Можно, конечно, предположить, что документы просто утеряны со временем, не бог весть какие важные бумаги, чтобы столько их беречь. Больше традиция, чем необходимость, в архивах давно поговаривают о сокращении сроков хранения. Но...

Когда мы ехали к архивариусу, Кьер сказал, что, по словам Трейта, убийцу тогда не нашли. Либо Трейта подводит память, в чем, несмотря на всю мою неприязнь, я глубоко сомневаюсь. Либо...

Что-то тут нечисто.

Если бы — ах, если бы! — у меня были спокойные деловые отношения с начальством, я бы просто поднялась сейчас, прошла бы в кабинет и задала элементарный вопрос. Но увы, увы. Остается терзаться неудовлетворенным любопытством.

Я вздохнула, сложила отчеты в папку и отодвинула ее от себя.

Или...

Пальцы побарабанили по столешнице, а потом взяли папку и придвинули обратно.

Или я могу попробовать утолить свое любопытство самостоятельно.

Я еще раз пролиставала все дела и, поразмыслив, выписала себе адрес этого самого Майка Коннера. Загляну, может, на выходных интереса ради. Хотя... чего это на выходных? Трейту, кажется, понравилось, когда меня нет на рабочем месте, ну и пусть наслаждается. В конце концов, я отправлюсь по делу. Пусть и не рабочему. А что? Вот я покажу всем, на что способна, раскрыв преступление тридцатилетней давности.

Невесело улыбнувшись сама себе — мечтать не вредно, леди Рейвен, — я сложила лист с адресом, вздохнула и отправилась покорять трудовые вершины. Угораздило же многоуважаемого мастера-алхимика проводить какой-то масштабный опыт именно здесь и сейчас. Впрочем, для меня его опыты всегда некстати — работы после них...

Остаток дня прошел весьма уныло, да и вечер дома выдался безрадостным. Грей не явился на ужин, чем расстроил маменьку до глубины души. А расстроенная маменька — это головная боль всех членов семьи. Отец, как всегда, сбежал в кабинет, вернувшаяся Марианна как никогда успешно прикидывалась предметом интерьера, а я, делая вид, что внимаю наставлениям, причитаниям и укорам, читала историю магии — тот еще сборник страшилок и ужасов. Новое издание, дополненное и переписанное, его отец купил на днях специально для меня.

В конечном итоге виконтесса заявила, что в этом доме ее никто не уважает, но она отправляется спать с гордо поднятой головой и несломленным духом. Я решила дочитать страницу и, как водится, опомнилась, только когда часы салона пробили одиннадцать. Со вздохом сожаления я отложила книгу и поднялась, зябко кутая плечи в шаль. В праздной жизни старой девы благородного сословия все же иногда видятся плюсы — на работу вставать не надо, лежи себе, читай...

Я уже ступила на лестницу, как щелкнул замок входной двери — Грей вернулся. Я обернулась, чтобы поприветствовать блудного братца, и недоуменно сморгнула. Пока я не поднялась, Марианна не гасила свет внизу, так что Грей предстал во всей красе засохших на щеке слабо подтертых кровоподтеков и распухшей, разбитой губы.

— Что случилось? — поинтересовалась я практически шепотом. Еще не хватало, чтобы маменька услышала, вою будет на всю ночь, а мне спать хочется.

— Подрался, — лаконично отозвался братишка, уходя в глухую оборону. Врать он толком так и не научился, поэтому предпочитал отмалчиваться.

Зря он так. Нежелание объясняться только подстегивает интерес. Учишь его, учишь...

— С кем?!

Грей надулся, как мышь на крупу, и попытался с независимым видом пройти мимо меня на второй этаж. Хрупкая женская ручка, перегородившая ему дорогу, сработала не хуже военного шлагбаума.

— Эрилин.

Выразительный взгляд серьезных карих — папиных! — глаз не возымел должного эффекта.

Взгляды — это дело такое, непрактичное. Я премило улыбнулась в ответ и, подхватив драгоценного родственника под локоток, потащила вверх по лестнице в свою комнату.

— Идем, я тебя умою и обработаю. Заодно ты мне все расскажешь...

Спустя пять минут Грей нахохлившимся воробьем сидел у меня на кровати и мужественно играл роль офицера, угодившего во вражеский плен. Умру, но не сдамся! Особенно вот этой, вооруженной водой, полотенцем и перекистью даме!

При ближайшем рассмотрении стало ясно, что удар был один, но славный, губа с внешней стороны лопнула от него, а с внутренней ее ссадили зубы. Хоро-ош...

Придерживая кончиками пальцев подбородок юного упряма, я принялась осторожно смывать запекшуюся кровь. Времени было мало, спать уже хотелось нестерпимо, поэтому я сразу же пустила в ход свой самый главный аргумент, хотя в другое время попробовала бы подобрать иной ключик к этому ларчику.

— Если ты мне все расскажешь, то я совру маменьке за тебя. И в красках распишу, какой ты при этом был мужественный и героический.

— Не-е, — Грей помотал головой, я сердито на него цыкнула, и, вновь застыв, он пояснил: — В красках не надо.

Я пожала плечами, черно-белые этюды мне тоже неплохо удаются!

Трехсекундного размышления хватило братишке, чтобы представить себе масштаб катастрофы, которая может разразиться в этом доме, если врать или отмалчиваться перед почтенной родительницей решит он сам. Плечи поникли, Грей зажмурился и признался:

— С герцогом Тайринским.

— Что? — на редкость глупо переспросила я, так и замерев с занесенной рукой, с которой по тряпице стекала вода.

— Я не хотел! — поспешил оправдаться братец. — Я пришел с ним поговорить, надеялся убедить его оставить тебя в покое. Я же не идиот, я понимаю, что он на тебе не женится, но Эри! Ты заслуживаешь больше, чем быть его... его...

— Кем? — холодно уточнила я. Родственник стыдливо, но многозначительно молчал. — Грей, ты в своем уме? Ты хоть понимаешь, на кого ты поднял руку? И во что ты лезешь?

— Я не поднимал на него руку, — буркнул юный энсин и почти шепотом добавил себе под нос:

— Я вызвал его на дуэль.

Я была на грани того, чтобы, как маменька, схватиться за сердце, упасть на подушки и нервно обмахивать себя другой ладонью. Господи, за что? За что ты послал по мою душу эту отважную, но не очень умную голову?

— Герцог надо мной посмеялся. И сказал, что если он примет вызов, то это будет значить, что я лично, собственными ногами растоптал честь сестры. Ведь, вне зависимости от исхода, о дуэли станет известно, а потом о ее причине...

Под моим взбешенным взглядом Грей торопливо рассказывал все подробнее, хотя наверняка с куда большим удовольствием вообще забыл бы об этом бесславном событии.

— Я был страшно зол на него. Сидит, усмехается. Как представил, что он с тобой...

— И ты его ударил? — обреченно вздохнула я.

— Нет! Он сам предложил! Говорит, мол, если тебе так нейдет, давай решим дело без огласки, в достойном джентльменов спарринге. Ну я и согласился. Два раза кулаками махнул — и вот.

Грей потерял челюсть, предаваясь незабываемым воспоминаниям.

— И все равно! Я считаю, что ты должна...

Я не выдержала, и драгоценный родственник схлопотал-таки полотенцем поперек хребта.

— Ай, больно!

— А стреляться не больно было бы?!

— Я хорошо стреляю! — Брат подбоченился. Я устало прикрыла лицо ладонью.

— Сгинь с глаз моих.

— Но, Эри...

Я замахнулась полотенцем еще раз, и отважный офицер торопливо отступил с поля боя на заранее подготовленные позиции. А спустя три секунды его голова вновь просунулась в дверную щель.

— Ты мне помазать забыла.

В очередной раз испросив Господа Бога, в чем же я так перед ним провинилась, я махнула рукой — заходи, бить не буду.

— Эри.

— Чего тебе?

Смазывание брат терпел стоически и даже не шипел.

— Зачем тебе это? Ведь ты его даже не любишь.

— Не люблю, — спокойно согласилась я. — Грей, как, по-твоему, люди влюбляются? Ты увидел Ее, вы посмотрели друг другу в глаза — и ах? Ты сразу понял, что это Та Самая и ты хочешь быть с ней всю оставшуюся жизнь?

— Я же не идиот. — Брат насутился.

— Нет, не идиот. Дурак просто. — Грей собирался что-то оскорбленно пискнуть, но под моим тяжелым взглядом захлопнул рот.

А я помолчала некоторое время, а потом тихонько проговорила вслух то, о чем даже про себя, наверное, не сильно задумывалась.

— Мне нравится Кьер. Мне с ним хорошо. Мне с ним спокойно. Мне с ним интересно. Он позволяет мне чувствовать себя красивой, желанной, особенной. Женщиной. Он заботится обо мне. Принимает такой, какая я есть. Восхищается мной. Ты понимаешь? Он меня не осуждает.

Много ты знаешь таких мужчин? И я могла бы его полюбить, Грей. Я просто постараюсь не позволить себе это сделать.

Братишка молчал. Как мне показалось, пристыженно.

— Иди уже, горе. — Я потрепала темные кудри. — Я спать хочу.

Грей поднялся, сделал несколько шагов, но потом повернулся и посмотрел мне в глаза.

— Извини.

Люблю я все-таки этого балбеса. Очень.

— А извиняться будешь перед герцогом, — из этой самой большой любви припечатала я.

— Еще чего!

— Завтра. В письменном виде. Если с утра не увижу письмо, то моя версия произошедших с тобой событий маменьке о-очень понравится.

Грей расфырчался, как молодой необъезженный конь, и вылетел из моей спальни.

Ничего, ему полезно. Чистописание, оно всем детям полезно. Дисциплинирует!

Роль 6

НЕВДАННЫЙ ВИЗИТЕР

Я тряслась в пролетке, смотрела на проплывающие мимо городские пейзажи и мимоходом размышляла о прошедшем дне.

Вываться сегодня по адресу Майка Коннера не удалось. Трейт, к которому я как ни в чем не бывало подошла с архивными документами, сказал пока отложить их в сторону и не трогать. Как я и предполагала, отдел вплотную занялся ритуалом, и на слабые версии не было времени. Ну и ладно, значит, я без помех могу в этом копаться в свое удовольствие. Задать вопрос насчет собственно содержания папки я не решилась, может, оно и к лучшему. Первый криминалист сегодня выглядел больше обычного раздраженным, внутренне кипел и, казалось, был готов срывать на всех подряд, леди то или не леди, но пока что в руках себя держал. Никто бы мне не сказал спасибо, стань я тем камушком, который спустил бы лавину начальственного недовольства. Все сидели тише воды, ниже травы, а я в итоге, быстро управившись со своими «криминалистическими» обязанностями, сама ушла в секретариат разбирать бумаги.

Зато утро прошло веселее. Грей, с которым мы по традиции столкнулись на лестничной площадке, сунул мне в руки наполовину исписанный лист бумаги — на, смотри. Читать я не стала, у меня не было сомнений, что там действительно извинения, а не завуалированные оскорбления. Во-первых, потому, что Грей — мальчик послушный, когда по шее получит, во-вторых, потому, что завуалированно оскорблять он еще не научился, а напрямую после вчерашней трепки ему смелости не хватит.

Благосклонно похлопав его по плечу, я сложила письмо и сказала, что сама отправлю.

Маменька за завтраком получила из моих уст душераздирающую историю о том, как отважный энсин по дороге домой вступился за честь девушки. Виконтесса пустила слезу гордости и умиления и велела Марианне подложить герою булочек, а сама незаметно пододвинула в его сторону варенье.

А после завтрака меня перехватил отец. Он придержал меня за локоть, спокойно и ласково посмотрел в глаза и негромко произнес:

— Эрилин, на минуточку.

Я послушно проследовала за ним в рабочий кабинет. Плотно прикрыв за собой дверь, отец повернулся ко мне и снова одарил чересчур внимательным взглядом.

— Да, папенька?

— Ты уверена, что мне не стоит знать, что в действительности произошло вчера вечером с твоим братом?

О... на этот вопрос я могла ответить очень твердо:

— Уверена.

— Точно?

— Точно.

— Хорошо, иди.

Вот и весь разговор, но вышла из кабинета я с ощущением благодарности. Все же приятно, когда хотя бы один родитель с уважением относится к твоим решениям, даже если не особенно их одобряет. Но надо взять на заметку, что папенька что-то подозревает...

После работы я забежала домой, переоделась и, со вздохом нацепив шляпку с плотной вуалью, снова выбежала из дома. И теперь пролетка везла меня в герцогский особняк.

— Леди Рейвен.

Дверь открылась чуть ли не раньше, чем я успела позвонить (караулили меня там, что ли?), и дворецкий с важной миной с поклоном впустил меня в дом.

— Я сейчас же сообщу герцогу, что вы прибыли.

— Не надо. — Я стянула шляпку, перчатки, вручила их лакею и с его же помощью избавилась от темной, «конспирационной» накидки. — Проводите меня к нему.

Дворецкий — надо хоть узнать у Кьера, как его зовут, раз уж я тут предполагаюсь частой гостьей — провел меня по длинным коридорам к одной из ряда дверей, уже взялся за ручку, но я его остановила.

— Благодарю, вы можете быть свободны.

Дождавшись, пока коридор опустеет, я бесшумно приоткрыла дверь, да так и замерла на пороге, сраженная неожиданным зрелищем.

... Кажется, теперь мне окончательно ясно, почему у Грея разбита губа. И пусть скажет спасибо, что ему нос не сломали!

Комнату наполняла неровная дробь глухих ударов о набитый песком кожаный мешок, лязг цепей, на которые он был подвешен, и шумное дыхание. Темные волосы слиплись от пота, стекающего каплями по позвоночнику. Смуглая кожа блестела, словно натертая маслом.

Мышцы рук от работы вздулись, на них ярче проступили вены, и мне до покалывания в кончиках пальцев захотелось провести по ним ладонью, впиться ногтями, поцеловать... В какой-то момент кулаки окутало пламя, на груше, хоть и защищенной заклинанием, стали появляться подпалины, мои ноздри сами собой раздулись, втягивая грозовой аромат, а горло пересохло.

Удар. Удар. Удар. Огонь ярко вспыхнул, охватив всю грушу целиком, и тут же погас, а Кьер опустил руки, встряхнул ими, повел плечами, размял шею. И, кажется, собирался приступить ко второму раунду, но, решив, что второй раунд станет слишком большим испытанием для моего бедного и без того расшалившегося сердечка, я вошла, прикрыв за собой дверь.

Герцог обернулся на шелест юбок и шелчок, улыбнулся при виде меня и пошел навстречу. В полусаге от поцелуя я манерно скривила губы, брезгливо ткнула пальчиком в мокрую грудь, заставляя выдержать дистанцию, и отклонилась. Леди, знаете ли, не пристало падать в объятия потных полуголых мужиков! Даже если этот мужик — герцог. И даже если очень хочется.

— Сначала в ванную, — строго скомандовала я.

— В ванную так в ванную, — с ухмылкой согласился Кьер, пытаясь ухватить меня за талию.

Я ловко вывернулась и отступила на шаг. Черные глаза опасно сузились.

— Эри, будешь вредничать — отшлепаю.

— Ах, как отрадно осознавать, что ваша светлость взяла на себя труд по воспитанию младшего поколения семейства Рейвен, — поддразнила я, отступая еще на пару шагов.

Мне было весело. Весело его видеть, весело осознавать, что он мне рад, весело от нарочито сурового взгляда. Сурового, жадного и определенно оценившего мои старания по выбору платья. Темно-голубого, почти в тон ожерелья на шее — овал бирюзы в окружении бриллиантов, самый первый подарок.

— Несносная девчонка. — Кьер махнул рукой и, повернувшись ко мне спиной, зашагал куда-то в угол комнаты.

Я с некоторым удивлением пронаблюдала, как он раздевается полностью и встает под странную конструкцию из труб и широкой медной пиалы над головой. Герцог протянул руку, повернул кран в стене, и из «пиалы» брызнули тугие струи воды, а вместе с ними фигуру Кьера окутал пар. Несколько мгновений я с интересом наблюдала за незнакомым приспособлением (а куда больше за тем, как горячие ручейки воды скатываются по смуглой коже), а потом руки сами собой потянулись к пуговицам платья.

Пятки обожгло холодной плиткой, которой был выложен пол в углу, кожу оросили водные брызги. Я поежилась, чувствуя, как она покрывается мурашками. Услышав шлепанье босых пяток по мокрому полу, Кьер обернулся.

— Спинку потру, — невозмутимо сообщила я и потянулась к мылу и мочалке, другой рукой шлепнув по ладони, снова вознамерившейся меня схватить. — Поворачивайся.

Как выяснилось, у герцогского терпения и послушания имелись границы.

Он рывком одной рукой притянул меня к себе за талию, другая обхватила голову, приподняв ее, и мокрые от воды губы прижались к моим. А когда я попыталась игриво вывернуться, ягодицу ожег короткий шлепок.

— Я предупреждал.

И, не дав ответить, Кьер снова поцеловал меня, жадно, страстно, заставляя покорно обмякнуть в его руках, подчиниться, подстроиться. Широкая ладонь мягко огладила «пострадавшее» место, властно сжала, и герцог шагнул назад, увлекая меня за собой под падающие с потолка струи.

Волосы мгновенно намокли, тяжелой массой оттянули голову назад. Я зажмурилась и отдалась во власть ощущений, ошалело хватая ртом воздух пополам с водой. Она била по плечам, стекала по шее, груди, а за ней следовали руки и губы. Прикосновения обжигали, будоражили кровь, и я податливо плавилась в сильных руках, как свечной воск, сама становилась водой, льнула к нему, ласкала, целовала, очерчивала контуры сильного тела.

Я ахнула, когда Кьер подхватил меня под бедра, вцепилась в его плечи, и в следующее мгновение ощутила желанное проникновение. Все внутри сжалось, живот скрутил болезненно-приятный спазм. Мужчина, ставший в этот момент со мной одним целым, сдавленно застонал мне в ухо, куснул его и сделал шаг вперед, не выпуская меня из рук.

Лопатки прижались к ледяной плитке, и я вздрогнула, изогнулась, пытаюсь сократить контакт со стеной и теснее прижаться к горячему мужскому телу. Но это неудобство было почти мгновенно забыто, потому что Кьер начал двигаться, и от размеренного скольжения твердой плоти внутри я окончательно потеряла ощущение пространства и времени. Я только цеплялась за плечи, за шею, за скользкие мокрые волосы на затылке, задыхалась от пара, а внутри все сжималось, стремясь продлить мгновения единения, и дергало острыми всплывками удовольствия.

Я достигла пика быстрее, чем Кьер, но он терпеливо замер, дожидаясь, пока сладкая судорога отпустит мое тело. А потом поставил меня, еще слегка ослепленную и оглушенную произошедшим, развернул к себе спиной, и снова вошел.

И я стояла на подкашивающихся ногах, запрокинув голову, отстраненно ощущала, как плеч касались невесомые поцелуи и брызги воды, а мой мужчина двигался во мне. И это движение хоть и не приносило с собой того непередаваемо яркого наслаждения, но дарило чувство глубокого удовлетворения и возможность сосредоточиться на чужом удовольствии вместо собственного. Частота ударов возросла, и я намеренно сильнее сжала внутренние мышцы. Протяжный стон и горячая пульсация внутри стали мне наградой за старание.

И, благодарно целуя мои плечи, Кьер хрипло и страстно произнес:

— Вот теперь можешь и спинку потереть.

А я что? А возьму и потру!

Еще добрая четверть часа у нас ушла на взаимное намыливание и смывание, сопровождаемое моим сдавленным хихиканьем, когда Кьер принимался с каменной физиономией меня щекотать. Более того, он не отказал себе в удовольствии провести еще несколько воспитательных процедур под мой возмущенный визг и яростное сопротивление с мочалкой в качестве грозного оружия.

Когда Кьер выключил воду, я торопливо отжала волосы и поспешила завернуться в протянутое мне полотенце — в отличие от прогревающейся за время купания ванной комнаты в просторном зале воздух был прохладным. Полотенце оказалось теплым, и я одарила господина мага благодарной улыбкой.

— Значит, юный лорд Рейвен рассказал о нашей приятной беседе?

Кьер смотрел на меня пытливо, явно еще не до конца понимая, как именно я к этому событию отнеслась. Обернув полотенце вокруг бедер, он присел на стоящий неподалеку диванчик и с интересом наблюдал, как я вытираюсь.

— Как сказать... выражаясь языком наших коллег из полиции — раскололся на допросе. — Я со вкусом провела тканью по одной ноге, потом по другой, животу, груди... — Тебе не стыдно маленьких обижать?

— Он меня чуть не убил, — хмыкнул Кьер и пояснил в ответ на мою вопросительно вздернутую бровь: — Я отвратительно стреляю.

— Ах, значит, ты руководствовался исключительно эгоистичными соображениями... — Я села рядом с ним, прильнула к боку.

— Конечно. Исключительно. А ты что подумала?

Лежавшие до этого на спинке дивана пальцы зарылись в мои мокрые волосы и провели по всей длине, в мгновение ока высушивая.

— Что высокородный герцог великодушно печется о судьбе скромной девушки, — печально и монотонно пробубнила я, поглаживая рельефный живот и с затаенным восторгом отмечая, как он подрагивает в ответ на мои прикосновения.

— Скромной? — Его рука обхватила меня за плечи, подтянула чуть выше, губы метко коснулись чувствительного места между плечом и шеей, и по телу пробежала дрожь предвкушения.

— Не придирайся, — строго одернула я, стукнув кулачком по широкой груди.

— Что вы, леди Рейвен, ваша скромность делает вам честь... — Другая рука прошла по бедру, ненавязчиво забираясь под ткань полотенца.

У меня вообще много прекрасных качеств, — смиренно согласилась я и первой потянулась к его губам.

— Кстати... я совсем забыл... тебе сказать... — прошептал Кьер в коротких промежутках между поцелуями. — Завтра... приезжает... мой брат.

— Каким образом именно сейчас это кстати? — прерывисто поинтересовалась я, с наслаждением впиваясь пальцами в напряженные мышцы.

Герцог раздраженно фыркнул на мое язвительное замечание, опрокинул меня на спину и для верности еще и заткнул рот.

Постепенно поцелуй спустился ниже — горячая влажная дорожка прочертилась по шее, ключицам, лаская каждый сантиметр кожи. Я запрокинула голову, откинув ее на диванные подушки, зарылась пальцами в густые темные волосы...

Рассеянно блуждающий взгляд совершенно случайно мазнул по двери и мгновенно на ней сфокусировался. Потому что дверь была открыта, а на пороге, держась за ручку, застыл в нелепой позе — незавершенном движении — паренек лет семнадцати. Темные вихры, торчащие во все стороны от бега, глаза тоже темные, не черные, как у Кьера, а вишнево-карие, выгаращенные, рот открыт, сам бледный, зато уши! Уши пламенели двумя яркими анлиссскими флагами. Он, кажется, даже забыл дышать, уставившись на нас, как на диковиннейшее диво. А стоило ему встретиться со мной взглядом, как краска стремительно схлынула с ушей на всю физиономию, что, впрочем, не сдвинуло его с места — так велико было потрясение. Даже не знаю, что именно его так впечатлило — картина в целом или ее отдельные, уже обнаженные части. Благо хоть полотенца еще не успели пасть в неравной битве. Да и в принципе фигура нависшего надо мной герцога почти полностью меня прикрывала.

Поэтому вместо того, чтобы с возмущенным визгом подскочить и прикрыться, я неожиданно для самой себя расхохоталась. Видеть на точной, пусть и чересчур юной, копии Кьера столь дурацкое выражение лица было до невозможности уморительно.

Герцог недоуменно вскинул голову, и я, давась смехом, пояснила:

— Кажется, твое замечание насчет брата было все-таки «кстати».

В следующее мгновение мальчишка отмер, шумно, с каким-то надрывным хрипом то ли вдохнул, то ли выдохнул и вылетел из комнаты, хлопнув дверью. Быстро удаляющиеся шаги куда больше походили на стремительное улепетывание.

Я прыснула еще раз, уткнувшись лбом в герцогское плечо. Однако Кьер моего веселья, кажется, не разделял. Он рывком выпрямился — фигура напряженная, глаза сверкают.

— Прибыю этого недоросля! Сколько можно учить его хорошим манерам и тому, что в двери нужно стучаться?!

Я решила, что распалая гнев его светлости не стоит. В конце концов, ситуация куда больше была забавная, чем оскорбительная, с учетом того, какими угрызениями совести и стыда паренек сейчас терзался, судя по его реакции и быстрому бегству. А потому я тоже приподнялась, обхватила Кьера за шею, прижавшись всем телом, успокаивающе поцеловала в плечо.

— Уверена, бедный мальчик жалеет о том, что видел.

Кьер бросил на меня косой взгляд, сопоставил, что именно видел мальчик, и засопел еще сердитее. Я приподнялась выше, поцеловала упрямо сжатую челюсть, уголок напряженных губ,

сжала пальцами плечи, надавливая, массируя. И через несколько мгновений он все же сдался, ошутимо расслабился, уже охотнее позволяя себя «утешить» и приласкать.

— Не будешь убивать родственника?

— Не буду, — пробубнил мой грозный мужчина не сильно уверенно.

— Тогда тебе лучше все-таки пойти и поприветствовать его, пока он не сунулся сюда снова, вспомнив, что забыл извиниться.

Кьер буркнул что-то невразумительное, поднялся и принялся одеваться. В каждом движении сквозило раздражение, и я всерьез опасалась, как бы младшему отпрыску семейства герцога Тайринского тоже не пришлось ходить с подбитым глазом. Я встала, сгребла с пола свои юбки, неуверенно покосилась на Кьера.

— Мне уйти?

— Нет, — бросил он так отрывисто, что сразу стало ясно — вопрос не обсуждается. — Как будешь готова, выйдешь, я распорядюсь, чтобы тебя проводили до гостиной.

Я только согласно кивнула, а Кьер, закончив с туалетом, коротко поцеловал меня в губы и вышел.

Неожиданный, надо признать, поворот. Теперь, когда первые эмоции от комичности ситуации схлынули, в душе всколыхнулись сомнения, стоит ли знакомиться с другими членами сиятельного семейства. Чем больше людей вокруг знают о нашей связи, тем больше шансов, что она из тайной станет явной. В собственном брате я не сомневалась, а вот о том, что собой представляет герцогский, не имела ни малейшего представления. Кьер о семье особенно не говорил, я знала только, что его брата звали Томас и он учился в Альбургском колледже нравственных и политических наук. Учился вроде бы так себе, потому что политика его не особенно интересовала. Как юный герцогский родственник мог принять герцогскую любовницу, я никогда не задумывалась, и меньше всего мне хотелось бы становиться семейным камнем преткновения.

Погруженная в эти размышления, я никуда не торопилась. Так что когда меня, одетую и причесанную, лакей проводил в одну из гостиных особняка, оба сиятельных родственника были уже там. Они стояли у окна, и фигура Томаса с опущенной головой и поникшими плечами изображала раскаяние и покорность. Впрочем, при моем появлении он быстро вскинулся, расправился и вздернул подбородок, ясно давая понять, что его ничем не смугишь. Еще бы уши краснеть перестали... хотя, возможно, это не от смущения, а от очередной профилактической «беседы».

— Позволь представить, — Кьер одарил родственника строгим взглядом, — лорд Томас Тарлтон, мой плохо воспитанный брат.

Юноша скривился и сверкнул на старшего родственника гневным взглядом, но тут же принял благообразное выражение и поклонился.

— Леди Эрилин Рейвен. — Я протянула руку для вежливого поцелуя. — Очень приятно.

Меня снова начал разбирать внутренний смех — обстоятельства первой встречи и нынешнее церемонное раскланивание друг с другом никак не вязались. Я очень старалась не кривить губы в улыбке, силясь этот смех сдержать, но, кажется, не очень в этом преуспела. Потому что Томас насупился и бросил на брата укоризненный взгляд, будто тот был виноват в том, что поставил его в столь неловкое положение. И правда, герцог, как не стыдно! Извольте запирать дверь, предаваясь плотским утехам где попало!

Кьер физиономии имел непрошибаемо каменную. Мне вдруг стало любопытно, что именно он сообщил брату. Осуждения или неприязни я в вишневых глазах не заметила. Томас пока избегал на меня смотреть, но причины тому были очевидные и с оценкой наших с Кьером отношений имеющие мало общего.

На несколько мгновений в гостиной зависла неловкая тишина, которую нарушил голос дворецкого:

— Ужин подан, ваша светлость.

Ужин? Семейный ужин? Какая прелесть. Желание сбежать от таких сложностей прочно сражалось за главенствующее положение со жгучим любопытством — зарекалась ведь, Эрилин, зарекалась! Удержать при свидетеле Кьер бы меня все равно не смог, ну выговорил бы потом за побег, в первый раз, что ли, знаем мы его «выговоры». А с другой стороны, если Томас прибыл в столицу на продолжительное время, лучше уж как-то попытаться наладить с ним отношения.

Родственники опасны, они почему-то из лучших побуждений всегда творят множество гадостей.

За этими размышлениями свою возможность тихонечко улизнуть я благополучно упустила. Мы расселись за столом: Кьер во главе, Томас по правую руку от него, я — по левую. Молчание начинало становиться несколько гнетущим. Его следовало бы нарушить хозяйину дома и организатору всего этого спонтанного мероприятия, и герцог даже открыл рот, чтобы сказать что-то, обращаясь ко мне, но я его опередила.

— И как погода в Альбурге? — доброжелательно поинтересовалась, глядя на Томаса.

— Погода? — недоуменно переспросил он, от удивления даже перестав прятать глаза и наконец встретившись со мной взглядом.

Чем больше я на него смотрела, тем больше замечала отличий от Кьера. В мимике, в осанке... в развороте плеч, чего уж греха таить! И все равно они были удивительно похожи. Я легко могла представить, что Кьер выглядел именно так, когда ему было семнадцать. Или восемнадцать?

— Погода, — безмятежно подтвердила я. — Милорды, вы на меня так смотрите, право слово, будто вам никогда не приходилось вести светских бесед. В качестве вариантов могу предложить еще оперу «Анна» и собрание сочинений Генриха Гайда. На этом мои актуальные культурно-литературные знания исчерпываются. Мне, знаете ли, давненько не приходилось их освежать.

— Эрилин, ты издеваешься? — вкрадчиво осведомился Кьер, глядя на меня с опасным прищуром.

— Совсе нет, я сглаживаю неловкую ситуацию, — с очаровательной улыбкой отозвалась я.

— Эту неловкую ситуацию Томас создал для себя сам, пусть сам и выкручивается!

Я благовоспитанно сдержалась и не закатила глаза, но выразительный взгляд себе позволила. Создал. Но что за необходимость была ее усугублять?

— Благодарю, погода прекрасная! — вклинился в наше безмолвное противостояние провинившийся вьюноша и, приняв мой посыл, принялся бодро рассказывать какую-то нелепость про необычайно теплое начало осени.

Ну, слава богу, а то я уже думала, он так и не догадается открыть рот!

Я, в свою очередь, поведала о дождях. Генриха Гайда, несмотря на то что он входил в программу обучения колледжа, юный ум не осилил — еще бы! Я сумела прочитать от корки до корки пять томов путаных философских рассуждений, только проспорив Грею. А вот «Анна» оставила неизгладимый след в его душе, хотя и уступила по силе эмоционального воздействия «Лебединой песне».

Услышав, что мне последнюю видеть не доводилось, Томас перевел выжидающий взгляд на герцога, очевидно ожидая от него вполне логичного предложения посетить оперу. Неловкое положение теннисным мячиком вернулось к старшему брату. Увы, наши с ним отношения подобных увеселений не предполагали.

— Это прекрасно, что ты не забываешь посещать культурные мероприятия, — невозмутимо произнес Кьер. — Но позволь узнать, что же ты все-таки делаешь в столице. Если мне не изменяет память, семестр в колледже сейчас в разгаре.

Бом-м. Мячик угодил в стену и, судя по выразительным ушам, срикошетил игроку прямо в лоб. Томас покосился на меня, а потом поджал губы и твердо произнес:

— Я больше не буду там учиться.

— Выгнали? — спокойно поинтересовался Кьер, а я сделала вид, что окружающий мир сузился до куска говядины перед моими глазами.

— Я сам ушел! И не вернусь. Ты меня не заставишь!

— Положим, заставить я бы и мог. — Герцог пожал плечами, а я забыла про говядину и заинтересованно прислушалась. — Но не вижу в этом смысла. Отвратительных политических деятелей нашей стране и без тебя хватает. Только позволь узнать, чем же ты теперь планируешь заниматься?

— У меня есть идеи, — живо, с явным облегчением отозвался Томас.

— Надеюсь, не достойные Генриха Гайда?

Да-а, интересно, а кто Кьера заставил вымучить этот шедевр?

— Нет. — Парень помотал головой, но мысль развивать не стал. — Я тебе потом расскажу, когда они... дозреют, — и почему-то опять покраснел.

Гадать, что же кроется за этим таинственным заявлением, я не стала, таинственного мне на работе хватает, спасибо. Но все равно подумалось, что непрост мальчишка, непрост. Прожигать жизнь, как многие дети состоятельных родителей, безбедно существуя на проценты от заложенной в банк доли в наследстве, он явно не планировал.

Остаток ужина прошел в ничего не значащей беседе — обмене новостями, и, торопливо прикончив десерт, юный лорд мудро нас покинул, сославшись на усталость после дороги.

Когда мы остались наедине, Кьер откинулся на спинку стула и смерил меня хитрым взглядом: — Ты не сбежала.

— А должна была? — фыркнула я с таким негодованием, будто подобные мысли даже и близко не посещали мою голову.

— Я предполагал такой вариант развития событий.

— На самом деле ты просто немного ошибся со сроками. Я сбегаю сейчас. Родители не должны вернуться раньше полуночи, но все же я предпочту перестраховаться.

Я поднялась. Герцог тоже. Он приблизился ко мне мягким хищным шагом, и тяжелые ладони весомо легли на талию, приковывая к месту.

— Спасибо, что осталась. Это было важно.

Я посмотрела ему в глаза и качнулась вперед, прикинув щекой к груди, по-кошачьи потерлась о ткань спортука. Да, я знаю. Ты хотел, чтобы мальчик принял меня за равную. И чтобы просто — принял. И не хотел, чтобы я уезжала вот так, впопыхах, в какой-то степени сбегая от позора. Значило ли это, что я значу для тебя больше, чем просто развлечение? Наверное, значило. А могло ли это что-то изменить? Нет, не могло.

Потому что мальчик может принять меня как равную. Но равны мы от этого все равно не станем.

— Я устраиваю прием в субботу. Тебе будет выслано приглашение. — Кьер, на его счастье, и не подозревал, какие невеселые мысли меня одолевают.

Я отстранилась, с сомнением заглянув ему в глаза.

— Думаешь, это разумно?

— Мы представлены. — Герцог пожал плечами. — Работаем вместе. Какую бы ты должность ни занимала, ты остаешься леди. Было бы странно наоборот — если бы я тебя не пригласил.

Кроме того, это не ужин в узком кругу. Осенний бал — традиционное семейное торжество.

Будет очень много людей, половину из которых я наверняка даже не знаю — рассылкой приглашений занимается по своему усмотрению Уинтон. — Я сделала себе пометку запомнить, как зовут дворецкого. — Я постоянно сваливаю на него это унылое и неблагодарное занятие. На подобное мероприятие чаще всего лучше пригласить лишних людей, чем кого-либо забыть.

Кроме того, почтенные виконт и виконтесса, а также юный лорд Рейвен тоже будут приглашены.

Я удивленно вскинула бровь. На самом деле при таком раскладе за приглашение Кьера можно было только благодарить. Шаткое положение моего семейства в обществе оно однозначно укрепит. Да и верно, что при описанном размахе торжества никто и не подумает, что я оказалась там исключительно благодаря герцогской благосклонности. Мама будет счастлива. Папа...

Его реакцию я предугадать не бралась. Виконт Рейвен человек умный. И, зная, что семья обязана этим приглашением мне — кому же еще? — вполне может задаться ненужными вопросами.

Хотя, как и сказал Кьер, мы представлены, мы вместе работаем. И вообще иногда лучший способ спрятать что-либо — это выставить на самое видное место.

— Хорошо, спасибо за приглашение. — Я поднялась на цыпочки, чтобы одарить герцога прощальным поцелуем. — Но учти, что ты крайне невнимателен и феерически жесток. Пошить бальное платье за три дня? Маменька будет в ужасе!..

Момент для преподнесения радостной новости родителям был выбран очень тщательно. Я нарочно спустилась к завтраку раньше, чтобы, когда маменька с папенькой зайдут в столовую, уже как раз уходить. Доброе утро, дорогие родители. Ах, маменька, вы сегодня так сиятельны, ах, папенька, этот сюртук десятилетней давности вам все же крайне к лицу. И да, в субботу мы приглашены на бал в дом герцога Тайринского. Люблю-целую, мне пора на работу!

Судя по тому, что грохота за моей спиной не раздалось, виконт по старой привычке лишённую чувств виконтессу поймал. Действия всех сторон за годы были отретпетированы безукоризненно!

Да, вечером меня ждал не самый приятный разговор, но к вечеру они оба десять раз все обдумают, накопят вразумительные вопросы, а градус маменькиных стенаний существенно снизится.

Зато сейчас она, не размениваясь на печали — все равно свидетелей оных нет — и не теряя драгоценного времени, побежит к нашей портнихе. Превосходный вкус и мои мерки у нее имелись, а в моде многоуважаемая виконтесса разбиралась куда как лучше своей непутовой дочери. Ибо она, в отличие от этой самой дочери, еще не теряла надежды устроить ей счастливый, ну или хотя бы выгодный брак.

А на работе меня ждал приятный сюрприз в виде отсутствия господина Трейта. Первый криминалист, как мне пояснил Ричи, отлучился до конца недели. Высокое начальство за выдающиеся заслуги выделило ему несколько дней отпуска, и тот вознамерился навестить дочь и не так давно родившегося внука.

Дочь, внук и умиленно вззирающий на них Трейт определенно не вязались в моем сознании в целостную картину, но я возблагодарила Господа Бога за предоставленную передышку.

Впрочем, у меня имелись некоторые смутные подозрения, что отпуск начальнику отдела в напряженный и сложный период был дарован силами куда более приземленными. В итоге, поскольку ценные указания на время отсутствия начальства были розданы всем, кроме меня, а трейтовский зам — личность, ведущая теневой образ жизни, — никаких внятных указаний отдать мне не мог, я под предлогом безудержного желания отнести в архив часть документации отправилась по адресу бывшего места жительства Майка Коннера.

Жил он в фабричном округе, недалеко от трущоб. Там, где дома без конца росли ввысь за счет кривых надстроек. Последние то и дело обрушивались на головы прохожих, оставляя кого-то без жилья, а кого-то без жизни. Но шла я туда с некоторой внутренней дрожью не столько из-за этого, сколько... каким бы бунтарским характером я ни обладала, чувство самосохранения у меня все же имелось. И оно подсказывало, что есть места, где женщине, а тем более леди, лучше не появляться.

За медную монетку один из мальчишек, сидящих на ступеньках школы для оборвышей, согласился проводить меня до нужного дома, а по дороге еще и охотно поделился информацией о том, что есть в этом доме старуха Коннер, карга и ведьма, хоть и слепая, а не подойдешь, за версту малышню чует и гоняет клюкой нещадно, но девки дурные к ней идут за сглазами, да приворотами, да прочими чарами.

Поднявшись по скрипучей лестнице на указанный мальчишкой третий этаж, я постучала по рассохшемуся дереву единственной на площадке двери и, услышав глухое приглашение, вошла. С порога стало очевидно, что «ведьмовство» было не даром старухи, а профессией. Расписанные таинственными закорючками стены, развешанные по углам веники, заросшие паутиной, чучела крыс и слегка дико смотревшийся среди всего этого хрустальный шар, натертый до блеска, не имели ни малейшего отношения к реальной магии. Но впечатление необходимое производили.

Хозяйка всего этого великолепия — старуха с длинными седыми волосами, распущенными по плечам, — сидела возле шара и, раскачиваясь, подвывала какой-то заунывный мотив.

— Госпожа Коннер? — на всякий случай уточнила я.

Глаза открылись и уставились на меня двумя мутными бельмами.

— Ишь ты. Госпожа! Приворотов на крови не делаю, и не подлизывайся, девка, дело подсудное.

— Шарлатанство — тоже, — спокойно согласилась я, без приглашения устраиваясь напротив. — Но мы же с вами законопослушные граждане Ланланда и о делах подсудных речи вести не будем. Я из отдела криминалистики департамента по магическому контролю, и мне хотелось бы задать вам несколько вопросов, никак не связанных с вашей текущей деятельностью.

Уточнение это я ввернула специально. Жители Красного и Черного округов мало любви питали к государственным служащим. И, признаться, определенные основания у них для этого имелись.

— Девица на службе? Мир совсем, что ли, спятил? — прошамкала старуха, продолжая «смотреть» в дверной проем.

— Вы знали Майка Коннера? — Я сочла вопрос риторическим и задала собственный. — Он жил здесь тридцать лет назад.

— Майка? — Голос женщины дрогнул, и она пробормотала, как мне показалось, растерянно: — Знала, как же не знать...

— Кем он вам приходился?

— А тебе что за дело?

— Департамент поднял из архива его дело и снова им занимается, — пояснила я, не углубляясь в детали.

Стоило мне договорить, как комнату огласил хриплый каркающий смех. Профессиональная ведьма смеялась долго и зловеще, мне оставалось только с невозмутимым выражением лица ждать, пока ей это надоест.

— Долго ж вы запрягаете, — наконец произнесла она. — Что? Под кем-то из вышестоящих стул горит? Аль выслужиться нужно?

— Ответьте на вопрос.

— Брат он мне. Был. Младшой. Мамка его последнего в подоле принесла, так он единственный из всех мальчишек до зрелых лет и дожил. Мечтатель был, тьфу. Ма-агом хотел стать.

Озолотиться.

— У кого он проходил обучение?

— Да кто ж его знает, какого он себе там шарлатана-наставника нарыл из придурошных самоучек. В школу-то его, оборванца, знамо дело, никто бы не взял. Семь лет на нашей с мамкой шее сидел, прохиндей. Золотую пыль в глаза пускал. Это с его руки я в ведьмы-то подалась. Помогал поначалу фокусами-шмокусами своими.

— Я так полагаю, со временем магия начала выходить из-под контроля?

— Отож. Он у нас огненный был. Один раз во сне чуть дом не спалил, благо не спалось мне. Чую, гарью пахнет, я к нему, а кровать огнем горит! Еле залили, и его с трудом растолкали, глаза дурные, сам не свой. Побежал к наставнику, тот ему на место мозги-то вправил, да ненадолго. То да се стало в руках загораться. Майк, правда, упрямылся до последнего, дурак, говорил, что справится. А потом до того справился, что собственного наставничка-то и того, спалил... да, поделом идиоту.

Я не совсем поняла, кого именно столь нелестно охарактеризовала старуха, но промолчала, боясь спугнуть откровения. Было видно, что дело тридцатилетней давности для нее не забыто, и в памяти живо крепко, и этим определенно надо было пользоваться.

— Что было дальше?

— Дальше? Испугался он. Дюже испугался, до мокрых штанов. Магом-то стать одно, а лопнуть от магии той, как плод перезрелый, — совсем другое. Помирать Майк не хотел, никак не хотел. Да вот только время было такое, деточка, что выбора-то и не было. Это сейчас магию легко подчиняют, а тогда...

Она только махнула рукой, но необходимости уточнять не было. Тридцать лет назад печать — та печать, которая красовалась теперь у меня на спине и которую мог поставить любой дипломированный артефактор достаточно быстро и совершенно бесплатно, за счет государства, еще не была изобретена. Она появилась лишь двумя годами позже, а распространилась по стране и миру еще спустя только лет пять.

Магов запечатывали и раньше. Но тогда печать в буквальном смысле вырезалась на теле. Процесс крайне болезненный, не всегда успешный, умолчим уж о том, что далекий от эстетики. Наркоз, ныне широко распространенный, тогда еще тоже не изобрели, и стоило «жертве» дернуться...

А если еще подумать о том, что чаще всего эту операцию проводили с детьми, то оставалось только порадоваться, что я родилась, когда все эти прекрасные изобретения уже покорили мир. В случае же со взрослыми магами-самоучками все было еще печальнее. Им сначала ставили печать, а потом, если она не подходила и магия все равно из-под нее прорывалась, то дорога оставалась только одна — на плаху. Плата за самонадеянность.

— Проныра был Майк, та еще. Жучара. Не знаю, как он вышел на того профессора — где он и где профессор! — да только вернулся он однажды сияющий, как новенький медяк. Пляши, говорит, сестрица, жить буду! Профессор ума великого печать мне такую поставил, что никакой срыв мне теперь не страшон. Красивую печать, не чета этим живодерским уродствам.

Я насторожилась. Какая такая красивая печать? Какой такой профессор? Артефакторную печать изобрел маг по имени Клайв Стэнли, и представил он свое открытие двумя годами позже трагической гибели Майка Коннера. Ни в каком институте он не преподавал, а согласно опубликованным мемуарам идея революционной печати пришла к нему стремительно и так же стремительно реализовалась. Изобретатель называл ее озарением Господним.

— Вы видели эту печать? Что она собой представляла?

— Да ничего особенного, будто узор из веснушек. Я Майку тогда сразу сказала, хной тебя твой профессор намазал, лапши на уши навешал, а ты и черпаешь ее большой ложкой да нахваливаешь. А он меня дурой назвал. Куда, орал, куриному женскому мозгу до высоких материй.

У меня снова остро зачесалось под правой лопаткой, и на этот раз колебания фона были ни при чем. Просто печать Стэнли именно это собой и представляла — едва заметный пигментный узор на коже. Я так остро ощутила ее сейчас под невидящим взглядом старухи, в которой не было ни унции магии. Но от слов ее сквозило нездешним холодом. Холодом мертвой тайны. Я усилием воли привела мысли в порядок. Успокойся, Эрилин. Мало ли где она могла увидеть новую печать и приплести ее для красного словца?

— А как звали профессора, не знаете?

— Деточка, у меня память хорошая, но ты хоть знаешь, сколько годков-то мне? Если б и знала, да разве вспомнила б? Да Майк и не упоминал, кажется, все «профессор» да «профессор». А еще посмеивался над ним: муж ученый, а говорить не научился, уж больно шепелявил. Да уж, кокетства старухе не занимать. Всем бы такую память в старости. Правда, я подозревала, что дело не только в памяти, а еще и в самих событиях — врезавшихся, выстраданных и не прожитых до конца.

— Что было дальше?

— Дальше... дальше жили как жили. Я ведьмачила, Майк на обувную фабрику устроился. Ну а потом... потом стали люди умирать. Кого сожгут, кого в пыль развеют, кого в лепешку сплющат...

— Пойдите. Разве людей не только сжигали? В отчете сказано...

— Ай, деточка, коли б ты своим бумажкам верила, ты бы не пришла к старой слепой старухе и не слушала бы, как я тебе сказки баю. Отчеты ваши для известного дела только и годятся — задницы подтирать. Я же тебе говорю, как было, врать мне незачем. Убивали людей, магией убивали, да по-разному. Соседи на Майка шипели, мол, даже видели его за этим делом, а я не верила. Как же Майк, когда у него печать вона. Уж были б у него срывы, я б знала!

Старуха помолчала, задумчиво двигая челюстью, пальцы сжимались и разжимались на отполированном руками наконечнике знаменитой среди детворы клюки.

— Да только вернулся он однажды — белый как мел, в поту, трясется. Прости, говорит, сестра, не могу я так больше, убивец я, людей жгу. Я к нему — чего да как, а он толком и объяснить не может. Магия запечатана, крест тебе, сестра! А как получается — не знаю. Ничего не добилась от него, велела только завтра первым делом к профессору этому самому бегом бежать. Муж ученый всяко умней глупой бабы, разберется, поди, что к чему... не дошел только мой Майк до профессора, помер в тот же вечер. А я тогда и ослепла.

— Как помер? Как ослепли? — Я несколько растерялась, когда плавная нить повествования так резко оборвалась.

— А ты как думаешь, деточка? Помогли добрые люди. И мне помогли, и ему.

Старуха выдержала театральную паузу, наслаждаясь как вниманием единственного зрителя в моем лице, так и возможностью наконец все рассказать. Я не понимала, почему она так легко раскрылась передо мной сейчас, если, очевидно, скрыла все тогда и скрывала столько лет. Может быть, дело во мне и в отсутствии угрозы в моем голосе, а может, она просто устала и от этой тайны, и от той жизни, которую уготовила ей судьба. Но, помолчав, она продолжила. Сухо, резко, со звенящей между слов злобой.

— Они пришли под вечер. Тихие такие люди, незаметные. Майк дверь открыл, а его с порога, без единого слова... даже на пол тело не уронили, а подхватили и тихонечко так, чтобы не шуметь. А потом меня увидели. И у меня, знаешь, воздух в горле так и застыл. Я бы и заорать, да никак совсем, будто онемела разом. А они смотрят, переглядываются глазами рыбьими, ледяными. С этой, мол, что? Оставь, говорит один. Пригодится. Подходит ко мне, за горло

берет, в упор взглядом прожигает. Ты, баба, говорит, сейчас с нами пойдешь, да расскажешь в подробностях, как хахаль твой людей жег, что маг он, самоучка сорвавшийся.

В голосе старухи послышались дрожащие нотки. Слепые глаза по-прежнему смотрели на дверь, но мне явно чудилось, что видят они перед собой сейчас совсем иное — так же четко, как тридцать лет назад.

— А я с перепугу-то, девка дурная, и не соображаю ничего, бормочу под нос глупости. Брат он мне, господа хорошие, убивал, то верно, отпираться не стану, да только не виноват он. Это все профессор виноват с его печатью проклятушей... Мужик аж затрясся от таких слов, да пальцы так стиснул, что я уж думала — все, конец мой пришел. Да его остановили. Свидетель, говорят, нужен. А коли то сестра родная, так и вернее будет. Оставь бабу, припугни только, чтобы взбрыкнуть не вздумала. Он как глянет опять на меня, зрачки — омут колдовской. И провалилась я в этот омут с головой, не вынырнешь. И чернота вокруг, сердце в ушах колотится, ноги не держат, вишу на руке этой. А он посмеялся только — скажешь, брат с тобой сделал.

Она снова замолчала, на сей раз надолго. Я, затаив дыхание, ждала и ждала, а старая ведьма застыла замшелым истуканом, будто неживая. И молчала.

— Вы рассказали? — Я все же не выдержала. Нужно было докопаться до правды.

— Рассказала, деточка. Что нужно — рассказала, о чем нужно — умолчала, подтвердила все, что велели. Верила, глупая, что снимут слепое проклятье. Потом поняла только — спасибо, что жизнь сохранили, побоялись, что подозрительно будет, если помру после допроса. Только это их и остановило. Вышвырнули на улицу — и живи как знаешь теперь. А жить-то хотелось, несмотря ни на что — хотелось.

— Почему же вы мне сейчас все рассказали? Больше не боитесь за свою жизнь?

— Ай, деточка, столько лет прошло. Костлявая вот-вот сама придет мои пороги обивать, ей посредники не нужны уже. Кто я? Старуха слепая, от горя ополоумевшая. Правда все то или нет — тебе судить. И что со знанием этим теперь делать — тебе решать. Я тогда им по своему усмотрению распорядилась, тебе теперь передаю, владей. Мне оно больше без надобности. Я вышла из дома Коннеров в состоянии глубокой задумчивости.

На ложь все сказанное похоже не было — слишком много живого, неотболевшего звучало в речи профессиональной ведьмы. Она верила в то, что говорила. А вот не придумала ли, чтобы верить?

Зачем?

И правда, прошло тридцать лет. О чем там говорить, даже изобретатель новой печати уже мертв, а из всех тех, кто работал в департаменте в те годы, только Трейт, тогдашний двадцатилетний стажер, и остался. Вряд ли найдется хоть кто-то, кого можно призвать к правосудию, чтобы восстановить справедливость.

Да еще и понять бы, какую справедливость.

Если принять слова старухи за чистую монету, что мы имеем? Таинственный шепелявый профессор устанавливает Майку, а скорее всего и не только ему, печать за два года до ее изобретения. Отсюда можно предположить, что эта печать — экспериментальная, пробная версия. И, очевидно, как и в любом эксперименте, что-то пошло не так, что-то в печати оказалось недоделано, недоработано. Следы этой недоработки быстренько подчищают, старательно подгоняют дело под обычный магический срыв. Отсюда два варианта. Либо работу профессора покрывало государство, а какому королю нужна огласка в деле экспериментов над людьми? Либо у профессора имелись очень влиятельные друзья.

И то, и другое не сулило человеку, решившему вытряхнуть наружу скелеты из старых шкафов, ничего хорошего. Дочери опального виконта для полного счастья только и не хватало напоротья на недовольство короны или на недовольство приближенных к короне.

И в то же время история цепляла, манила. От нее веяло страшной, неразгаданной тайной пыльного прошлого. Дунуть — и прикрытый этой пылью карточный домик написанной истории рассыплется, перестанет существовать, открывая миру то, что произошло на самом деле, а не было придумано для красоты. В той книге, что подарил мне отец, целая глава посвящена изобретению печати Стэнли и тому, какой благоприятный эффект она произвела на развитие магической науки и благополучие людей по всему миру. После всех тех дифирамбов, которыми воспевался труд изобретателя, оставалось только причислить его к лику святых, не иначе. А теперь я узнала, что он в лучшем случае мошенник, похитивший чужую разработку, а

в худшем — безжалостный убийца, положивший на пути к своей цели множество невинных людей.

Цель оправдывает средства, так?..

Роль 7

ДОЧЬ СВОЕГО ОТЦА

Я вдруг поняла, что даже не смотрю, куда иду, погрузившись в собственные мысли. А поняла я это, упершись в перегородившую проход толпу. Опомнившись, я огляделась, пытаюсь определить, куда привели меня путаные лабиринты улочек, но не смогла — всюду только незнакомые дома.

Люди толкались, о чем-то невнятно переговаривались и не торопились расходиться. Я уже собиралась повернуть назад и пуститься в обход — хватит с меня столпотворений, не хватало еще на каких-нибудь пулестолкнуться, — как позади раздалось удивленное:

— Леди Эрилин? Что вы тут делаете?

Я обернулась и встретилась взглядом с Тарном Гейлом. В нескольких футах за его спиной стоял департаментский экипаж.

Мне стало стыдно и неловко. Люди работают, а я прохлаждаюсь по практически личным делам. А что личные дела касаются чуть ли не государственной тайны — дело десятое. И архивом не отворишься, он находится даже не в этом округе.

— Я...

— Фон привел? — предположил криминалист, не дожидаясь моих объяснений. — Это хорошо, идемте, вы мне поможете.

Фон?

Я вынырнула из болота внутренних переживаний и размышлений и поняла, что коллега прав.

Сюда меня действительно привел фон.

Вокруг притягательно разило магией. Она пропитала воздух гаммой ароматов, стусилась так, что становилась почти осязаемой. Задумавшись, я даже не обращала внимания на подергивание печати, зато теперь ощутила его сполна. Ужасно захотелось прижаться спиной к чему-нибудь, чтобы унять зуд, но вместо этого я поспешила за Тарном, вбурившимся в толпу с грозным ревом «Р-разойдись!».

— Что здесь случилось? — Я нагнала криминалиста и пристроилась за его плечом.

— Облава на самоучек. Говорят, вместо нескольких юнцов, как утверждал осведомитель, наши напоролись на целое гнездо, в итоге многим удалось уйти. Допрашивать схваченных маги будут, а наше дело... сами понимаете.

Понимаю. Наше дело — магические следы и трупы.

Вслед за Тарном я вошла в темный подъезд. Здесь к ароматам магии примешались и самые обычные, куда как менее приятные и возвышенные.

Дверь в квартиру на первом этаже была распахнута, и было видно, как внутри, экспроприировав на нужды дела помещение, два констебля и маг из департамента ведут опрос свидетелей. И вся толпа, что толкалась на улице, очевидно, состояла из тех, кто горел желанием дать показания.

Люди вообще любили доносить на магов-самоучек, особенно вот так, постфактум. «А я всегда-а подозревала, что они такие-нetaкие-этакие! Вы еще Джека-разбойника из во-он того дома проверьте! Он если и не колдун, так уж жулик точно!» А ведь по правилам полагалось все эти «наводки» проверять...

И тут я искренне порадовалась, что не работаю в отделе по устранению незаконной магической деятельности. А еще подумала про ведьму Коннер и понадеялась, что ее никто не упомянет. За шарлатанство ей грозил штраф и несколько месяцев исправительных тюремных работ. Ни того, ни другого я слепой старухе не желала.

Мы же с Тарном поднялись на второй этаж. Здесь перебаламученный магический фон смешался в такую карусель запахов и красок, что я невольно поморщилась и привычно попыталась от него отстраниться. На факультете для запечатанных был спецкурс по контролю и развитию способностей. Название громкое для пяти занятий с уставшим от жизни профессором, безынтересно бубнящим одни и те же лекции уже который год подряд и не реагирующим на

вопросы студентов, но некоторую пользу я из них все же выжала. Например, научилась приглушать чувствительность своеобразного дара. А вот техник для его усиления, увы, придумано еще не было.

Знания помогли. В голове прояснилось, цвета-запахи приглушились, растаяли на задворках сознания, и мне показалось, что наблюдавший за мной краем глаза Тарн одобрительно кивнул и вошел в проем выбитой двери с развороченным косяком.

Здесь следы магического сражения были видны любому обывателю. Запах гари, от которого так просто не избавишься, черные разводы на стенах, разбитая в щепки мебель, лужи, натекшие с ледяной глыбы в углу, из глубины которой на нас смотрел холодным мертвым взглядом парнишка лет пятнадцати.

Меня передернуло. И без амулетов было ясно, что это не наши маги постарались, а мальчишка просто не рассчитал собственные силы, сорвался.

— Там еще двое. — Из соседней комнаты вышел маг департамента в черной форменной куртке с серебряным шитьем. Она служила не столько знаком отличия, сколько своеобразным доспехом. И доспех этот, судя по подпалинам и свисающим с рукава лохмотьям, принял на себя немало ударов. — Троиخ взяли, как минимум пятеро ушли.

Три трупа, трое пойманы, пятеро улизили. Одиннадцать человек. Серьезно, более чем. Попахивает подпольной школой.

Маг больше ничего не сказал, только бросил на меня любопытный взгляд и спустился вниз, оставив квартиру в нашем распоряжении.

— Возьмите на себя эту комнату, леди Эрилин, я займусь следующей, — распорядился коллега. Я только кивнула и приступила к работе.

Облавы на самоучек проводились давно и с каждым годом все чаще. В королевстве медленно, но верно назревал нарыв, который рано или поздно лопнет, если его не вскрыть.

Раньше, пару веков назад, людей, рождавшихся с дефектом ауры, было меньше. Целители давно пытаются разобраться, что именно провоцирует это заболевание, но пока безрезультатно.

Удалось выяснить только одно: дефект ауры передается по наследству, хоть и не обязательно проявляется в каждом поколении. Спустя сотни лет носителем «дурной» наследственности был чуть ли не каждый третий.

Конечно, далеко не каждый третий рождался магом, но тем не менее статистика была отнюдь не на стороне принятой государственной программы. Магов появлялось все больше, и отработанная система взаимодействия с ними определенно начинала сбывать — многие мальчишки из бедных семей видели в «даре» возможность озолотиться, как тот самый Майк Коннер. Но, справедливо рассуждая, что в королевские школы поступить шанс слишком невелик, решали дело своим умом. Благо черный рынок незаконных магических услуг процветал несмотря ни на что, и отыскать на нем наставника было не так уж сложно. Вот только держались самоучки обычно по два-три человека, что и понятно — меньше возможностей попасться властям на глаза. Одиннадцать в одном месте, даже если это не школа, а просто какое-то сборище, все равно не сулило ничего хорошего.

Вздохнув, я приступила к своим непосредственным обязанностям.

С первого взгляда было ясно, что какие-то яркие улики мы здесь вряд ли найдем. Полупустая квартира, явно нежилая, очевидно, ее использовали только для таких вот сборищ. Щепки, обломки, пыль работу не облегчали, осматривать все приходилось очень тщательно и внимательно. И я пока намеренно сторонила ледяной глыбы в углу.

Амулеты для замеров забрал Тарн, поэтому я работала вручную, лишь сняла блок с восприятия, вновь позволяя магическим краскам наполнить пространство. Фон постепенно успокаивался — не ахти каких масштабов здесь случилось сражение, и следы чужих заклинаний и сил постепенно таяли в нейтральных потоках, а я торопливо записывала все то, что попадалось мне на пути. Голубой осадок с легким фиалковым запахом на ножке стола. Едкий аромат горчицы. Серая слизь без запаха, но при одном взгляде на нее оставался кислый вкус во рту...

Восприятие магии у каждого запечатанного разнилось, и то, что одному казалось прекрасным, у другого могло вызывать отвращение, но, если мне на пути еще раз попадется один из тех, кто здесь колдовал, — я его узнаю. Каждую новую находку я фиксировала, а затем старательно отодвигала на задворки сознания.

Смутное ощущение на грани восприятия заставило меня замереть и принохаться. Откуда-то из угла слабо тянуло... свежими булочками. Почти неразлично, можно было подумать, что это запах из булочной по ту сторону улицы.

Я на всякий случай выглянула в окно. Булочной не обнаружила, более того, у окна аромат стал менее ошутим. Стоило вернуться на середину комнаты — запах снова усилился. А еще он был не похож на постепенно тающие в потоках фона следы колдовства, он был реальным, действующим.

У меня по спине пробежал холодок. Это могло значить только одно — в комнате находится маг. Волна страха сдавила горло, и я торопливо отвернулась, присела, делая вид, будто роюсь в мусоре на полу.

Спокойствие, Эрилин.

Скорее всего, он просто не успел удрать и теперь надеется под заклинанием переждать шумиху, поэтому не нападет, пока я не дам знать, что его присутствие замечено. Маг почти наверняка структурник. Редкий дар, высоко ценящийся. В отличие от стихийников, чья магия чаще всего была одномоментной, существующей только во время непосредственного колдовства, структурники создавали долговечные магические конструкции, которые получали подпитку не от самого создателя, а из фона. И за счет этого их магия почти не обладала яркими красками. Вот только это вовсе не значило, что маг не сумеет расплющить меня о стену банальной силовой волной, если ему вдруг покажется, что я что-то заподозрила.

Выходить из комнаты, чтобы позвать коллег снизу, не хотелось. Вдруг самоучка воспользуется этим, чтобы удрать, и я выставлю себя душой. А если позвать Тарна? Осторожно. Может, как-то получится ему намекнуть?

Я покрутила в руках крупную щепку и решила.

— Вы не могли бы подойти, Тарн? — громко произнесла я, по-прежнему не поворачиваясь лицом к опасному углу. — Я, кажется, нашла кровь.

Кровь в деле поиска магов — это очень важно, поскольку ускоряет его в разы. Поэтому неудивительно, что коллега появился быстро, торопливо склонился над моими «раскопками» и, как мне показалось, несколько изумленно уставился на выложенную мусором надпись: «Здесь маг».

— Да, действительно, — ровно произнес он. — Леди Эрилин, будьте любезны, спуститесь, позовите господина Эллиота, он сможет немедленно создать компасное заклинание.

Сам Тарн достал из саквояжа инструменты, будто собирался несуществующие капли старательно счистить и закупорить.

Я слетела по лестнице почти бегом, с бешено колотящимся сердцем — вдруг догадается? Вдруг ударит криминалисту в спину?

При моем стремительном появлении в квартире этажом ниже все присутствующие удивленно вскинули головы.

— Господин Эллиот?

Тот же мужчина, что встретил нас наверху, кивнул.

— Там... в комнате... маг. Он прячется под каким-то заклинанием в правом дальнем углу.

Господин Гейл велел позвать вас...

Мужчина тут же подобрался, горчичный запах щекотнул ноздри.

— Оставайтесь здесь, — распорядился он и стремительно вышел из квартиры.

Через несколько мучительно долгих секунд над нашими головами раздался треск, будто повалилось сломанное ураганом дерево, следом короткий вскрик — и тишина.

— Пош-шел! — рявкнул Эллиот. — Попробуешь колдануть еще, шею сверну как куренку без всякой магии, понял? Умник...

Снова шаги по лестнице, коридору, и в комнату ввалился подгоняемый коллегой, лохматый паренек лет шестнадцати, чернявый, чумазый, с яростным взглядом дикого котенка. Если бы не остаточный булочный аромат, я бы и подумать не могла, что это он чуть всех здесь не обдурил.

— Отвезешь его в департамент? — поинтересовался второй маг и с тоской поглядел в окно на не желающую расходиться толпу. — Пока мы тут закончим...

— Да вот еще, ради одного щенка мотаться. Подождет, куда денется. Ты представь, он умудрился зеркалку на семь узлов соорудить. Где только нахватался? Это ж год седьмой интенсива, не меньше. Жаль, наставник их ушел.

— Далеко не уйдет. Запоют еще птенчики...

Я вдруг сообразила, что увлеклась подслушиванием, когда у меня еще наверху дел невпроворот, и поспешила выйти прежде, чем выставят. У дверей, правда, что-то дернуло меня обернуться, и я напоролась на взгляд самоучки, пылающий неразбавленной ненавистью. Такой яростной, такой всепоглощающей, что мне сделалось откровенно не по себе.

Нервно сглотнув, я отвела глаза и удалилась. Пальцы подрагивали, и, поднимаясь по лестнице, я сжала ими подол юбки, чтобы окончательно прийти в себя.

Я не сделала ничего плохого. Я просто выполняла свою работу. А самоучки — не только нарушители закона, но и прямая угроза обществу, будь они хоть трижды детьми с ангельскими личиками. А как несовершеннолетнему ему все равно ничего серьезного не грозит. Ну допросят, ну запечатают... что ему мешало, раз так хотелось учиться, пойти попробовать силы в королевскую школу? Отбор там ведут честный, исключительно по способностям, десятки магов из низов каждый год получают королевскую стипендию на все время обучения. Да, конкурсе большой, но это ли талант должно останавливать?

Я проговаривала это про себя, выполняя знакомые рабочие действия, и в то же время понимала, что сама перед собой оправдываюсь. Мальчишка наверняка думал об учебе, но побоялся.

Побоялся потерпеть неудачу и отправиться на обязательное запечатывание, которое там же, в школе, проводили всем, кто не был принят, если они не изъявляли желание оплатить обучение. Я никогда не скорбела о потере своего дара. Слишком сильное впечатление произвела на меня речь отца по пути к артефактору, да и осознать я себя как мага не успела. Ощущения быстро забылись, сменившись новыми способностями, новыми гранями восприятия действительности. Видеть магию мне нравилось, даже несмотря на испытываемое периодически раздражение, если ее вокруг было слишком много.

А так... подумаешь, печать! Не конец же света.

И только сейчас, взглянув в яростные глаза уличного оборванца, возненавидевшего всеми фибрами души ту, из-за кого ему предстояло лишиться магии, я вдруг поняла, как до сих пор однобоко смотрела на мир.

У меня никогда не было сомнений, что печать — это благо. Мир не рухнет от того, что несколькими магами станет меньше, а вот люди вокруг будут целее. Но только я не подумала, что мир может рухнуть и для одного-единственного человека.

Мне вдруг вспомнился визит к старой ведьме и ее брат, отчаянно цеплявшийся за свои способности и за свою жизнь, а в итоге потерявший и то, и другое. Из-за печати. И тогда я во что бы то ни стало решила докопаться до того, что случилось с Майком Коннером.

— Вы хорошо потрудились, леди Эрилин, — сказал мне Тарн Гейл, когда мы спускались по лестнице, закончив свою работу на месте происшествия.

Я благодарно кивнула, но промолчала. Гнетущее чувство и не думало меня покидать. Хоть мои знания по части построения заклинаний и были более чем скудны, из головы никак не выходили брошенные магом слова: «Умудрился зеркалку на семь узлов соорудить». Даже не сами слова, а интонация, с которой они были произнесены — безграничное удивление, даже в какой-то степени профессиональное восхищение.

Как назло, именно в этот момент закончили и коллеги-«незаконники». Господин Эллиот выпихнул из квартиры мальчишку со связанными руками, бурча себе что-то под нос, и я застыла на ступеньках, не желая вновь встречаться с самоучкой взглядом. Они вышли на улицу, было слышно, как садятся в департаментскую карету. Второй маг, наоборот, дождал нас у подножия.

— Что-нибудь нашли?

— Ничего однозначного, — коротко бросил криминалист. — Будем работать.

— А, — маг махнул рукой. — Они как тараканы. Все только и ждут королевского распоряжения насчет массовой облавы, да только помяни мое слово, ничего толкового из этого не выйдет. Если б кто меня спросил, то лучше б не запечатывали их, а ссылали куда на остров. И пусть бы они там сами друг друга попереубивали, а не плодились здесь.

Меня передернуло. И это говорит маг?

Цепкий взгляд мужчины тут же метнулся в мою сторону.

— У вас имеются другие соображения на этот счет, миледи?

— Что вы, господин, — спокойно отозвалась я. — Откуда соображения у женщины?

Маг только хмыкнул, признав за мной право не вступать в полемику. Он уже повернулся к нам спиной, но я, поколебавшись, все же его окликнула:

— Как его зовут? Того мальчика, который прятался.

— Тед Райан, — бросил маг. — Хотите послать ему открытку со своими искренними соболезнованиями, миледи?

— Мальчик талантливый, думала за него похлопотать, найти спонсора, чтобы оплатить обучение, — не дрогнув, соврала я. — Не подскажите, почему оно сейчас?

Маг молча сверкнул злым взглядом и вышел из подъезда, громко хлопнув дверью, подтвердив тем самым мою догадку — обучался он вовсе не по государственной стипендии. И если в кругу аристократии это считалось естественным и в какой-то степени престижным — нанять лучшего из лучших, то в среднем классе означало, что способностей для поступления на бюджетные места не хватило, и родители, печально вздохнув, принялись отсчитывать монеты на безбедное будущее чадушки.

Зачем мне нужно было имя неудачливого самоучки, я сама толком не знала. Слова про спонсора были блефом чистой воды — где я его найду? Кто возьмется спонсировать попавшего за решетку мальчишку из трущоб? Нарушителя закона? Я даже Къера об этом попросить не посмела бы, что уж говорить о посторонних богачах... Возможно, мне просто хотелось запомнить это имя. Для себя.

— У вас острый язык, леди Эрилин. — Мои мысли оборвал голос коллеги, звучавший, на удивление, без малейшего осуждения.

— Если бы еще это считалось достоинством... — Я улыбнулась.

— Вы отправитесь в департамент со мной?

Поколебавшись несколько мгновений, я все же отказалась, сославшись на незаконченные дела.

На мое счастье, Тарн Гейл не стал интересоваться, что у меня за дела в рабочее время, пожелал всего доброго и был таков. А я направила свои стопы в сторону Ланландского всенаучного университета — где еще искать «профессора», если не там?

Родная кафедра криминалистики встретила меня студенческим гомоном, заинтересованными взглядами и профессором Штайном, покидавшим аудиторию как раз, когда я проходила мимо.

— Леди Э'гилин? Вы ли это? Я не ве'гю своим глазам!

Он поправил пенсне и устремился ко мне семенящим шагом, не обращая внимания на отпрыгивающих с его пути студентов. Мне в общем-то было без разницы, кого из бывших преподавателей пытаться первым, все равно мой интерес лежал совершенно в иной научной области, и здесь мне нужны были только имена тех, кто действительно может помочь, поэтому я радостно улыбнулась и присела в почтительном реверансе.

— Профессор Штайн, о, я так рада вас видеть.

— Взаимно, до'гогая леди, взаимно. Наслышан о ваших п'гофессиональных успехах, иск'генне го'гд.

Эх, профессор, гордиться пока нечем! Мыть пробирки меня учили не вы, а лаборант...

— Чем обязаны? Вы за консультацией?

— Да, но в несколько иной сфере. Видите ли, профессор, мне нужен специалист по печатям, желательно в летах. Я, конечно, могла бы сразу направиться на кафедру теоретической магии, но подумала, может быть, кто-то мог бы мне посоветовать надежного человека...

— В нашем униве'ситете, до'гогая леди, п'гофанов не де'гжат, — с суровым пафосом отрезал профессор Штайн.

Но, прежде чем я успела его заверить, что ничего подобного в виду и не имела, он добавил, что лучше всего мне отыскать профессора Блайнта — выдающаяся личность, редкой силы структурный маг, практик, теоретик и широчайших знаний человек.

Меня больше интересовали артефакторы, коль скоро дело касалось печати, но я промолчала. В конце концов, язык приведет меня к тому, к кому нужно. Еще неизвестно, как отнесутся к моим расспросам специалисты по печатям с царящей в мире пропагандой всеобщего от нее блага.

Здесь с насюда нельзя, нужно осторожно, чтобы не возбудить лишних подозрений, а то мало ли «профессор» все еще жив...

Я хочу вызнать правду, но не горю желанием, чтобы она стоила мне жизни.

Поблагодарив профессора Штайна, я вознамерилась распрощаться, но бывший преподаватель меня остановил.

— А что там у вас с Живоде'гом? — Темные, блестящие, как у жука, глаза пытливо смотрели на меня поверх пенсне.

— Вы же знаете, профессор, я не имею права раскрывать детали следствия.

— Значит, еще не поймали и понятия не имеете, как искать, — вынес свой вердикт криминалист-теоретик. — Что ж, если позволите, маленький совет от ста'гого учителя. В данном случае стоит искать не мотив, а человека.

— Почему? — заинтересовалась я.

— Потому что мотивов преступлений подобного ха'гакте'га гораздо больше, чем людей, способных их сове'гшить. Более того, они могут быть настолько невероятными, что в любом случае не п'гидут вам в голову. Все дело в человеке, до'гогая леди. Все дело в личности убийцы.

Хорошо говорить — ищите человека. Вопрос только в том, как его искать, когда, помимо крохотного хобби — лишать людей жизненно важных органов, — о нем больше ничего не известно. Ах да, добавим профессиональное владение скальпелем. Так что теперь, всех врачей и целителей в городе допросить? Времени уйдет куча, а толку — чуть.

С этими мыслями я распрощалась со своим бывшим преподавателем и поспешила на факультет магических наук.

Его здание стояло особняком, через длинный сквер, создавая иллюзию некоторой защищенности остальных корпусов от взрывоопасного соседства. Конечно, на этапе высшего образования риски того, что кто-нибудь из магов сорвется, были минимальны, но и помимо срыва магам было чем угрожать обществу, так что от обилия защитных и гасящих сетей, опутавших стены, у меня сводило скулы, а в рот будто песка насыпали, и он противно скрипел на зубах.

Пара студентов с одухотворенным снисхождением на лицах подсказала мне, где отыскать многоуважаемого профессора Блайнта, и я направилась на второй этаж южного крыла. В коридорах было на удивление тихо. В нашем корпусе даже во время занятий студенты сновали по коридорам, сидели на подоконниках и на полу. Кто-то прогуливал, кому-то было скучно идти домой, кто-то приходил раньше и ждал начала занятий. Здесь же, кроме двоих магов на входе, я больше не встретила ни души. Только мои каблуки звонко стучали по мрамору, да, если остановиться, можно было услышать, как из-за закрытых дверей доносятся голоса лекторов.

Магам некогда было смеяться в коридорах и растекаться по окрестным пабам. Маги учились. Я присела на скамью напротив двери с табличкой «Профессор Роджер Блайнт. Теоретическая магия. Структурная магия. Магия взаимосвязей». О том, что собой представляет последнее, я не имела ни малейшего представления, но послужным списком впечатлялась.

Спустя полчаса дверь распахнулась и оживленно переговаривающаяся группа юношей покинула аудиторию, не обратив на меня ни малейшего внимания. Я мышкой нырнула в кабинет.

— Профессор Блайнт? — на всякий случай уточнила я, и мужчина, склонившийся над бумагами, вскинул на меня удивленный взгляд — женский голос в этих стенах звучал куда реже, чем заклинания.

— К вашим услугам, — неторопливо произнес он, разглядывая меня как диво дивное.

— Леди Эрилин Рейвен, криминалист департамента по контролю магии. — Я предъявила значок, и удивления в глазах профессора стало еще больше. — Мне хотелось бы задать вам несколько вопросов, если у вас найдется немного времени.

— Прошу, — Роджер Блайнт кивнул на придвинутый к столу стул. — Я вас внимательно слушаю.

Список вопросов я за время ожидания, конечно, обдумала, но все равно заколебалась на несколько мгновений, прежде чем задать первый. Было любопытно и страшно одновременно. Будто я намеревалась ткнуть палкой в кучу тряпья, под которой могла скрываться гадюка.

— Мне посоветовал к вам обратиться профессор Штайн, и, возможно, вы переадресуете меня к другому специалисту, но мне необходимы сведения о печати. Как можно более детальные.

— Печати? Помилуйте, миледи, я не могу вам за десять минут рассказать материал годового курса артефакторов. Не могли бы вы спросить что-то более конкретное?

— Главным образом меня интересуют побочные эффекты печати. Может ли она сорваться, может ли быть поставлена неправильно, может ли нести в себе какой-либо дефект, нарушающий ее работу?

— Первое категорически невозможно. Поставленную печать уничтожить нельзя, этим озаботились еще наши далекие предки до изобретения печати Стэнли. Что же касается ошибок в наложении — да, это возможно, но только в том случае, если печать накладывают самоучки черного рынка. Нашим выпускникам необходимую процедуру так вколачивают в голову, что они способны правильно наложить печать даже в состоянии глубокого алкогольного опьянения. И я сейчас не шучу, миледи.

— А что может быть сделано не так?

Я заходила издали и интересовалась текущим положением дел, а не прошлым. Мало ли какая информация может понадобиться маг-криминалисту в связи с расследованием? Мы часто обращаемся к узким специалистам во всевозможных областях. Как, например, я терзала отца Герберта. И через неполадки современной печати я надеялась ненавязчиво свернуть разговор к делам прошлым.

— Вам известно, что на деле существует несколько видов печатей? — Я отрицательно покачала головой, профессор кивнул и продолжил: — Их существует три типа по размерам и четыре по направленности дара. Стихийника не запечатывают так же, как целителя, а целителя — как артефактора. А на человека, близкого к срыву после нескольких годов обучения, не ставят ту же по размеру печать, что и на того, у кого дар только-только проявился.

— И что происходит в том случае, если печать поставлена не та?

— Ничего, — спокойно отозвался профессор. — Я имею в виду, что если вы поставите структурнику печать целителя, то она не произведет ровным счетом никакого эффекта. «Окно» в ауре продолжит расширяться и закачивать магическую энергию в тело носителя, пока не наступит тот момент, когда он не сможет больше ее удерживать и не случится срыв. В случае если печать больше или меньше по размеру, чем требуется, возможны варианты, приводящие в общем-то все к тому же результату. Главная проблема заключается в том, что печать можно поставить только единожды и нельзя исправить, поэтому артефакторов, специализирующихся на установке печати, учат очень жестко. Вы же знаете, что в этой сфере существует строгий контроль, имя каждого, кому была поставлена печать, заносится в списки, и эти списки регулярно проверяются, чтобы выявить халатность, коли таковая случится. Так вот я могу вам с уверенностью заявить, что за последние десять лет нет ни одного случая, когда дипломированный артефактор неправильно установил печать.

Я кивнула сама себе. Статистика — вещь хорошая. А еще — легко подделываемая при желании. Нет, я не думала, что профессор меня обманывает. Он просто мог обманываться и сам. — Подскажите, а печать «по-живому» еще ставится? Я слышала, что есть приверженцы старых практик...

— Возможно, приверженцы старых практик и есть, но где вы найдете того, кто захочет подвергать себя варварскому изуродованию вместо недолгой и легкой процедуры? Да, в первые годы изобретение Стэнли вызывало многие опасения, как и любое кардинальное новшество, но со временем люди поняли, что оно не представляет ни малейшей опасности. Более того, помимо эстетического аспекта усовершенствован и практический.

— И в чем заключается это усовершенствование?

— В отличие от новой печати старая была универсальной. Одинакова для всех, в этом было ее своеобразное преимущество, с одной стороны, и глубокий недостаток — с другой. Скажем, говоря об «окне», если новая печать — это подогнанные под его размеры и форму ставни, то старая — наглухо заколоченные грубые доски. Прежние запечатанные не могли воспринимать магию, более того, вместе с потерей этого «органа» чувств они могли лишиться и какого-нибудь другого. Не полностью, нет, но часто вместе с печатью терялась острота зрения, или слуха, или чувствительность конечностей.

В свете этих знаний многое вставало на свои места. Можно было легко предположить, что кто бы ни создал печать за два года до ее официального изобретения, он не мог сразу прийти от единой печати к двенадцати ее разновидностям. Как результат, согласно словам профессора, неправильная печать просто не работала, маги срывались и крушили все вокруг.

Я все больше склонялась к тому, что Стэнли и был тем самым «профессором», неудачно запечатавшим Майка. Получить разрешение на опыты над людьми, а тем более магами, сложно.

А неудача может безвозвратно разрушить репутацию и поставить крест на блестящем будущем. Неудивительно, что он предпочел провести первые испытания тайно. Вопрос только в том, как ему это удалось...

— Поразительное изобретение, — улыбнулась я, продолжая разговор. — Оно определенно сделало мир лучше.

— Во многом — несомненно, — согласился профессор.

— Во многом, но не во всем? — удивилась я. — Но вы сами только что сказали, что печать безупречна, а артефакторы, которые ее ставят, — высочайшей надежности специалисты.

— Дело не в печатях и не в артефакторах, миледи. — Мужчина потер подбородок и взгляд его сделался задумчиво-философичным. — Любой научный прорыв несет с собой последствия как положительные, так и отрицательные, просто последние бывают либо незначительны, либо не заметны на первый взгляд. Маги раньше проходили естественный отбор — слабые умирали, сильные выживали, теперь же этот отбор производят люди, а не природа. И результаты его иногда плачевны. Нет, я не говорю о том, что конкурсы на поступление в магические школы проводят недобросовестно, это не так. Увы, в данной ситуации человеческий фактор сработал иначе. Проблема в тех, кто приходит на этот конкурс. Да, обучение проходят сильнейшие, но сильнейшие из тех, кто рискнул. А сколько их — тех, кто побоялся? Кто просто не подумал, что является носителем уникальных способностей?

Я открыла было рот, чтобы высказать вежливо-отвлеченное мнение и вернуться к интересующему меня вопросу, но каким-то образом, видимо, умудрилась наступить профессору на большую мозоль, и он продолжил с затаенной дрожью в голосе:

— Раньше запечатывание мага было тяжелой, рискованной, болезненной процедурой, и ее имели право выполнять только виртуозы, профессионалы высочайшего класса, которые, прежде чем эту самую процедуру провести, тщательнейше разбирались, что за дар им необходимо запечатать. Иногда такие жемчужины находили! Именно потому, что были истинными мастерами. А что теперь? Не ремесло, не искусство — мануфактура. Поточное производство — без души, без индивидуального подхода. Лепят кому попало, а в результате допуск к обучению получают крепкие середнячки, а не гении и таланты, которые, вместо того чтобы вносить неоценимый вклад в развитие магии, отправляются бумажки заполнять, улицы мести или убивать здоровье на заводе.

Что ж, господин Блайнт определенно не является слепым поклонником изобретения Стэнли. А это, между прочим, прекрасно. Значит, я могу уже свободнее спросить о...

— Вы только представьте, миледи. Я уже пять лет ищу себе ученика. Пять лет! За пять лет ни одного молодого человека со структурными способностями выше среднего! Ни од-но-го. Все поступающие — достойные молодые люди, со стабильным, неплохо развитым даром, но позвольте. Являясь, опустим ложную скромность, одним из самых сильных структурных магов королевства, я не вижу смысла вкладывать свои знания и умения в того, кто никогда не сможет применить их по назначению в полной мере. Иногда мне кажется, что еще год — и я пойду по улицам разыскивать себе ученика самостоятельно, отчаявшись обнаружить его среди поступивших!

И тут меня дернуло.

— Извините, что я перебыю вашу мысль, профессор Блайнт, но не могли бы вы мне объяснить, что значит «зеркалка на семь узлов»?

Мужчина подавился недосказанной репликой и посмотрел на меня недоуменно.

— Зеркалка — зеркальный щит. Одно из структурных заклинаний. Аналог широко распространенного отвода глаз, только более надежный, еще известен как «полог невидимости». От количества узлов — опорных точек — зависит устойчивость, надежность и сила действия щита. Начинающие маги могут поставить зеркалку на один, максимум два узла. Три — пять — уже считается неплохим результатом. Ну а семь... а с чего вдруг вы?..

— Если я скажу вам, что в департаменте ждет запечатывания мальчик-самоучка, поставивший эту самую зеркалку на семь узлов? Ему не больше шестнадцати.

— Не может быть! — жарко воскликнул профессор. — Вы уверены? Не ошиблись?

— Уверена.

— Господи милостивый! Самоучка? Семь узлов? Милая моя леди, это же бриллиант! Это же чудо! Я должен немедленно подать запрос, провести с ним беседу, если все подтвердится, то

возьму все расходы на его обучение... семь узлов! Сейчас же побегу к ректору, и, возможно, уже завтра...

Я прикусила губу. Завтра... с самоучками не церемонились, его могли запечатывать уже прямо сейчас, не то что завтра. А зная нашу бюрократию, когда запрос университета дойдет до департамента, там уже вообще забудут, о каком Теде Райане идет речь.

Мне отчаянно хотелось помочь мальчишке. Но кто будет слушать простого криминалиста, да еще и, прости господи, леди!..

— Пишите запрос и отдавайте мне, — решительно произнесла я. — Времени на официальную процедуру нет, я сама этим займусь.

Профессор не стал задавать вопросов и бросился писать требуемую бумагу. А я терпеливо ждала и размышляла, как деликатно намекнуть многоуважаемому герцогу Тайринскому, что леди Эрилин Рейвен жаждет использовать его в личных целях...

— Я хочу подарок! — деликатно объявила я.

— Подарок?

Кардинальная перемена в моей жизненной позиции изумила Кьера настолько, что он даже прекратил меня целовать.

Заявиться к нему в кабинет я не рискнула. Не пристало обыкновенному криминалисту через день шастать по кабинетам высочайшего начальства. Вместо этого отправила якобы служебную записку от заместителя Трейта, с просьбой встретиться. И если муки совести меня и терзали, то отнюдь не за подделку и использование чужого имени, а за выбор места для встречи. Заманить герцога в чулан с инвентарем уборщицы... леди, как неприлично! Где ваши манеры? Чему вас маменька учила?

«Определенно не этому», — сама себе отвечала я, плаваясь под жгучими поцелуями. Герцог был верен себе и не желал терять даром ни минуты совместного времени. И на несколько мгновений я даже позабыла, зачем, собственно, мне нужно было его увидеть.

— Да, подарок. — Я уперлась ладонями в широкую грудь и отклонилась назад, чтобы заглянуть Кьеру в глаза.

— Какой?

— Давай ты выдашь распоряжение освободить Теда Райана и не ставить ему печать?

— Кто такой Тед Райан? — Кьер окончательно остыл, отступил на полшага — большего размера чулана не позволяли — и смерил меня задумчиво-озадаченным взглядом.

— Мальчик-самоучка с редким структурным даром. Его при мне схватили сегодня во время облавы. Профессор Блайнт из Ланландского университета давно разыскивает себе ученика и готов взять его к себе...

— И что ты, позволь спросить, делала во время облавы?

— Не во время облавы, а на месте облавы! — Зарождающийся грозный рокот в интонациях герцога мне определенно не понравился, и я поспешила увести разговор подальше от острых углов. — Так подаришь?

— Мальчика? — Кьер обреченно закатил глаза. — Эрилин, почему бы тебе, как нормальной женщине, не попросить бриллианты?

— Можешь и бриллианты подарить, если очень хочется. — Я шагнула вперед и, положив ладони на ткань сюртука, скользнула ими по груди, на шею, зарылась в темные волосы. — Но сначала — мальчика! Ну не жадничай...

Я привстала на цыпочки и ласково прихватила губами гладкую линию подбородка. Чужие ладони с силой сжали мою талию.

— Эри, он маг-самоучка. Освободить его вот так — это должностное преступление.

Намек понят. Я потерлась кончиком носа о шею, поцеловала бьющуюся жилку, прижалась теснее, куснула мочку уха и прошептала прямо в него:

— А если я тебя поцелую?

— Куда? — заинтересовался герцог.

— В щечку? — нахально предложила я и тут же привела предложение в исполнение.

Кьер недовольно поджал губы.

— Ну ми-илый...

— Нет.

— Ну пожа-алуйста... — Каждая просьба сопровождалась новым поцелуем, но с местами я, кажется, по-прежнему не могла угадать.

— Нет.

— Все, я обиделась.

— Нет.

— А если губки надуть?

— Покажи.

Я старательно показала, прибавив к этому еще и обиженный взгляд исподлобья.

— Неплохо. Но нет.

— Ну что ты хочешь?

Кьер склонился к моему уху и горячее дыхание щекотнуло кожу.

— Тебя.

Еще даже не поцелуй — ожидание поцелуя, — а сердце уже было готово выпрыгнуть из грудной клетки. Губы приоткрылись сами собой, ловя его — жадно, ненасытно. Желание скручивалось внизу живота в тугую пружину, и мне было все равно, если он задерет мою юбку и возьмет прямо здесь и сейчас, в пыльной кладовке, в разгар рабочего дня. Мысль об этом, наоборот, только усиливала ощущения, добавляла азарта в кровь.

Но нет...

Кьер отстранился — резко, почти рывком, так, что я даже пошатнулась и замерла растеряннo, хватая ртом воздух.

— Ладно, хватит, — хрипло выдохнул герцог, кажется, тоже с трудом справляясь с разбушевавшимися эмоциями. В черном взгляде читался такой голод, что мне хотелось самой потянуться к пуговицам блузки и завязкам юбки. — У тебя есть какие-то документы, что за мальчишку готов поручиться уважаемый научный деятель, или мне самому их добывать?

— Есть.

— Это упрощает задачу, — Кьер встряхнулся, оправил сюртук, и мое тело разочарованно и неудовлетворенно заныло. — Запечатывание я отменю сейчас же, вызывай этого своего профессора, пусть твой подарок забирает сам. И, леди Рейвен...

Резкий переход на официальный тон заставил меня недоуменно приподнять брови.

— Будьте так любезны, в следующий раз требуйте подарки во внерабочее время.

Я надменно фыркнула, пряча смех в глазах за вздернутым носом, и первой покинула кладовку.

Не улыбаться, шагая по коридорам департамента, было очень сложно.

Профессор Блайнт со своим новым учеником показались в дверях департамента, когда я уже утомилась поджидать их неподалеку, возле высаженных вдоль проспекта деревьев. Мне очень хотелось убедиться, что история и впрямь завершилась благополучно, но крутиться под носом у «незаконников» я не рискнула. Неизвестно еще, как бы они отнеслись к тому, что девица лезет в их вотчину. Хватит этого счастья с криминалистов. Да и мне недоброжелателей вполне хватает, спасибо.

Я облегченно выдохнула, когда увидела, что профессор не один — получилось! — и готова была удовольствоваться этим, как Роджер Блайнт сам меня заметил и решительно направился в мою сторону, придерживая паренька за локоть, будто боялся, что тот удерет. И, возможно, это и не было лишено доли правдивости, потому что восторга при виде меня спасенный явно не испытал. Колочий взгляд наполнился яростью и желанием осыпать мою голову самыми смертоносными проклятиями.

— Леди Рейвен! Какое счастье, что я вас застал. Мою благодарность не описать словами! Право слово, вы сама волшебница. Я не могу даже представить, через что вам пришлось пройти, чтобы все устроить с такой скоростью!..

И правильно, не представляйте! Еще чего не хватало, чтобы подобное представляли убеленные седины профессора...

— А ты чего стоишь, словно кол проглотил! — Почтенный маг отвесил ученику звонкий подзатыльник, взметнув темные вихры на макушке. — Поклонись спасительнице своей, дурень! Парнишка и впрямь не был идиотом. На долю секунды на его лице застыло озадаченное выражение, сменившееся затем изумлением и недоверием.

— Это вы? Вы сказали обо мне профессору Блайнту? — осторожно уточнил он.

— Я. — Здесь я улыбки не сдержала — уж слишком радостно было наблюдать, как эти двое нашли друг друга.

— Благодарю вас, миледи, — Тед и впрямь отвесил мне такой глубокий поклон, что сделалось даже неловко. — Я буду прилежно учиться, миледи, и если вам хоть когда-нибудь понадобится моя помощь...

— Поди-ка постой в сторонке пять минут, — перебил его профессор Блайнт, не дав договорить. И, когда паренек послушно выполнил указание, повернулся ко мне с крайне серьезным выражением на лице. — Благодарить будем по старшинству. Когда вы уже ушли, мне вдруг пришло в голову, миледи, что я сбил вас с разговора своими пространными рассуждениями. Могу ли я еще чем-то вам помочь? Вы действительно оказали мне неоценимую магическую услугу, по правде говоря, — мужчина старательно понизил голос, чтобы сказанное наверняка осталось между нами, — способность контролировать поток у мальчика совершенно уникальная. Он не просто талантлив, он гений. И если бы не вы... Только скажите, что я могу для вас сделать.

Я хотела сначала вежливо отмахнуться — да что вы, не стоит. А потом подумала — а почему, собственно, не стоит? Профессору я верила. Не стал бы человек, столь сильно ценящий магический талант, участвовать в той афере с печатями. Мои предположения хоть и обрели некоторые четкие очертания, но пока не подтвердились, а к миру магии структурник куда ближе, чем я, так что...

— Вы, случайно, не знали господина Стэнли? Изобретателя печати?

— Только понаслышке. Он не был большим любителем научных кругов. Одиночка, как и многие гении.

— В таком случае вы вряд ли сможете подсказать, обладал ли он каким-либо дефектом речи... — Я внимательно смотрела профессору прямо в глаза, но, кроме вполне логичного недоумения, в них ничего не разглядела.

— К сожалению, не в курсе. Исходя из вашей профессии, я полагаю, мне не стоит интересоваться, почему вас интересует эта информация?

— Правильно полагаете.

— Давайте так. Что именно вам нужно знать об изобретателе и печати? Я найду все, что только можно теперь найти, клянусь.

— Личность, ближайшее окружение, родственники, детали совершенного открытия, — старательно перечислила я. — Все то, что не написано в учебниках, а можно узнать только у людей, лично с ним знакомых.

— Я понял. — Профессор сосредоточенно кивнул, будто уже прикидывал список тех, с кем намеревался побеседовать. А может, и впрямь прикидывал. — Я постараюсь добыть эти сведения как можно скорее и сразу же их вам переishлю.

— Только не в департамент, — поторопилась уточнить я и назвала магу свой адрес. Если это его и удивило — вида он не подал. Заверил меня, что запомнил и исполнит все в точности, попрощался, окликнул спасенного самоучку и удалился, похоже, прямо на ходу начиная втолковывать ученичку какие-то прописные истины.

Я несколько мгновений смотрела им вслед, испытывая удовлетворение от хорошо проделанной работы, и, вздохнув, принялась подниматься по ступенькам департамента.

Вот так, никогда не знаешь, к чему именно приведет тебя цепочка случайных встреч, случайно брошенная фраза, случайный поворот не туда. Наверное, все же мне досталось что-то от знаменитого везения семейства Рейвен, которое всегда позволяло отцу обернуть любое дело в его пользу.

Почти всегда.

Тогда, пятнадцать-шестнадцать лет назад, я очень долго не могла понять, за что папу наказали?

Ведь он же ничего не сделал! Он просто «дал пару финансовых рекомендаций приятелям из клуба» — эта фраза, которую я случайно услышала из разговоров взрослых, казалась мне все объясняющей. Все извиняющей.

Ведь это те самые загадочные «приятели», которые пили с папой бренди, курили сигары, обсуждали скачки и охотничьих собак — это они, они злоумышляли против короны, это они заговорщики, а папа здесь ни при чем!

Разве можно так страшно, так жестоко наказывать за... за совет?

Вырванная из привычного окружения, лишенная всего того, что казалось само собой разумеющимися мелочами и потому не замечалось, я все больше распалялась в своем негодовании и, наконец, пришла с ним к отцу, чтобы поведать ему о справедливости, как ее понимают маленькие девочки («Все мне и сейчас же!»).

Отец помолчал, подбирая слова. А потом взял меня за руку и повел гулять по поместью. Тогда, в первый год, по приказу короля у нас еще квартировал небольшой отряд гвардейцев. Отец подвел меня туда, где на хозяйственном дворе, у конюшен, чистил коня один из них, остановился поодаль и спросил:

— Эрилин, как ты думаешь, за что служит этот человек?

— Служить королю — это честь! — уверенно озвучила я очевидное, недоумевая, с чего бы вдруг папе, виконту Рейвену, вздумалось задавать такие пустые вопросы? Даже Грей, глупый мальчишка, это знает и рассказывает всем, как однажды он будет ездить с блестящей шпагой в красном мундире на белом коне.

Отец улыбнулся и начал рассказывать. О том, что люди, простые люди, служат в большинстве своем не за одну лишь честь. И о том, что деньги — это не только платья, ленты и куклы от мадам Брауль. О том, что «финансовые советы», раздаваемые небрежно и бездумно, превращаются в золото. А золото — в наемников и оружие в их руках, в лояльность нужных людей и важную информацию, в благосклонность газетных служб и нужным образом подготовленное общественное мнение.

Да, для того, чтобы организовать заговор и совершить переворот, нужно обладать подходящим происхождением, преступным умом и влиятельными союзниками, сказал мне отец. Но без денег — всего перечисленного будет недостаточно.

Я тогда поняла две вещи. Во-первых, что деньги — это не только блестящие кругляшки и долговые расписки. А во-вторых, что надо с особой тщательностью следить за тем, что и кому ты говоришь.

Слова — то же золото. За них можно купить, за них можно продать. Их можно разменять на другие слова. И уж точно не стоит пускать их на ветер...

Роль 8 КОРОЛЕВА БАЛА

В доме царил хаос. Виконтесса в неглиже, босая, со смешно подпрыгивающими колечками волос, перевязанными белыми лоскутками, металась между тремя комнатами, преследуемая по пятам замученной Марианной, у которой, наверное, уже голова шла кругом от всех указаний с пометкой «немедленно».

Сборы на герцогский бал шли полным ходом, и маменька искренне верила, что без ее неусыпного надзора ни один из нас не сможет предстать в высшем свете так, как положено. В конце концов я не выдержала — захлопнула дверь и заперла ее на ключ, оставив себе в заложницы Марианну, чтобы та помогла с длинным рядом пуговиц на спине и сделала мне прическу.

Когда дорогая родительница не нарезала круги по комнате, ее причитания за дверью звучали привычным фоновым шумом этого дома и слух уже не раздражали. Иногда мне хотелось напрочь отказаться от всех светских раутов только из-за подобных представлений чересчур деятельной виконтессы.

«Она желает нам всем добра», — напомнила я себе традиционное утешение и расслабленно прикрыла глаза, пока ловкие пальцы горничной перебирали пряди моих волос.

В конце концов, точно такой же концерт в доме стоял почти месяц назад, когда маменька собирала нас с Греем на департаментское торжество.

Мысли об этом приеме окончательно отодвинули на второй план царящую в доме суету и погрузили в приятные воспоминания.

Получив приглашение на департаментский прием, я была более чем удивлена. Он устраивался раз в год для высших чинов с супругами, ближайшими друзьями и коллегами

из других департаментов. К высшим чинам я не относилась и уж тем более не была ничьей супругой. Но приглашение — вот оно, в руках.

Одно объяснение у меня было, но оно казалось слишком невероятным.

После совместного визита к архивариусу и обеда в очаровательном провинциальном ресторанчике мы с герцогом Тайринским один на один больше не беседовали. Да мы и в принципе больше не беседовали — несколько раз пересекались в холле, обменивались приветствиями и расходились каждый по своим делам. Правда, меня упорно терзало какое-то ощущение недосказанности, висящее в воздухе. К «Добрый день, ваша светлость» упорно хотелось добавить «Хорошая сегодня погода, не правда ли?», но всякий раз я себя одергивала. Мало того что он несравнимо выше меня по статусу, он еще и мой начальник! Что за панибратские замашки с намеком на светскую беседу?

И я ограничивалась вежливой улыбкой.

Но однажды после очередного такого столкновения черт меня дернул обернуться, когда я сделала уже несколько шагов прочь. Герцог смотрел мне вслед. И вместо того, чтобы отвести взгляд, торопливо отвернуться, я так и застыла, глядя в черные магнетические глаза, пока мужчина первым не разорвал контакт, сдержанно склонив голову.

А на следующий день я получила приглашение. И теперь кусала губы, трясясь в карете вместе с сопровождавшим меня Греем, и откровенно нервничала. Пусть я и не дебютантка осьмнадцати лет от роду, но это мой первый прием в столице. А еще — это первый столичный выход в свет семейства Рейвен после опалы, пусть и не в полном составе.

Грей, в отличие от меня, излучал восторг и энтузиазм. Его не пугала, наверное, даже смерть, при условии, конечно, если он погибнет в бою с именем его величества на устах. Куда уж там высшему обществу...

Сияющий огнями герцогский особняк встретил нас плывущими по воздуху голосами, искрами смеха и переливами музыки, доносящимися из распахнутых окон второго этажа.

Лакей на входе принял мой плащ, и я зябко повела непривычно открытыми плечами, которые вкупе с глубоким декольте оставляли легкое ощущение, будто на мне вообще ничего нет.

Герцог оказывал гостям честь, лично встречая каждого, а может быть, это нам повезло, потому что, когда мы вошли, высокая массивная фигура, облаченная в идеально скроенный фрак, оказалась совсем рядом.

— Леди Рейвен. — Красивые губы тронула улыбка, а черный взгляд, скользнув по фигуре, встретился смогши глазами. — Вы обворожительны сегодня. Впрочем, как и всегда.

— Благодарю, ваша светлость. — Я скромно опустила ресницы и протянула руку для поцелуя. Мои пальцы утонули в широкой ладони, прикосновение чужих губ к коже было мимолетным, практически неосязаемым, но сердце отчего-то на мгновение сбилось с ритма. Рука у герцога была твердой, шершавой и какой-то... надежной.

— Не имею чести быть знакомым с вашим спутником...

— Мой брат...

— Лорд Грей Рейвен. — Родственник развернул плечи и приосанился. — Энсин Карванонского полка.

Герцог кивнул и снова повернулся ко мне.

— На правах хозяина вечера прошу оставить первый танец за мной, леди Рейвен.

— Почту за честь, ваша светлость. — Я присела в реверансе, и высокое начальство растворилось среди прибывающих гостей.

— Сам герцог, Эрилин! Тебя пригласил на первый танец сам герцог! — яростно зашептал мне на ухо Грей. — Слушай, может, маменька все же права и еще не все потеряно? И найдется дурак, который захочет на тебе жениться? Да не кривись ты, а улыбайся!

Мне стоило больших усилий сдержаться и не ткнуть балбеса в бок локтем, с учетом того, что именно с этими наставлениями матушка и выпроваживала нас из дома. Она на полном серьезе поручила братцу проследить, чтобы я не отпугивала потенциальных женихов.

Потенциальным женихом в моем запущенном случае считался любой мужчина старше восемнадцати и с доходом, начиная от трех тысяч толлов в год. А если у него помимо совершеннолетия и мало-мальской обеспеченности имелся еще и какой-никакой титул, то жених возводился в ранг первоочередной жертвы маменькиных амбиций.

А потому я цепко сжала пальчиками братский локоть, постаравшись, чтобы мои коготки он ощутил даже сквозь плотную ткань парадного мундира, и с улыбкой пропела ему в ухо:

— Если ты еще раз за все время приема упомянешь женихов, я сделаю твою жизнь под крышей нашего славного дома невыносимой.

— А какая она, по-твоему, сейчас?

— Прекрасная и беззаботная, мой родной, прекрасная и беззаботная. Так что невыносимость ты вполне способен себе представить.

Мой авторитет в области издевательств над кровным братишкой был непререкаем, поэтому Грей только буркнул что-то невразумительное и с независимым видом принялся озираться вокруг. Судя по тому, что взгляд его остановился на хихикающей группке юных дебютанток в пастели всех цветов радуги, о собственном долге продолжать славный род Рейвенов он помнил прекрасно и намеревался подойти к вопросу со всем рвением.

— Иди. — Я выпустила его рукав и разгладила образовавшиеся складки. Грей посмотрел на меня с сомнением, и я добавила: — Иди-иди, я в состоянии о себе позаботиться.

Я проследила, как он решительно приближается к стайке бальных бабочек, и те при виде юного офицера стремительно преображаются — гордые осанки, томные взгляды, трепещущие крылышки вееров. И, глядя на них, я впервые, пожалуй, ощутила себя безнадежной старой девой.

— Надо же, я хотел похитить вас у спутника, а он добровольно уступил мне место, — голос герцога над ухом заставил меня вздрогнуть. Я обернулась и увидела, как мужчина протягивает мне высокий хрустальный бокал. — Шампанского?

— Ваша светлость крайне внимательны, благодарю. Это ведь вам я обязана приглашением?

— Мне, — не стал отрицать герцог.

— И чем же я заслужила такое внимание? — Я одарит собеседника полуулыбкой и чуть склонила голову, изучая его заинтересованным взглядом.

И вместе с этим осознала, что флиртую. Невольно, бессовестно, совершенно естественно — флиртую!

— Мне всего лишь захотелось увидеть леди, с которой я познакомился в пути к многоуважаемому лорду Эрбошу.

— Но для этого достаточно спуститься в отдел криминалистики и...

— Для того, чтобы увидеть леди — недостаточно, — спокойно перебил герцог.

Он смотрел так, что мне отчаянно захотелось облизнуть пересохшие губы, и вместо этого я поднесла к ним бокал шампанского.

Единственная женщина в мужском коллективе — студенческом, а потом рабочем, — к мужскому вниманию я привыкла: все же привлекательностью меня Господь не обделил. Но до сих пор от этого внимания, иногда молчаливо-пристального, иногда навязчиво-раздражающего, иногда нахально-напористого, мне легко удавалось отбиться.

А сейчас отбиваться не хотелось. Более того, жадная до этого внимания женская сущность старательно просачивалась сквозь возведенные укрепления, определенно не желая помнить о прошлых ошибках.

Разлившиеся в воздухе ноты вальса лишили меня необходимости как-то реагировать на последнее замечание герцога. Я оставила полупустой бокал на ближайший столик и приняла протянутую руку, чтобы проследовать вслед за хозяином дома в центр зала.

Движения были привычными, отточенными за годы обучения — вскинуть руку, пристроить на твердой мужской ладони, прогнуть спину, ощутить прикосновение к лопаткам, голову чуть вбок, и-и-и... раз-два-три, раз-два-три, раз-два-три.

Герцог вел умело. Массивное тело двигалось не с медвежьей неуклюжестью, а легко, пластично. С таким партнером даже самая неловкая дама могла почувствовать себя уверенно.

А я в полукольце рук неожиданно ощутила себя отрезанной от окружающего мира.

Люди вокруг исчезли, превратились в цветные смазанные пятна. Остался только паркет под ногами, музыка, растворенная в воздухе, и ощущение сильных рук, кружащих меня в танце.

Раз-два-три, раз-два-три, раз-два-три.

И мне казалось, что я кожей ощущаю прикосновение взгляда, очерчивающего контур моего лица, стекающего вниз по шее, по открытой линии плеч, на грудь, приподнятую корсетом. И казалось, что на очередном повороте меня инерцией прижало ближе, неприлично ближе, почти вплотную, но не было и мысли отстраниться, только сердце, и без того разогнавшееся в ритме вальса, заколотилось еще быстрее.

И когда мелодия оборвалась на пронзительной ноте и мир прекратил вращаться, я не посмела поднять на герцога глаза. Я не хотела, чтобы он прочитал в них то, что я в данный момент испытывала. Присев в глубоком благодарственном реверансе, я со всей доступной торопливостью покинула центр зала, спеша смешаться с толпой. Рука, которая только что лежала в чужой ладони, горела, а выровнять дыхание никак не получалось.

«Всего лишь долгое отсутствие танцевальной практики», — неубедительно заверила я сама себя и приказала успокоиться.

Это просто мужчина, Эрилин. Самый обыкновенный, чертовски привлекательный, умный и обаятельный мужчина, к которому девиц и получше тебя тянет, как мотыльков на пламя. Держись от него подальше.

Я подошла к окну, вдохнула свежий вечерний воздух, и в голове прояснилось, а сумбурные мысли, круто замешенные на внезапно всколыхнувшихся чувствах, растаяли практически без следа.

Их место заняли другие.

Теперь я ощущала на себе множество скользких взглядов — любопытных, оценивающих, озадаченных. Рассеянное внимание почти всех присутствующих сосредоточилось на моей скромной персоне: «Кто она? Откуда она? Почему именно она?» И мне казалось, что я могу почти слышать шепот, передающий из уст в уста имя — леди Эрилин Рейвен.

Дочь виконта Рейвена. Да-да, его, опального виконта Рейвена. Работает криминалистом в департаменте. Да, вы представляете? Работает! Криминалистом! Боже, какой скандал!

Ох, герцог, и удружили вы мне! Хорошо хоть, следом не кинулся!

Размечталась. Еще бы он кинулся...

Я машинально мазнула взглядом по головам, выскивая черную макушку, и сама на себя за это рассердилась. Но предаться очередному мысленному воспитанию ветреной женской природы мне не дал подошедший мужчина средних лет, с пышными бакенбардами и орлиным носом.

— Сэр Реджинальд Фолкс, миледи, вы позволите пригласить вас на следующий танец?

Ну вот, пожалуйста. И женихи пожаловали.

— Почту за честь, сэр Фолкс.

Грей смотрит? Смо-отрит. Вот и славно. Пусть маменька порадует, какая у нее послушная дочь.

А следом были господин Саммерс, лорд Сейшел, господин Веймур, мсье Арно. Последний являлся обладателем тощей фигуры, тонких форсийских усиков, забавного акцента с ударением всегда на последний слог и такого заразительного смеха, что не хихикать в веер над его шутками было просто невозможно, даже если они были абсолютно не смешны. И мы прекрасно проводили время, пока к форсийи не подошел лакей с каким-то сообщением. Месье Арно извинился, раскланялся и отошел, забавно подпрыгивая, как долговязый кузнечик.

Я с улыбкой наблюдала за его удаляющейся фигурой и благополучно проворонила приближающуюся опасность, несмотря на то что в этот раз герцог подкрался не со спины.

— Я настолько плохо танцую? — Полуулыбка на его губах смотрелась до невозможности искусительно.

— Простите? — Я старательно изобразила изумление.

— Насколько стремительно от меня еще не убежали.

— А от вас когда-нибудь убежали в принципе? — искренне заинтересовалась я.

Улыбка переросла в ухмылку.

— Не припомню.

— Значит, вы вполне могли перепутать побег с... допустим, стеснительным отступлением? — Я прикрыла нижнюю часть лица веером, бросив в собеседника кроткий взгляд из-под ресниц.

Это было неразумно. Категорически неразумно, но я ничего не могла с собой поделать. Мне до невозможности льстило это пристальное внимание.

— Несомненно, мог, — на удивление легко согласился герцог и тут же исправился: — Если бы речь шла не о вас.

— Вы считаете, что мне чужда стеснительность? — «оскорбилась» я.

— Скорее отступление. У меня создалось ощущение, что вы никогда не сдаетесь.

— Отступить и сдаться — не одно и то же. Иногда для того, чтобы одержать победу, необходимо на время оставить прежние позиции. История знает немало таких примеров, например Вайзенбергская кампания или марш-бросок генерала Финнегана, когда для того, чтобы взять Лунный форт, он...

Герцог вскинул руку.

— Теперь я сдаюсь, миледи, вы задавили меня своей эрудицией.

— Прошу прощения, ваша светлость. — Я смиренно склонила голову. — Как это невоспитанно с моей стороны — ставить в неловкое положение хозяйина дама. Угодно ли вам будет продолжить беседу о там, что входит в область ваших знаний?

— Угодно, — благосклонно согласился мужчина и протянул мне руку, а в ответ на мой озадаченный взгляд пояснил: — Я прекрасно танцую кадрили, а она будет следующей.

Кадриль — это не вальс, рассудила я, кадриль к неуместной романтике не располагает. И согласилась.

Чтобы позже убедиться, что мое мнение о кадрили мне надо решительно пересмотреть. Куда более редкие прикосновения будоражили еще больше. Кроме того, здесь полагалось смотреть партнеру в глаза.

Сближения, удаления, смены партнера, возвращения. В этом танце я касалась мужской ладони лишь кончиками пальцев, и все равно они будоражили чувства. И воображение.

Герцогские знаки внимания отнюдь не были двусмысленными. И, несомненно, неженатый мужчина имеет полное право оказывать эти самые знаки незамужней даме, даже если не имеет серьезных матримониальных намерений, иначе все балы превратились бы в страшную скуку. И, несомненно, это ни в коем случае не оскорбляет ее достоинство, если не переходит определенную черту.

И я поняла, что мне самой отчаянно, до дрожи, прямо сейчас хотелось узнать, а что за ней — за этой чертой. Не в общем смысле, а в данном конкретном, с данным конкретным мужчиной.

Собственная мысль на мгновение испугала. А потом новое прикосновение, новый взгляд, тронутые улыбкой губы.

Чего бояться? Как женщине, терять мне уже, прости господи, нечего.

Как леди? Как его подчиненной?..

Репутации беспринципного повесы герцог не имеет. Какие бы у него ни были связи, в обществе они не афишируются. Это плюс.

Если что-то пойдет не так, с местом работы я скорее всего могу распрощаться. Это минус.

Мне вдруг стало смешно.

Может, надо слушать маменьку — и замуж? А то мужчина пару раз со мной потанцевал, а я уже в подобные размышления пустилась.

Впрочем, есть простой способ во всем разобраться. И, когда кадриль закончилась, а герцог любезно проводил меня из танцевального круга, я, обмахиваясь веером, пожаловалась на нехватку воздуха и испросила у любезного хозяина указать мне дорогу в сад.

Удаляясь, я лопатками ощущала жгучий взгляд и уже знала наверняка — герцог за мной последует.

Выйдя сквозь широко распахнутые стеклянные двери на полукруглую террасу, огороженную толстыми мраморными перилами, я глубоко вдохнула свежий пьянящий воздух. Осенний холодок омыл тело, успокаивая разгоряченную кровь, но безрассудных идей из головы не выветрился.

Здесь было тихо и куда менее многолюдно — лишь несколько почтенных джентльменов оживленно беседовали в стороне, покуривая трубки, и запах дорогого табака мешался с ароматом дождя и мокрых листьев. Они меня, кажется, даже не заметили, чем я и воспользовалась, торопливо сбежав по ступенькам.

Под ногами зашуршал гравий. Через несколько шагов центральная, освещенная желтыми магическими фонарями дорожка начала давать ответвления, и я свернула наугад в одно из них, навскидку показавшееся самым темным. О том, как меня найдет герцог, я не думала. Я просто была уверена — уж он-то найдет.

Тропинка привела меня к огороженной кустами беседке, в центре которой журчал маленький фонтан — пухленький амур целился куда-то с определенно злорадным выражением лица, и из наконечника в виде сердца била струя воды. Да уж, антураж — нарочно не придумаешь!

Чтобы не стоять на месте и не мерзнуть, я обошла беседку по кругу, сопровождаемая пристальным взглядом упитанного вредителя.

— Между прочим, миледи, при взятии Лунного форта генерал Финнеган оставил позиции не из тактических соображений, а потому что сразу несколько полковых магов подхватили дизентерию, и он просто побоялся соваться без них на поле боя.

Сердце екнуло и упало куда-то в район желудка.

Я обернулась. Герцог стоял на ступеньках беседки с каким-то темным свертком в руках.

— Я вижу, ваша эрудиция к вам вернулась. — Я улыбнулась, надеясь, что в голосе не проскальзывает нервная дрожь. — Куда же она отлучалась на балу?

— Уступала место желанию потанцевать с очаровательной леди.

Герцог неторопливо приблизился, остановившись в полушаге, так, что аромат его одеколona уже ощущался, но дистанцию еще нельзя было назвать неприличной. А потом он протянул мне свою ношу, которая на деле оказалась свернутой пуховой шалью.

Я приняла ее с благодарностью и накинула на плечи. Да, так и впрямь лучше.

— Мне казалось, у человека вашего положения нет недостатка в желающих потанцевать очаровательных леди. — Я хитро прищурилась, теперь в открытую изучая его лицо.

— Возможно. Но вы прекрасно знаете, что очарование — далеко не единственное ваше достоинство, Эрилин.

От звуков собственного имени, произнесенного низким глубоким голосом, у меня пересохло в горле и захотелось судорожно сглотнуть. Нужно было что-то сказать, но, пока я подыскивала слова, герцог меня опередил.

— Вы меня интригуете, Эрилин. Меня к вам тянет. Я прекрасно понимаю, что не смогу дать вам то, на что рассчитывает женщина вашего положения, но...

С моих губ сорвался невольный смешок.

— Конечно, не можете, — рассудительно заметила я. — Мне и в голову бы не пришло, что герцог захочет отказаться от всех земель и титулов и стать торговцем средней руки. Из тех, что жаждут породниться со знатью, а потому закрывают глаза на более чем скромное приданое и запятнанную репутацию благородного семейства. И все это — исключительно ради того, чтобы оправдать наилучшие ожидания девушки моего положения.

— Уверен, вы стужаете краски. — Мужчина улыбнулся, к счастью, прекрасно уловив, что я шучу, а не жалуюсь. — Недостатка в кавалерах у вас я сегодня не заметил.

— А вы следили?

— Следил, — спокойно признал герцог.

В мою душу внезапно закралось подозрение, что мсье Арно, с которым мне было так весело, не удалился, а был устранен. Я могла бы продолжить беседу и дальше в ироничном ключе, полном флирта и намеков, но вместо этого просто спросила:

— Чего вы хотите, ваша светлость?

Герцог шагнул вперед, преодолевая расстояние в те самые приличные полшага, приблизившись ко мне вплотную, так, что для того, чтобы смотреть ему в глаза, мне пришлось вздернуть подбородок. У меня внутри от предвкушения все напряглось, натянулось звенящей струной.

— Для начала — перейти на «ты».

— Хорошо, — невозмутимо кивнула я. — Чего ты хочешь?

— Кьер.

— Кьер...

Выдерживать взгляд бездонно-черных глаз стало просто невыносимо, и я закрыла глаза. Не отстранилась, даже позы не поменяла — так и стояла, запрокинув голову, и вдыхала аромат одеколона, свежий, с легкими морскими нотками. И обострившимся восприятием особенно ярко ощутила прикосновение к щеке. Невесомое, обжигающее. Кончиками пальцев герцог провел от виска к подбородку, дотронулся до губ...

Я разомкнула их, судорожно вдохнув, а в следующее мгновение их коснулись уже не пальцы.

Легкий, как перышко, поцелуй обжег сначала нижнюю губу, затем верхнюю. Снова нижнюю. И я потянулась за ним всем телом, отчаянно желая ощутить ярче, полнее. Прижалась к сильному телу вплотную, царапая ногтями ткань фрака на груди, в которую уперлись мои ладони. Приподнялась на цыпочки, жадно требуя большего.

И желание было немедленно исполнено.

Никто и никогда не целовал меня так страстно. Возможно, потому что никого и никогда я не целовала так страстно — отдаваясь этому поцелую без остатка, будто через мгновение мир перестанет существовать, а губы этого мужчины — последнее, что я успею ощутить перед тем, как все канет в бездну.

К дьяволу правила! К дьяволу условности! Шанс того, что я встречу достойного мужчину, которого полюблю, который полюбит меня, которого не будет волновать мой титул, мое приданое с его фактическим отсутствием, таял с каждым прожитым годом, с каждым прожитым днем. Я не хочу превратиться в брюзжащий синий чулок, не почувствовав в полной мере, что значит быть желанной женщиной. И что значит — быть с желанным мужчиной.

И если бы герцог был чуть более напорист, я бы отчаянно отдалась ему прямо здесь, на холодных перилах беседки под одобрительным взглядом пухлого амура. Но лежащие на моей талии ладони надавили на бедра, заставляя спуститься с носочков и отрывая меня от чужих губ.

Перед глазами плыло, губы горели так, что жаркое прерывистое дыхание не обжигало их, а, наоборот, охлаждало. А в голове царил невероятная легкость, как тогда, когда мы с братом стащили у матери графин вишневого ликера и распили его на двоих. Благо там и было-то на доньшке. Казалось, что, если я сейчас попробую сделать шаг, меня точно так же поведет в сторону.

Я открыла глаза, снова встречаясь с взглядом герцога.

Кьер а...

У него странное имя. Не местное. Да и внешность, если подумать, для Ланланда нехарактерная. Черные глаза, волосы, смуглая кожа... готова поспорить, в его родословной отмечилась какая-нибудь дочь анлисского султана.

Кьер.

Мне нравилось думать это имя. Смаковать его...

— Будь моей. — Хриплый голос с вибрирующими будоражащими нотками выдернул меня из чувственного опьянения.

— Что?

— Ты спросила, чего я хочу. Отвечаю — будь моей. Я сделаю все для того, чтобы сохранить в неприкосновенности твою репутацию. Проси что угодно.

— Луну с неба? — Я прильнула щекой к мягкой ткани сюртука и вслушалась, как быстро стучит под ней сердце.

— Луну не получится, — с некоторым сожалением признал герцог.

— Почему-у? — разочарованно протянула я.

— Она не поместится в Карваноне, не говоря уже о доме почтенного виконта Рейвена, при всем моем к нему уважении.

— А, то есть вопрос складирования луны — это единственная преграда. — Я хихикнула и спрятала нос под лацкан фрака. — Ладно, я над ним подумаю!

— А что насчет другого вопроса? — Пальцы Кьера снова провели по моей щеке, но на этот раз спустились на шею, погладили тонкую кожу за ухом, обрисовали линию плеча, сдвинув в сторону край шали. Потом — еще ниже, вдоль кромки платья, по верхушке выглядывающего в декольте полушария груди...

Я задышала чаще, чувствуя, как охотно отзывается тело на нежные прикосновения.

— Над этим вопросом я тоже подумаю.

Ну а что? Раз не воспользовался моментом, пусть терпит! В конце концов, я же леди? Леди! Имею полное право немножко покрутить турнюром.

— Значит, подумаешь? — медленно переспросил герцог, и в его голосе мне померещилась скрытая угроза, от которой подкосились колени и остро-приятно екнуло в животе.

— Подумаю, — храбро подтвердила я. — Для принятия решения сейчас мне, знаешь ли, не хватает аргументов!

Как я и предполагала, аргументы за этими словами последовали более чем убедительные.

Я уже всерьез подумывала о признании полной и безоговорочной капитуляции (только вот еще один махонький аргументик в ушко, и в шею, и снова в губы...), как что-то заставило меня замереть изваянием и прислушаться. Но что именно, я поняла только тогда, когда вопль «Эрилин?» раздался уже буквально на дорожке перед беседкой.

Я отскочила от герцога ошпаренной кошкой, а в следующее мгновение Грей показался в свете единственного фонаря.

— О, прошу прощения, — заметно стушевался он, увидев в беседке две фигуры — мужскую и женскую. — Я разыскиваю свою сестру... э... Эрилин?..

Уже в карете, когда мы возвращались домой, под аккомпанемент братских возмущений о моей беспросветной глупости, я подумала о том, что ответа герцог так и не получил. Впрочем, у меня имелись все основания полагать, что он о нем смутно догадывался. И мысль об этом и о том, что ждет меня дальше, вызвала улыбку и новое, удивительно приятное томящее чувство внизу живота.

— ...ты чему улыбаешься?

— Да как представлю, что с тобой сделает маменька за то, что ты за мной не уследил, если ты ей все расскажешь, как обещаешь...

Остаток пути до дома прошел в благословенной тишине.

— Пожалуйста, миледи, — слова Марианны выдернули меня из паутины воспоминаний. Я встрепенулась и покрутила головой, придирчиво разглядывая себя в зеркале. Высокая прическа открывала длинную шею, украшенную маминым сапфировым ожерельем — одним из тех немногих, что удалось сохранить при конфискации как родовую ценность виконтов Рейвенов. Декольте темно-синего бархатного платья было бы просто неприлично низким, если

бы не кружево, оттеняющее белизну кожи и прикрывающее ее от жадных глаз. Отражая глубокий цвет платья, и мои глаза, обычно серые или серо-голубые, казались почти синими. Маменька определенно превзошла себя. Ее жизненный девиз: «В обществе главное не быть, главное — казаться», — буквально звучал над ухом. Не знаю, сколько бедному папеньке придется пролить слез над распиской, но выглядела я не хуже, чем какая-нибудь герцо... принцесса. Пусть лучше будет принцесса.

— Спасибо, Марианна. Превосходно. Можешь идти.

Горничная поспешила спасти терпящую бедствие виконтессу, а я провела рукой над скромным рядом флаконов с духами, и пальцы сами собой замерли над пробкой в виде аметистовой розы. Я улыбнулась. Вечер определенно обещал быть... насыщенным.

А спустя полтора часа я стояла у окна в компании маменьки, почтенной баронессы Голденфайр — стародавней маменькиной подруги — и ее дочери, девицы примерно моего возраста с кислым лицом и презрительным взглядом. Дамы утверждали, что в детстве мы были неразлучны, я смутно припоминала, что, кажется, отгаскала одну девчонку за подобного цвета волосы, когда та разбила мою куклу, но с уверенностью сказать, что это была достопочтенная госпожа Голденфайр, не могла.

В любом случае, если учесть, что прямо сейчас баронесса вещала о приготовлениях к скорой свадьбе драгоценной деточки (ради которой приданое, по слухам, пришлось увеличить вдвое), маменька наверняка в душе была бы не против, повтори я этот трюк на бис.

Я слушала их беседу краем уха, изредка кивая (надеюсь, в тему), куда больше увлеченная разглядыванием толпы. Осенний бал герцога Тайринского превосходил департаментский прием в три раза по количеству людей и раз в двадцать по количеству бриллиантов. Маменькины старания я на этом фоне оценила еще больше. Любое из имевшихся у меня вечерних платьев здесь выглядело бы просто рубищем.

Герцог поприветствовал нас на входе в бальный зал сдержанно, но радушно, что вполне вязалось с нашими рабочими отношениями, почти сразу повернулся к следующим гостям, и больше я его не видела. И, надо признать, при таком скоплении людей мы благополучно могли бы избегать друг друга весь вечер.

С точки зрения конспирации это было бы идеальным вариантом, а вот с женской точки зрения — я хотела танцевать. И танцевать я хотела с Кьером!

Но Кьер гулял неизвестно где, а я отчаянно скучала.

Ладно. Можно подумать, у меня больше дел нет — только тосковать о герцогской недоступности. У меня еще женихи не исканы, комплименты не получены, маменька не осчастливлена.

Непринужденный светский флирт на подобных мероприятиях мне давался легко и даже доставлял удовольствие. Мужчины чаще всего в общении были куда интереснее дам, и танцевать я любила. А поскольку никогда не ставила перед собой целью захватить в брачный плен любого представителя мужского пола, появляющегося у меня на пути, то и разочарований это общение не приносило. Разочарования доставались только маменьке, когда она понимала, что с окончанием вечера все мои поклонники таяли, как фигуры случайных прохожих в тумане. Зато моя совесть была чиста.

Я окинула толпу прицельным взглядом. Вот, пожалуйста, лорд Сейшел! Начнем с него.

Словно бы случайная встреча взглядов. Приветливая улыбка. Ненавязчиво-подманивающий знак веера. И вот уже высокий, рано облысевший, но зато щеголяющий военной осанкой третий сын виконта Сейшела, закруглив беседу с пожилой дамой в рюшах, направляется ко мне. Маменька проводила нашу пару таким умиленным и полным надежд взглядом, что мне даже на короткий момент сделалось стыдно.

Три танца пролетели мгновением, а на четвертый — кадрили, на которую меня сопроводил молодой человек, чье имя тут же вылетело из головы, — я внезапно обнаружила в паре напротив Кьера.

Сердце подпрыгнуло, в животе екнуло, губы пересохли. Тяжелый герцогский взгляд мне определенно что-то обещал, но вот что — разобрать не получилось. Я краем глаза изучила его партнершу и сама себе удовлетворенно улыбнулась — юная прехорошенькая кукла. С фарфоровой кожей и наивным, граничащим с глупостью взглядом.

Взвились скрипки, грянули барабаны, и я мелкими танцевальными шажками пошла навстречу Кьеру, чтобы уже через несколько мгновений ощутить, как его пальцы сжали мои с куда

большой силой, чем полагается. Прикосновение обожгло, кровь ударила в виски, и я как-то особенно остро ощутила, что нескольких поцелуев в чулане обоим было определено мало. Взмах ресницами, как веером. Мажущее касание юбкой. Царапающее прикосновение ноготков к шершавой ладони. Ничего, что могло бы нас выдать, и в то же время было абсолютное ощущение, что танцую я вовсе не со своим незнакомым партнером.

Вторая фигура кадрили — мы оказались бок о бок.

— Как вам бал, леди Рейвен? — с искренней заинтересованностью спросил герцог.

— О, ваша светлость, он чудесен, — отозвалась я с восторженной улыбкой, вложив пальцы в мужские ладони.

— Не скучаете?

— Что вы, нисколечко!

— Я вижу! — В низком голосе прорезались раздраженные нотки, и я смиренно опустила ресницы, не сумев тем не менее зажать самодовольную улыбку на губах.

И мы снова разошлись каждый к своему партнеру.

А когда кадрили отыграла последнюю ноту, я смогла пронаблюдать, как Кьер отводит «куколку» к ее родственникам. И заметила, что вокруг него концентрация представительниц прекрасного пола значительно возрастает. И все же трепещут, привлекая внимание к белой коже груди, и взгляды полны томной неги пополам с затаенной надеждой, и разноцветные юбки кружат и кружат, постепенно сокращая дистанцию, ненавязчиво, но прочно устраивая одному из именнейших холостяков королевства затяжную осаду.

В способностях Кьера выйти из окружения я не сомневалась. Как и в том, что мне стоит устроить передышку и забиться на некоторое время под крыло маменьке, к ее вящему недовольству. Маменькино недовольство — оно величина постоянная, привычная. А вот испытывать на прочность герцогское самообладание на людях мне не хотелось. Это процесс, между прочим, почти интимный и требующий уединения!

В конце концов, надо отдать должное тому факту, что до кадрили среди танцующих я его не видела. Я поблагодарила партнера, раскланялась, отговорившись от следующего танца усталостью, но до маменьки дойти не успела.

— Леди Рейвен? — окликнул меня смутно знакомый голос.

Я обернулась и обнаружила за спиной... графа Грайнема собственной нахальной персоной — холеного и ухоженного, в прекрасно скроенном фраке, правда, все с той же хмурой морщиной между бровей. Если бы не трость с посеребренным набалдашником, на которую он опирался, можно было бы подумать, что крушение «Гордости Лестренжа» прошло для него бесследно.

— Вы обещали, что я вас больше не увижу, — поджав губы, бросила я вместо приветствия.

— Позвольте, но обещал я ровным счетом противоположное. И вообще речь шла о «услышать», если мне не изменяет память.

— Значит, вы не только хам, но еще и зануда.

— А вы на диво злопамятны.

— Я? Вы меня оскорбили, а я должна это забыть?

— Был не прав. Болевой шок, знаете ли, не способствует хорошим манерам.

— Я сомневаюсь, что они у вас вообще есть.

— Можете проверить.

— Могу. Вот только хочу ли?

— А это уже вам решать.

Словесная пикировка произошла так стремительно, что я на мгновение растерялась от того, какой поворот она приняла. Я мазнула взглядом по толпе, как-то машинально выискивая Кьера, сама не знаю зачем, а потом вдруг подумала — а что это я? Ладно, допустим, количество танцев можно и впрямь сократить, но не разгонять же мне собеседников! Сам-то он не особенно справляется со своей кукольной лавкой.

Впрочем, я и не была уверена, что мне нужен такой собеседник, как данный конкретный граф.

— Простите, лорд Грайнем, но у меня сейчас нет желания танцевать.

— А у меня — возможности, — мужчина с едва заметной улыбкой кивнул на трость. — Так что я прекрасно могу составить вам компанию за бокалом хорошего красного вина. Или леди предпочитает белое?

Признаться, интерес графа к моей персоне меня интриговал. Он не был похож на тот тип мужчин, кто просто не против потанцевать с очаровательной леди, отвесить пару комплиментов

и раствориться в ночи. Не был он похож и на дурака, который способен закрыть глаза на многочисленные недостатки партии в моем лице. А потому я поджала губы и с явным снисхождением к просьбе почти калеки приняла предложенную руку.

— И какими же судьбами леди-криминалист оказалась на герцогском балу? — задал неожиданный вопрос Грайнем, когда мы устроились с бокалами в стоящих у стены креслах. Популярностью они, надо признать, не пользовались. Высший свет предпочитал не рассиживаться, а использовать собрание в одном месте такого количества влиятельных людей по полной.

Хам, нахал и к тому же еще и паршивец. Он ведь прекрасно осведомлен о моей связи с Кьером.

— Мужа ищу, — ни капельки не смутившись, заявила я, глядя прямо в зеленые глаза. — Вы как, лорд Грайнем? Не свободны, часом?

— Помилуйте, леди, вы из опального рода, да и, будем честны, характер у вас для примерной супруги категорически неподходящий.

— Кто бы говорил про характер, милорд! Вы навязываете мне свою компанию уже добрую четверть часа, а прекрасных манер, которые вы мне посулили, я так и не заметила.

По вечно хмурому лицу все же расплозлось подобие улыбки.

— Возможно, вы правы, мы были бы чудесной парой.

— Вот видите! Так и быть, если вы несколько раз падете на колени, умоляя принять ваше предложение, я над ним поразмыслю.

Мужчина рассмеялся уже в открытую и в этот момент показался даже менее отталкивающим, чем обычно. Ну хоть чувство юмора у него имеется, несмотря на противную натуру.

— К моему величайшему сожалению, миледи, несмотря на ваши очевидные достоинства, в которых вы меня сейчас убедили, я пока не готов связать себя узами брака.

— Жаль-жаль. Ну, будем искать...

— В качестве утешения и в знак бесконечной признательности за спасение моей жизни могу заверить вас, миледи, как только я соберусь жениться, ваша кандидатура будет рассмотрена первой.

— Кажется, вы категорически не верите в успех моего достойного начинания... — я скорбно покачала головой.

Тонкие губы тронула усмешка.

— Не верю. Примерно как и в то, что вы вообще собираетесь замуж, раз уж на то пошло. У меня есть подозрение, что вы пошли в криминалисты не для того, чтобы пить чай с подружками по утрам, вышивать крестиком по вечерам и беспрекословно подчиняться супругу все остальное время.

— И почему это криминалист не может любить вышивку крестиком?

— А вы любите?

— Ненавижу! Но категорически не приемлю, когда меня по определению лишают законного права ее любить.

— Да, я заметил, что леди не стесняется использовать свое право любить что угодно. И кого. Все веселье с меня тут же слетело, а обмен непринужденными колкостями разом лишился очарования.

— А вот это, лорд Грайнем, уже не ваше дело, — отрезала я ледяным тоном и поднялась. Желания продолжать разговор, чтобы выйти на очередной виток оскорблений, у меня не было ни малейшего. — Всего доброго.

Граф открыл рот, чтобы что-то сказать. Были это извинения или новый хамский выпад, я слушать не стала. Дернуло же меня вообще начать с ним разговор. Еще с ночи в поезде было ясно — ничего хорошего от этого человека ждать не стоит.

И только сделав несколько торопливых шагов, я поняла, что иду не в ту сторону и маменька с ее заклятыми подружками осталась за спиной. Разворачиваться и шествовать мимо графа с гордо поднятой головой мне не хотелось, и я вышла из зала в коридор. Как выяснилось, один конец его упирался в балкон, куда я, поразмыслив, и направилась.

Ночной осенний воздух впился в кожу колкими укусами, я обхватила себя за плечи, понимая, что долго на таком холоде не простою и надо будет вернуться в зал. Зато здесь было тише — музыка, смех, голоса проникали сквозь высокие витражные двери как из другого мира. А в этом была только ночь, тишина и бездонное темно-фиолетовое небо, расшитое блестками звезд.

Дверь приоткрылась, на мгновение позволяя тому миру ворваться в этот, и тут же снова опустила завесу. Я оглянулась, чтобы узнать, кто решил составить мне компанию, и ошеломленно замерла еще вполоборота.

— Эри, — улыбнулся высокий привлекательный мужчина с яркими голубыми глазами и непокорной челкой, которую он откидывал небрежным жестом, неизменно привлекающим девушек.

Его звали Арчи Оллин. Он же виконт Арчибальд Оллин, будущий граф Ривер. Он же — мой первый и единственный до встречи с герцогом мужчина.

Мне было семнадцать, и я еще верила в то, что нам с Греем говорили родители. Что все наладится, что опала закончится, богатство вернется. Что дети не отвечают за грехи отцов и что с моей красотой, обаянием, умом и прочим-прочим-прочим я обязательно встречу прекрасного лорда, который полюбит меня всей душой. Любовные романы, которыми я тогда зачитывалась, им вторили — у настоящей любви нет преград в виде сословий и состояния.

Именно этой настоящей любовью мне тогда и показался Арчи Оллин, совершенно внезапно нагрянувший в соседнее поместье, в нашу богом забытую глушь. Уже потом я узнала, что отец сослал его туда за кутежи и чрезмерное увлечение азартными играми. А перед нами он предстал чудесным молодым человеком из прекрасной семьи, приехавшим отдохнуть от суеты столицы и насладиться тишиной, спокойствием и очаровательным обществом провинциальной знати, не испорченной и не развращенной чрезмерным столичным изобилием.

Он очень красиво ухаживал. Дарил цветы, скромные, ни к чему не обязывающие подарки вроде конфет и ленточек, осыпал комплиментами. Говорил, что влюблен до смерти. Что не может без меня жить. Что я свет в окне его мрачных будней. Что ему не нужно больше ничего в этом мире, только быть возле меня и смотреть в мои прекрасные глаза...

Слова лились сладкой патокой, те слова, что мне так хотелось услышать, в которые мне так хотелось верить. И я верила — вот она справедливость, вот она — награда за страдания. И накануне того дня, когда он собирался просить у родителей моей руки, ночь была так особенно тиха, речи — проникновенны, а поцелуи — сладки, что я сдалась, искренне полагая, что днем раньше, днем позже — это мужчина, с которым я проведу остаток своей, несомненно, счастливой жизни.

А на следующий день соседнее поместье стремительно опустело. Прощание было мимолетным и скомканым — весть из столицы, срочный вызов, отец при смерти. Он непременно напишет мне, а чуть позже и приедет, чтобы на этот раз наверняка забрать с собой.

Я даже тогда еще верила. Правда, недолго.

Благо все это необъяснимым чудом осталось между нами. Какие-то крохи благородства у Арчи все же сыскались, потому что даже когда мы вернулись в столицу, несмотря на мои опасения, ни одного намека на то, как глупо я себя скомпрометировала, ни разу ниоткуда не прозвучало. С другой стороны, и верно, смысл хвастаться тем, что от скуки в глуши соблазнил дочку опального виконта? Такие истории уже давно никого не удивляют.

И когда я осознала, что никакого письма не будет, и никакой свадьбы не будет, и никакого другого шанса встретить здесь достойного молодого человека у меня в ближайшее время тоже не будет, что, когда мы вернемся в столицу, мне будет уже двадцать четыре, старая дева, провинциалка без приданого, с запятнанным родовым именем — да что родовым! — кому я теперь вообще буду нужна? Лишенная того, что определяет женскую добродетель до свадьбы... Когда я готова была уже поверить, что жизнь моя на этом кончена, темна и беспросветна во веки веков, тогда я услышала, как отец с матерью обсуждали статью, восхвалявшую его величество Эдгара VII за его неординарный и просвещенный ум в связи с приказом, отныне и впредь позволявшим женщинам получать высшее образование в Ланландском всенаучном университете.

Папенька сочувствовал профессорам. Маменька утверждала, что это баловство и нонсенс и ни одна уважающая себя женщина не будет заниматься такой ерундой...

— Я не поверил своим глазам, когда тебя увидел беседующей с Греем... графом Грайнемом, — с абсолютной непринужденностью продолжил Арчи, не обращая ни малейшего внимания на отсутствие реакции с моей стороны. — Даже подошел к нему уточнить, кто эта прекрасная леди, решил, что не могла же милашка Эри превратиться в такую неземную красавицу. Арчи улыбался как ни в чем не бывало. Будто мы были старыми друзьями, волей судьбы раскиданными по разным городам и весям и вдруг случайно встретившимися на одной улице.

Я продолжала молчать, внезапно понимая, что вообще ничего сейчас не испытываю, кроме легкого удивления и столь же легкой досады на то, что мое уединение было прервано. Я уже отрыдала свое, и отистерила, и отпроклинала, и отненавидела. Сейчас у меня была совершенно другая жизнь, в которой этот человек занимал не больше места, чем булочник, у которого я по дороге с работы иногда покупала для мамы слойки с яблоками. А может, даже меньше.

— Ну же, Эри, — улыбка сделалась слегка растерянной. — Ты что, меня не узнала?

— Узнала, — спокойно признала я и направилась к выходу.

Мужчина сделал шаг в сторону, загораживая мне путь, и мой раздосадованный взгляд не произвел на него ни малейшего эффекта.

— Ты удивительно похорошела, Эри. А еще говорят, что женщины с возрастом прекраснее не становятся.

— Уйди с дороги, — произнесла я все тем же, абсолютно лишенным эмоций голосом.

— Да ну брось, милая! Ты же не держишь на меня обиды до сих пор? Мы тогда были детьми, чего только по глупости не случается. И я правда собирался за тобой вернуться, но все так закрутилось. А потом, когда опомнился, то решил, что ты уже наверняка вышла за кого-нибудь другого, и мне не хотелось оказаться униженным опоздавшим просителем.

— Уйди. С моей. Дороги.

Безбашенная добродушная улыбка сделалась кривоватой.

— Зря ты так, Эри. Я ведь просто хотел поговорить, вспомнить былое, как нам хорошо было вместе. Как мы были близки. Очень близки...

Он вскинул руку, будто собирался коснуться моей щеки, и я отшатнулась от него, как от прокаженного, чувствуя, как в груди закипает слепая ярость.

— Что вы себе позволяете, лорд Оллин?

— Эри...

— Леди Рейвен, — отчеканила я.

— Ах вот, значит, как ты теперь со мной. Только, милая моя, ты ведь недавно в высшем свете, и на месте такой очаровательной провинциалочки, как ты, я бы сотню раз подумал, что и кому говорю... — выдохнул он, обдав меня стойким спиртным духом.

Арчи сделал шаг вперед, тесня меня к перилам. Я откровенно запаниковала, не зная, что предпринять, и когда готова была уже отчаянно рвануть к выходу мимо виконта — и будь что будет! — дверь на балкон снова отворилась.

Вот уж не думала, что я однажды все же буду рада видеть графа Грайнема.

— Арчи, друг мой, тебя там заждались, партию не могут начать, — ровно произнес он, будто не стал свидетелем скандальной и провокационной сцены.

Виконт раздраженно мотнул головой и отступил под аккомпанемент моего бешено бьющегося сердца. Лорд Грайнем придержал дверь, пропуская его вперед, очевидно, чтобы убедиться, что друг действительно уходит. Друзья, один противнее другого. Хотя, будем честны, до Оллина Грайнему далеко.

— Спасибо, — произнесла я, не желая опускаться до уровня неблагодарных хамов.

Граф ответил мне почтительным полупоклоном и произнес то, чего я совершенно не ожидала услышать:

— Я не хотел оскорбить вас последним замечанием, миледи. Наоборот, если бы у меня была шляпа, я снял бы ее перед столь неординарной для прекрасного пола смелостью.

С этими словами он поклонился еще раз и скрылся, так и не задав ни одного напрашивающегося вопроса.

Я устало потеряла виски и почти бегом направилась в сторону зала. Хватит с меня уединения.

Настроение было безнадежно испорчено. Я не смогла заставить себя пойти к маменьке или влиться в круг беседовавших знакомых, просто стояла у стены, крутила в пальцах бокал с шампанским и бездумно скользила взглядом по толпе, не различая лиц.

Меня терзало нехоршее предчувствие, в душе поселилась уверенность, что Арчи не оставит меня в покое так просто. А неприятностей он мог доставить множество. С этим надо будет что-то делать, только что?

От уже выпитого вина слегка кружило голову, и дельные мысли упорно не желали в ней задерживаться. Вдохнув, я сделала еще глоток, отставила бокал в сторону и двинулась вдоль

стены, вальяжно обмахиваясь веером с видом отдыхающей от бесконечных танцев дамы. А на деле разыскивая Кьера, которого мне остро захотелось увидеть.

Я нашла его быстро. Герцог стоял возле стола с закусками и беседовал с представительным пожилым мужчиной и его спутницей, скорее всего дочерью. Высокая, красивая, одетая с безупречным вкусом. Изысканное бриллиантовое ожерелье сияло на пышной груди, коралловые губы изгибались в приветливой улыбке. Но больше всего мне не понравился взгляд. Взгляд этот принадлежал не глупышке, способной говорить лишь о погоде, нарядах и развлечениях. Это был взгляд умной целеустремленной женщины, и то, куда он сейчас целеустремился, мне не нравилось категорически.

— Эри, — из ниоткуда под боком вдруг вынырнул Грей. Братец покраснелся, глаза сияли задором и отвагой. Хоть кто-то хорошо проводит здесь время! — А ты чего тут стоишь? Последний раз, когда я тебя видел, у тебя отбою от партнеров не было.

— Сначала не было, а потом-таки отбилась, — проворчала я и, подцепив братца под локоток, кивнула в сторону раздражающей красотки. — Ты знаешь, кто это?

— В красном? О, это сегодняшняя королева бала, леди Алиссон Арундел, дочь графа Арундела, шестнадцатое состояние по величине, первая невеста всего королевства. А что?.. О...

Он сообразил, с кем беседует леди Арундел, и замолк в растерянных чувствах, не зная, то ли сочувствовать, то ли поучать.

— Она была помолвлена с маркизом Лепелье, форсийцем, но тот почти сразу после помолвки был отправлен их королем на подавление восстания в одной из колоний, все дело затянулось на пару лет, и буквально недавно выяснилось, что маркиз из этого похода уже не вернется, то ли вражья пуля, то ли желтая лихорадка, на этот счет мнения разнятся, но итог один.

Поговаривают, что граф больше смотрит в сторону заграницы, но если удастся подыскать подходящую партию в Ланланде...

Зачем он мне это рассказывает? Зачем я слушаю? Зачем я смотрю, как веер выписывает томные фигуры, как глубокие карие глаза неотрывно ловят взгляд мужчины напротив. А мужчина напротив улыбается. Пусть пока просто вежливо, пусть. Но она красива, богата и родовита. Она — ровня.

Горло сдавило. В этот момент герцог отвлекся от разговора, мазнув взглядом по гостям. Я прерывисто вдохнула-выдохнула, рывком повернулась так, что юбка захлестнула ноги, и направилась прочь. Еще не хватало, чтобы он увидел, как я тут пожираю его взглядом, будто какая-то безнадежно влюбленная дурочка.

Брат кинулся за мной, но отстал, увязнув в компании, мимо которой я проскользнула незамеченной. Я увидела маменьку, все на том же месте, но теперь с другими собеседницами — гордая осанка, высокий подбородок и взгляд, говорящий всем вокруг, что у виконта Рейвена с семейством все в самом лучшем виде, а то, что с этим утверждением не согласуется, лишь досужие сплетни. И не смогла подойти к ней. Отец наверняка в карточном зале. Он не играл, но там любили собираться многие мужчины, спасаясь от своих дражайших супругов, чтобы порассуждать о вещах приземленных и сугубо деловых.

Мне было душно и плохо, и отчаянно захотелось домой — в кровать, под одеяло, закрыть глаза, чтобы этот день скорее закончился и начался другой, который обязательно будет лучше.

Я не выдержала и снова вышла в коридор, только на этот раз, вместо того чтобы отправиться дышать свежим воздухом, огляделась, убедилась, что поблизости никого нет, шмыгнула в первую попавшуюся дверь. Провернула торчавший в замке ключ.

Вот вам и принцесса. Вместо того, чтобы блистать, прячется по балконам и запирается в пустых спальнях.

К горлу подкатил ком. Я сглотнула его, подошла к окну, обогнув кровать с тяжелым бархатным пологом. Окно выходило на улицу, освещенную желтыми фонарями, совершенно пустынную в этот час. Я прижалась лбом к холодному стеклу и почувствовала, что глаза защипало. Такой безнадежно несчастной я себя не ощущала уже очень давно.

В отчаянных попытках задавить зарождающиеся слезы, я не услышала, как бесшумно повернулся в замке ключ, как негромко щелкнул дверной замок. Не услышала и нескольких шагов за спиной по мягкому ковру. Только испуганно вздрогнула и рывком обернулась, когда на плечи легли тяжелые ладони.

— Это я, — озвучил очевидную истину Кьер. — Извини.

— Как ты?.. — Я метнула взгляд в дверь. Я же заперла ее! Точно заперла!

Дуновение ветерка, невидимое, но плотно осозаемое, коснулось щеки. Ах да... магия. Вслед за воздухом по коже провели уже пальцы, и я закрыла глаза, сжала губы. Отчего-то присутствие Кьера, эти нежные прикосновения еще больше расплывали и без того разваливающееся самообладание.

Сухие горячие губы коснулись виска.

— Что случилось, Эрилин? Я тебя обидел?

Ты?..

Это стало последней каплей. Судорожно всхлипнув, я уткнулась лбом в шершавую ткань фрака и расплакалась. Слезы скатывались одна за другой, плечи, которые Кьер продолжал сжимать теперь еще сильнее, дрожали от беззвучных рыданий, а я плакала и не могла остановиться. Я просто устала. Смертельно устала. Устала от этой долгой борьбы с постоянно, ежедневно возникающими на пути препятствиями. Устала от того, что конца-краю этой борьбе не видно. Я ведь не железная. А этот идиот и негодяй Арчи Оллин стал последней каплей. Да, он! И нет мне никакого дела до всяких графских дочек, будь они хоть сто раз прекрасны, умны и состоятельны. И до того, с кем беседует Кьер, мне тоже нет никакого дела. Он свободный мужчина, может беседовать, с кем ему пожелается. Мне все равно, все равно, все равно... Кьер молчал. Не пытался утешить или вытрясти из меня объяснения. Он просто гладил меня по спине, прижавшись губами к моим волосам, и ждал. И это было правильно.

Постепенно слезы иссыкли, и, хотя все еще хотелось некрасиво шмыгать носом, я затихла, боясь нарушить вновь обретенное равновесие, боясь показаться на глаза герцогу такой, не зная, что и как отвечать на вопросы, которые он наверняка все же будет задавать...

Господи, за что?

— Эри...

— Давай потом? — жалобно попросила я, не поднимая головы. — После... твое исчезновение наверняка заметили и лучше вернуться поскорее. Да и мне. Потом.

— Ты останешься? — уточнил герцог. Кончики пальцев подцепили мой подбородок, заставляя поднять голову, и я нехотя подчинилась. Хорошо хоть в комнате темно!

— Останусь.

Родители все равно вернутся раньше, оставив «молодежь» в нашем с Греем лице развлекаться. Грея спроводить — дело ерундовое, а под утро я буду дома, и никто ничего не заметит.

— Хорошо. — Бездонные глаза продолжали пристально изучать мое лицо. — Следующий танец мой.

— Нет, — я покачала головой. — Ты все правильно делал. Это не департаментский прием, где незамужних дам, за которыми можно шутя поухаживать, было раз-два и обчелся. Здесь нам лучше держаться друг от друга подальше. Хватит того, что ты снизошел и пригласил опальное семейство. Если еще и начнешь знаки внимания оказывать, кто-нибудь может начать задаваться ненужными вопросами.

А если к ненужным вопросам Арчи подкинет этому кому-нибудь еще и ненужных ответов, я могу ставить крест на всей своей жизни. Но герцогу об этом знать совершенно не обязательно. Кьер кивнул и наклонился к моим губам. Поцелуй вышел долгим, многообещающим и каким-то успокаивающим.

— Я бы не отходил от тебя ни на шаг, если бы мог. — Кьер мазнул губами по щеке и снова поцеловал, и я ощутила горько-соленый привкус.

— И распугал бы всех моих кавалеров! — отважно отозвалась я, усилием воли возвращая себе прежнее присутствие духа — порыдали над загубленной судьбой и хватит.

Кьер чувствительно куснул меня за шею, и я ткнула его кулачком в грудь — осторожнее! Еще останется след, не дай бог...

Герцог тяжело вздохнул и отстранился. Я оправила на нем фрак, встав на цыпочки, пригладила волосы, коротко поцеловала еще раз «на прощание».

— Иди. Я приведу себя в порядок и тоже вернусь.

Кьер кивнул и направился к двери, но, уже взявшись за ручку, обернулся.

— Она меня не интересует. Алиссон Арундел. Меня никто, кроме тебя, не интересует.

Я фыркнула с независимым видом, никак не комментируя сказанное, Кьер на это только смешливо сверкнул глазами и вышел, оставив меня улыбаться пустынной улице.

В зал я вернулась, только убедившись, что на лице не осталось ни следа красных пятен, глаза сияют, на губах уверенная улыбка. Минутная слабость прошла, и сейчас я очень жалела, что Кьер стал ее свидетелем. Было неловко и стыдно, и я чувствовала себя капризной взбалмошной дамой, привлекающей внимание кавалера истериками. Появление Арчи выбило меня из колеи, но больше я подобного не допущу. Откуда-то я знала, что он не успел еще растрюбить на всю округу, как леди Рейвен согревала его постель, и я обязательно что-нибудь придумаю, чтобы не позволить ему этого сделать.

Я скользнула взглядом по присутствующим, пытаюсь решить, кого же осчастливить своей благосклонностью (да-да!), и внезапно заметила за колонной очень любопытную фигуру с выражением мрачной тоски на красивом породистом лице. Жертва моего очарования определенно была выбрана.

— Лорд Томас. — Я приблизилась к несостоявшемуся политическому деятелю и поприветствовала его почтительным реверансом.

— Леди Эрилин! — Юноша выглядел обрадованным и смущенным одновременно. — Я рад вас видеть.

«...одетой», — мысленно прибавила я и улыбнулась собственной категорически неприличной шутке.

— Чудесный бал.

— Вы так считаете? — По вернувшейся кислой физиономии было очевидно, что брат Кьера готов был находиться где угодно, но не здесь. — Я не любитель подобных мероприятий.

— Политику не любите, балы не любите, — перечислила я. — И что же вас в жизни влечет, милорд?

Томас посмотрел на меня подозрительно, но, не разглядев насмешки, произнес почему-то полупшепотом:

— Миледи, вас когда-нибудь посещали мысли о том, чтобы заниматься делом, недостойным вашего происхождения?

Я прыснула смехом в веер, и скажите спасибо, что не расхохоталась в голос под недоуменным и даже оскорбленным взглядом мальчишки, кажется, вознамерившегося мне довериться. И, прежде чем створки нежной устрицы схлопнулись обратно, я задавила рвущийся наружу смех и пояснила:

— Лорд Томас, его светлость, очевидно, не упоминал в разговоре, как именно мы познакомились?

— Боюсь, что нет...

— Я работаю в его департаменте. Криминалистом.

— Вы?!

Он произнес это с таким изумлением и восхищением, что стало ясно: во-первых, лучшего собеседника для поднятия самооценки мне определенно не найти, а во-вторых, паренька уже давно распирает поделиться хоть с одной живой душой своими, несомненно, грандиозными планами, и выбор его по каким-то причинам пал на мою скромную персону.

— Я хочу посвятить себя техническому прогрессу!

— Хорошо хоть — не в жертву принести, — не удержалась я.

— Вы надо мной смеетесь, — упрекнул Томас.

— Чуточку. И в чем же будет выражаться посвящение?

— Я собираюсь открыть изобретательскую мастерскую.

Я изумленно заломила бровь. Прямо скажем, леди-криминалист ничуть не лучше лорда из герцогского рода, ковыряющегося в ржавом железе.

— Сами изобретаете?

— Нет, я... у меня... есть... приятель. — Мальчишка поначалу как-то странно запутался в словах, но подобрав их, расправил плечи, а в глазах зажегся знакомый маниакальный огонек увлеченной юности. — Он — гений! Он такое может сотворить, такое! У него уже, между прочим, даже один патент есть! И отец у... него... профессор. Величайших знаний человек, мы познакомились в Альбурге, а потом они перебрались в Карванон. Профессору предложили здесь должность...

— И что же такое он изобрел и запатентовал, ваш приятель?

Прекрасные выразительные уши Томаса внезапно снова заалели, а вишневые глаза уставились в пол.

— Я полагаю, вы успели уже воспользоваться этим приспособлением...

Я сообразила не сразу и, только перебрав в памяти всю сцену, которую застал юный лорд, вспомнила про медную перевернутую пиалу, бьющие из нее струи, клубы пара, окутывающие массивную обнаженную фигуру...

— Очень удобная вещь, — похвалила я. — И как называется?

— Душ. Хотите, мы у вас в доме установим? Придется, правда, немного сломать стены и переделать трубы, но...

Я представила маменькино лицо, когда к нам придут «немного» ломать стены ради сомнительного бесовского изобретения, и вежливо отказалась. Да и потом, главная прелесть этого самого душа была в том, что под ним был герцог. А герцог, увы, в комплект изобретения не входит!

— А вы сами, получается, при друге... чем занимаетесь?

— Я... — Юный лорд опять растерялся-засмутился, все больше укрепляя во мне веру, что что-то с этим мероприятием нечисто. — Я учусь! У меня не очень получается пока, но вдруг однажды...

— Вы простите, милорд, глупую женщину, но у меня есть подозрение, что талант изобретателя — он либо есть, либо нет, и случайно «однажды» не прорежется. А еще, насколько я знаю, предприятие это не из дешевых — материалы, время... и то, и другое периодически тратится впустую и не дает результата. Я так полагаю, вы намереваетесь пустить на это свое содержание?

— Верно, — Томас неуверенно кивнул.

— А если в какой-то момент его перестанет хватать? И если это случится до того, как ваш, вне всякого сомнения, гениальный друг сделает свое величайшее открытие, которое принесет вам золотые горы?

Я не была уверена, что это стоит говорить. В конце концов, брат Кьера мне не родственник, не друг, не приятель даже. Мы знакомы-то всего ничего. Но его неожиданная доверчивость по отношению ко мне заставляла принять чаяния юного лорда близко к сердцу. И приспустить его с небес на нашу прекрасную, но во многом несправедливую землю.

Томас поджал губы, и взгляд его сделался куда менее доброжелательным. Опять поучают! Опять заставляют! Да они ничего не понимают и никогда не поймут! Но я все же продолжила ровным спокойным голосом, не добавляя уже ни грамма насмешки.

— Судя по тому, что его светлость вы в известность пока не ставите, просить деньги у него вам не хочется. Это я прекрасно могу понять, но на свете не так уж мало людей, которые готовы вкладывать деньги в прогресс, за который вы ратуете. Более того, вам, как представителю высокопоставленного семейства, выйти на этих людей гораздо проще, чем никому не известному изобретателю.

На лице мальчишки нарисовалось озадаченное выражение.

— Вы предлагаете мне искать спонсоров? — переспросил он удивленно.

— Не сразу. Сразу вы вряд сможете их чем-либо заинтересовать, но готовиться можно уже сейчас, правда, для этого вам надо расстаться с сей замечательной колонной и начать общаться с людьми. Практически каждый из присутствующих здесь, — я кивнула на разноцветную толпу, — неплохая возможность.

Всплеска энтузиазма мое заявление у парнишки не вызвало. Он покосился на гостей со скепсисом и опаской и перевел на меня полный сомнений взгляд.

— Что-то вы сами этой возможностью не пользуетесь!

— А я уже нашла себе спонсора. — Я хихикнула в веер, и юный лорд снова отчаянно покраснел.

— Я не это имел в виду! — Томас оскорбился до глубины души и уже собирался пуститься в путаные извинения-объяснения, но я его перебила. Ни к чему они, я и так знаю, что мальчик никоим образом не хотел меня обидеть.

— А еще, милорд, скажите, кто в вашей мастерской будет заниматься юридической стороной дела? Патенты, защита интересов, разбирательство тяжб... людей, жаждущих присвоить себе чужие заслуги, немало. Вы об этом размышляли?

— Нет... — отозвался мальчишка, и голос его теперь был задумчив. — То есть вы считаете... И тут его снова перебили.

Гроыхнуло так, будто над домом ударило сразу несколько молний. Пол под ногами содрогнулся, и грохот оконных рам, распахнутых воздушной волной, звон стекла потонули в испуганных криках присутствующих дам. Мне в ноздри ударил такой удушающий запах горелой шерсти, что закружилась голова, и я едва не потеряла сознание, повиснув на подхватившем меня Томасе.

— Леди Эрилин? — над ухом звучал его взволнованный голос. — Что с вами?

— Все хорошо, — пробормотала я не столько ему, сколько себе.

Вдох. Выдох. Через силу, через удушливо-мерзкий запах. Вдох. Выдох. И дурнота отступила, ощущения притупились. Если кто-то в зале сейчас и гадал, что же там такое приключилось, я знала наверняка — это был срыв. Мощнейший выброс накопленной магом энергии. И судя по тому, какой силы волной он разошелся по фону, нам очень повезло, что на всех зданиях центра города установлена минимальная структурная защита от подобного рода «казусов».

Постепенно взволнованно-испуганный гул голосов смолкал, а взгляды устремлялись на герцога. Тот дождался воцарения тишины и, глядя на голые распахнутые окна зала, в которые теперь беспрепятственно вливался холодный ночной воздух, произнес:

— Здесь действительно становилось душновато...

Гости рассмеялись. Кто облегченно, кто нервно. Но вместе с этим смехом напряжение, сгустившееся в воздухе, таяло как снег под первыми весенними лучами — медленно, но неотвратно. Становилось ясно, что взрыв прогремел не в доме, и даже не под стенами особняка, как всем нам показалось с перепугу.

Герцог продолжил спокойным веским голосом:

— Долг требует, дамы и господа, чтобы я отлучился выяснить, кто же столь любезно позаботился о моих гостях. Прошу, продолжайте веселиться, я скоро снова составлю вам компанию.

С этими словами он направился к выходу, сопровождаемый сдавленными шепотками, а я, сбросив с себя поддерживающие руки Томаса, кинулась следом, не особенно переживая, что это кто-то заметит. В конце концов, мой провокационный род деятельности ни для кого не секрет. Правда, пробиться сквозь возбужденную толпу оказалось непросто, и Кьера я нагнала только у входа — он как раз надевал поднесенный лакеем плащ. В холле мы были одни, чем я и воспользовалась, опустив реверансы.

— Срыв как минимум четвертой степени, — сообщила я. — Не приближайся к эпицентру, может «повести».

Магический фон в радиусе пары метров от того места, где стоял маг, в течение нескольких часов просто сходил с ума. Силы бушевали так, что магов, особенно опытных, с широко открытым «окном», там штормило. Сила начинала вливаться стремительно, резкими всплесками, и ее не всегда удавалось тут же взять под контроль.

Кьер кивнул, а потом произнес жестко, строго, непререкаемо с явной готовностью стоять на своем до победного:

— Ты остаешься здесь. Живых преступников там точно нет, а мертвые прекрасно дождутся дежурного криминалиста.

— Хорошо, — смиренно кивнула я с ангельской улыбкой на губах.

Мой мужчина уставился на меня с глубочайшим подозрением.

Ну не объяснять же ему, что эту мысль я успела обдумать, еще пока его догоняла, и, глядя на то, как торопливо выныривают из-под подола вечернего платья обшитые бархатом туфельки, пришла к выводу, что к месту взрыва мне нельзя категорически. Пыль, грязь, еще кровяца поди... и все это я подмету юбками. А когда маменька увидит, что ее неблагодарная дочь сотворила с драгоценным платьем, оплаченным (еще даже не оплаченным!!!) потом, кровью и слезами почтенного виконта Рейвена...

Единственное, что меня могло бы в таком случае спасти, — это политическое убежище в Форсии. И то без гарантии. Но посвящать Кьера в трудности быта леди-криминалиста сейчас было не время и не место, поэтому я просто согласилась. Вот только это его почему-то не удовлетворило.

— Почему? — поинтересовался он.

— Что — почему?

— Почему «хорошо»?

— Потому что ты так сказал.

Чем невиннее становился мой тон, тем подозрительнее делалось у его светлости выражение лица.

— Эрилин, предупреждаю, если я тебя там увижу...

Я фыркнула, не дослушав, повернулась на каблуках и отправилась обратно в зал с гордо поднятой головой. Его светлость, видите ли, изволят мне не верить! Ой-ой-ой, можно подумать, я ни разу места срыва не видела! Ну, допустим, четвертой степени — не видела... но герцогу-то откуда это знать?

Ничего-ничего. Он мне потом все-о-о расскажет.

На лестнице я столкнулась с несколькими гостями. Двух бледных, с прозеленью дам, едва стоящих на ногах, выводили под руки их спутники. Запечатанные. Если бы не постоянные тренировки контроля восприятия, я бы тоже сейчас могла еще висеть на Томасе в полубоморочном состоянии. Вслед за ними особняк герцога покинули и несколько пошатывающихся мужчин. Наутро все они будут страдать от сильнейшего «похмелья». Впрочем, не только запечатанные решили, что вечер продолжать не имеет смысла, несмотря на то что лакеи сноровисто вымели из зала все стекло, а кто-то из присутствующих установил на окна водяные пленки — мутные, зато не пропускающие ночной холод. Распрощались со знакомыми и потянулись к выходу многие пожилые пары. С особенным удовлетворением я проследила, как исчезло за дверями алое платье — скатертью дорога!

Зато в зале стало свободнее и легче дышать, и молодежь уже вовсе выстраивалась в центре для очередной кадрили.

На горизонте показались папенька с маменькой. Отец был хмур и озадачен, мама нервно обмахивалась веером и недовольно поджимала губы.

— Отвратительное завершение вечера, — заявила она, едва приблизившись. — Просто отвратительное. Только я начала питать какие-то надежды, как кому-то непременно нужно было разрушить их в прах!

— Какие надежды, мама? — Я перехватила взгляд отца, и тот с улыбкой закатил глаза.

— Какие надежды? Моя дорогая, ты же не думала, что я не замечу, как мило вы беседовали с графом Грайнемом? Я все про него узнала. Не женат, не помолвлен, крайне состоятелен. Предыдущий граф Грайнем скончался, не оставив прямого наследника. Его сын погиб, когда два года назад затонула «Виктория» — страшная была трагедия, страшная! — оставив вдову с тремя дочерьми, поэтому титул перешел внучатому племяннику, можешь себе представить? Так что молодой человек выходец из уважаемого, но простого семейства, и, уверена, ему необходимо упрочить положение в обществе достойным браком!

— Жаль, достойная госпожа Голденфайр уже помолвлена, — с печальным вздохом произнесла я. — Что-то мне больше никто не приходит в голову.

— Не ерничайте, юная леди! Вы прекрасно поняли, что я имею в виду.

— Да, маменька.

— Что — да?

— Да, я прямо сейчас разыщу графа, преданно загляну ему в глаза и попрошу взять меня в жены с обещанием хорошо себя вести.

Меня распирает смех, стоило вспомнить, что практически из этого и состоял наш с Грайнемом недавний разговор.

— Ах, если бы! — горестно воскликнула маменька, с замечательной непринужденностью пропустив мимо ушей весь мой сарказм. — В этом-то и заключается трагедия! Граф среди прочих покинул бал. Нет, определенно, эта жизнь жестока и несправедлива. Поэтому мы возвращаемся домой! У меня от расстройства разболелась голова, и мне срочно нужны мои капли.

— Мы? — осторожно уточнила я.

— Мы с отцом. А ты, юная леди, остаешься, благоухаешь, цветешь и являешь собой безукоризненный эталон женственности и обаяния. Граф — это, конечно, прекрасно, но его мы пригласим на чай, а пока он не ответил согласием и, желательно, перед алтарем, тебе есть чем заняться! В конце концов, не для того мы с отцом потратили на это платье целое состояние, чтобы ты вернулась домой до полуночи!

Ах, дорогая моя, милая маменька... после полуночи, поверь, платье мне уже не очень пригодится.

Отец пожелал мне хорошо провести время и повел скорбящую виконтессу к выходу. А я, проводив их взглядом, отправилась... благоухать!

Кьер вернулся спустя часа полтора, и его тут же обступили жадные до новостей гости. На вопросы он отвечал сухо, на детали скупился, да и в целом, несмотря на вежливую улыбку, выглядел недовольным. Я наблюдала за ним украдкой, стоя в компании офицеров вместе с Греем, и откровенно мечтала, чтобы все присутствующие уже разошлись. От выпитого вина в голове и теле царилась легкость, а душа требовала его светлость в мое единоличное пользование. Однако еще больше часа бал не угасал — слишком хороша была музыка, слишком приятна компания, слишком вкусны напитки. Случившаяся трагедия обошла стороной, так чего ради позволять ей портить вечер?

И все же был отыгран последний вальс, розданы комплименты хозяину вечера, и особняк стремительно опустел. Я наблюдала из-за шторы, стоя в комнатах Кьера, как вереницей отъезжают от крыльца кареты — в одной из них недовольно надутый Грей, — и чувствовала, как с каждым покинувшим дом гостем в душе разливается сладкое, томительное предвкушение. — Я думал, они никогда не уедут, — пожаловался герцог, едва зайдя в комнату.

Я отвернулась от окна, подошла к нему и, положив руки на широкие плечи, поцеловала без лишних слов.

Аромат дорогого парфюма смешался с запахом пыли, дыма и гари, пропитавшим волосы и ткань фрака, на губах — горьковатый вкус виски. Я прижалась к Кьеру всем телом, стремясь стать частью этого запаха, этого вкуса, впитать их в себя.

Любые разговоры отошли на второй план.

Остались губы, выщеловывающие причудливые узоры на коже. Пальцы, зарывающиеся в волосы, безвозвратно рушащие сложную прическу, терзающие застёжки платья. Горячее дыхание, щекощущее грудь.

Когда Кьер внес меня в спальню, драгоценного маменькиного платья, как я и предсказывала мысленно, на мне уже не было. И мы столь увлеченно избавляли от многочисленных элементов туалета меня, что результат в итоге вышел неравнозначный. Я в одной сорочке, белье и чулках, Кьер — полностью одетый за вычетом разве что фрака.

Он застыл, глядя сверху вниз на меня, раскинувшуюся на расшитом золотыми лилиями покрывале, и в бездонных глазах плясал воистину дьявольский огонь.

Дыхание сбилось. Господи, прости, но я хочу этого мужчину до безумия!

Кьер протянул руку и обхватил ладонью мою стопу. Скользнул выше, по лодыжке, огладил колено. Еще выше. Кровать едва слышно скрипнула, когда Кьер опустился на нее прямо между моих разведенных ног. Пальцы, дразнясь, прошлись по кружеву чулок, не касаясь жаждущей этого прикосновения кожи, и я прерывисто вдохнула, задержав дыхание.

Напрасно.

Перескочив полоску обнаженной кожи, ладонь легла на прикрытый сорочкой живот и снова двинулась вверх, а вместе с ней нависал надо мной темной тенью герцог. Пальцы коснулись напряженных сосков, вызывающе выступающих и просвечивающих сквозь тонкую ткань, стянули бретельку с плеча, обнажая кожу, но не касаясь ее. Все тело ныло, меня ломало от желаний — нет, острой необходимости — получить свое сейчас же, сию же секунду, но я нечеловеческим усилием воли сдерживалась, подчиняясь правилам негласно предложенной игры, и просто наблюдала за действиями Кьера сквозь поддрагивающие, полуопущенные ресницы.

Он навис надо мной всем своим немаленьким весом, и я, хитро улыбнувшись, изогнулась и потерлась грудью о ткань жилета, запрокинула голову, беззащитно открывая шею, на которой все еще красовалось родовое сапфировое ожерелье.

Кьер воспользовался приглашением, склонился и... игра продолжилась.

Кожи коснулось лишь дыхание, губы застыли в каком-то дюйме от нее, и я замерла, будто надо мной сейчас склонился не мужчина, а опасный хищник. Одно неосторожное движение — и в плоть вопьются клыки.

Я беззвучно облизнула пересохшие губы.

Кьер шумно вдохнул мой запах, наверняка узнав аромат духов. Я едва не застонала и потянулась к пуговицам жилета. Расстегнула его, рубашку, распахнула ее, открывая доступ к смуглому горячему телу, но вместо того, чтобы прикоснуться, повернула голову и куснула не

ожидавшего этого Кьера за ухо. Обвила руками шею, приподнялась, прижимаясь к нему — живот к животу, кожа к коже. Еще один укус — в шею, а потом туда, где она переходит в плечо. Сильно, оставляя след, который потом сама же зализала.

Я с нажимом провела ногтями по твердой груди — жест, куда больше похожий на сопротивление, чем на ласку. И снова лизнула, наслаждаясь терпким, солоноватым вкусом.

— Кошка, — хрипло выдохнул герцог мне в ухо.

— Ш-ш-ш, — отмахнулась я, скользнув ладонями под ткань рубашки и впиваясь ногтями в плечи. Его светлость изволит играть в свои игры, значит, я буду в свои!

Мне вовсе не хотелось сделать ему больно — что ему мои укусы да царапки? Так, щекотка. Но, раздраженная его то ли прикосновениями, то ли нет, я жаждала сама ощутить его полнее. Это не недостижимая мечта, он здесь, он мой. Пусть на час, на два, но — мой! И я буду делать что захочу, и он с усмешкой подчинится опять моим желаниям. Любим.

Чувство вседозволенности пьянило почище вина, кружило голову. Как и близость, и ласки, и жадный огонь в черных глазах.

Арчи был моим первым мужчиной формально, по факту. Настоящим первым мужчиной стал Кьер.

Остатки одежды были сорваны, сброшены. Игры — забыты.

Проникновение, такое желанное, такое долгожданное, заставило меня выгнуться, сдавленно ахнуть. Я обвила Кьера ногами в жажде усилить ощущения до предела. И, угадывая мою бессловесную мольбу, он подхватил меня под ягодицы, выпрямился, утягивая за собой, так что вес собственного тела помогал мне ощутить его так глубоко, как это только возможно.

Я всхлипнула, запрокинула голову. Его пальцы впивались в мои бедра, наверное, даже больно. Я не могла с уверенностью сказать, потому что всем существом сосредоточилась на медленных движениях внутри — не резких, но мучительно приятных, растягивающих наслаждение.

Соглашаясь на его предложение, я знала, была уверена — это будут прогулки над пропастью.

Неосторожный шаг — и можно сорваться вниз.

Волна всепоглощающего наслаждения пронеслась по телу. Мышцы сжались, силясь ухватить его, удержать, продлить. Я застыла натянутой струной, забыв, как дышать, забыв вообще все на свете.

И только потом, когда сильные руки опустили меня обратно, на подушки, в это краткое мгновение в воздухе я подумала — а что, если я уже лечу?..

Нет. У меня все под контролем. Почему? Потому что я так сказала!

Я расслабленно лежала на подушках, выравнивая дыхание. Шершавые мужские пальцы коснулись бедра, провели по влажной коже, кольнули иголочками магии, очищая. Тяжелая ладонь легла на живот. Кьер поцеловал грудь, прихватил сосок, оттянул, выпустил, лизнул — ленивая ласка, призванная привлечь мое внимание. Не открывая глаз, я запустила пальцы в копну жестких волос, взерошила их, погладила... и снова бессильно уронила ладонь. Нет, слишком хорошо, чтобы шевелиться.

— Эри.

Вот неугомонный. Отстаньте от леди, леди почивать изволит!

— Эри, если ты сейчас уснешь, то мне, конечно, не жалко, но я не уверен, что смогу внятно объяснить твоей драгоценной маменьке, как это произошло.

Аргумент.

С тяжелым вздохом и все так же не открывая глаз, я села и потянулась всем телом, до приятной боли в суставах.

— Вообще, кровать — это, конечно, приятное разнообразие! А то все ванны, столы...

— Скажи спасибо, что не чуланы. — Кьер остался полулежать и теперь с усмешкой смотрел на меня снизу вверх.

— Спасибо?! Да мое разочарование в тот день не знало границ!

Герцог неопределенно хмыкнул, но тему развивать не стал, вместо этого прищурился и произнес:

— Ну, рассказывай.

— Что? — недоуменно уточнила я, озираясь в поисках сорочки.

Полностью обнаженной под пристальным взглядом уже после занятий любовью я все еще чувствовала себя неловко, и отчаянно хотелось хоть чуть-чуть прикрыться. Как назло, противная тряпка будто испарилась.

— Что у тебя стряслось, — уточнил Кьер. — Я ни за что не поверю, что ты горько рыдала у меня на груди исключительно по вине леди Арундел.

Досадливо прикусив губу, я сползла с кровати и направилась в гардероб. Раз куда-то задевал мою одежду, пусть своей делится! И вообще. «Потом» в моем тогдашнем понимании означало «никогда», но что-то я сомневалась, что Кьер этим уточнением удовлетворится.

— Ты куда?..

Этот вопрос я тоже оставила без ответа, как несущественный. Вытащила из уже знакомого ящика свежую рубашку, просунула руки в длинные широкие рукава, закатала.

Что ему сказать? Правду?

Определенно, вмешательство герцога решило бы все мои проблемы с Арчи, как прошлые, так и те, что в перспективе. Но...

Я выправила волосы. Зябко запахнула ткань на груди.

Но. Но. Но.

Я не могла его об этом просить. Просто не могла. Потому что пришлось бы рассказать, какой я оказалась дурой тогда, восемь лет назад. Потому что мне было стыдно. Неприятно. Гадко. Что он подумает обо мне?

Я застегнула пуговицы. Пригладила растрепанные волосы, заплела их в свободную косу.

Прятаться больше причин не имелось, а со всех сторон правильное решение никак не находилось. Так что я вышла из гардеробной, кусая губы и терзаясь мучительными сомнениями.

Делать вид, что ему показалось и я действительно рыдала из-за этой леди в красном, не менее глупо. Она ведь и на самом деле так больно ударила по моему самолюбию только на фоне встречи с Арчи. Конечно, мысль о том, что рядом с Кьером скоро может оказаться какая-нибудь такая красотка, была неприятной. Но уж точно не до слез!

И герцог это прекрасно понимает...

Он лежал, так и не поменяв позы, и терпеливо ждал, пока я доварюсь в котле собственных мыслей.

Я забралась на кровать и легла рядом. Провела кончиками пальцев по едва заметным красным полосам на груди, которые сама же и оставила.

— У меня небольшие проблемы, — нехотя призналась я, не поднимая глаз и продолжая гладить царапины, словно надеялась их так затереть. — Из-за одного человека. Но я очень не хочу об этом говорить. Я попробую решить их сама, можно? И если не получится — все расскажу.

Я даже по дыханию — прервавшемуся на мгновение, с резким выдохом — могла сказать, что ответ Кьера не устроил. Но прежде, чем он попытался воззвать к моей совести, благородумию или еще чему я вскинула голову и, глядя ему в глаза, попросила:

— Пожалуйста.

Долго этого взгляда герцог не выдержал. Закатил глаза, махнул рукой и признал:

— Эрилин, ты просто невозможная. Ты вообще в курсе, что для женщины нормально — просить мужчину о помощи? Мальчика ей подари, а сама...

Я не стала слушать. Зачем? Просто прильнула к губам благодарным поцелуем.

Ну и немножко затыкательным, что уж...

— Теперь твоя очередь! — объявила я, выпрямившись и примерно сложив ладони на коленях. — Рассказывать!

— Вот этот весь спектакль сейчас считается за то, что ты мне что-то рассказала? — скептически уточнил герцог.

— Конечно! — уверенно подтвердила я. — Даже больше, чем нужно.

Глава департамента вместо того, чтобы быть собственно главой департамента и ввести коллегу в курс дела, продолжал нахально усмехаться.

— Ну, Кье-ер...

— Мне нравится, как это звучит в твоём исполнении. С таким прелестным провинциальным акцентом...

— Ах провинциальным!

Я демонстративно отвернулась и даже попыталась демонстративно встать. Миг — и вот я уже барахтаюсь в подушках, пытаюсь вывернуться из стальной хватки. Еще мгновение, и мужские губы целуют меня — властно, требовательно, ненасытно. Спускаются ниже...

Запустив пальцы в густую шевелюру, я мстительно дернула, заставляя оторваться, и тут же получила укусы в грудь. Правда, следом Кьер отстранился и с ухмылкой наблюдал, как я извиваюсь в подушках, пытаюсь принять более достойное положение. Лохматая, сопящая, растрепанная... леди, одним словом!

— Ты была права, — произнес он в ответ на мой сердитый взгляд. — Срыв четвертой степени. Найджел говорит, маг практиковал не менее пятнадцати лет, а то и больше.

Я воззрилась на герцога с удивлением. Все же самыми опасными для магов и их окружения были первые лет десять. Перевалив за этот рубеж, лишь единицы теряли контроль над магической силой. Более того, перепутать приближающийся срыв с чем-то другим опытный маг не мог. Вспомнить того же Майка — он чувствовал и знал, что с ним происходит, просто не хотел смириться. Учитывая тогдашнюю печать — неудивительно. А с новой почти все предпочитали просто запечатать готовый рвануть дар, нежели отсчитывать секунды до своей кончины... Что-то здесь у меня вызывало подозрения.

— Да. — Кьер будто читал мои мысли или же думал в том же направлении и кивнул своим. — Есть предположение, что это был не срыв, а выброс.

— Теракт? — с замиранием сердца уточнила я.

Выброс — по сути то же самое, что и срыв. Единомоментный слив всей накопленной в теле мага энергии в окружающее пространство. С теми же последствиями, чаще всего летальными. С единственной лишь разницей: выброс — процесс осознанный и запускаемый самим магом. Выброс в самом центре столицы? В двух шагах, условно, от королевского дворца? А за несколько дней до этого обнаруженное и разогнанное гнездо самоучек...

— Эдгар меня сожрет, — мрачно признал Кьер, укладываясь на кровать и пристраивая голову ко мне на колени. — Он не жрет меня прямо сейчас только потому, что его величество изволят дышать целебным сосновым воздухом Ирланского дворца.

— Ну... может, еще просто покусает? — с надеждой предположила я, проглотив первую скакнувшую на язык фразу: «Да ты-то тут при чем?»

Действительно, глава департамента по контролю магии категорически ни при чем, когда эта самая магия из-под контроля выходит!

— Еще скажи — отшлепает, — фыркнул герцог, требовательно боднул меня в живот, и я послушно принялась перебирать черные волосы, представляя, будто почесываю гриву огромного льва. А тот мурлычет и жалуется, что смотритель зоопарка ему хвост дверью прищемил...

Нет. У нас тут не зоопарк — цирк! Форменный.

— Что планируешь делать?

— Пока не знаю. Надо думать.

Чувствовалось, что это не просто отговорка, чтобы не обсуждать со мной дела государственной важности, и я успокаивающе провела рукой по его лбу, разглаживая хмурые морщины.

— Что у вас с Живодером? Давно нет вестей.

— Ничего. Нужен свежий труп, — уверенно заявила я. — А то моя гениальная версия подтверждения пока не находит!

— И создал Бог криминалистов... — трагически проворчал герцог. — Лично мне на фоне этих событий нужен маньяк, а не еще один труп! В крайнем случае — труп маньяка.

Мне оставалось только развести руками.

К дому я подъезжала затаив дыхание — а вдруг заметили отсутствие? Устроили головомойку Грею, и он, конечно, во всем сознался, посыпал голову пеплом и ушел в монастырь? А маменька теперь громогласно рыдает в постели, Марианна капает ей не семьдесят, а сто семьдесят капель, а отец заперся в кабинете, отказываясь верить, что вот этот сумасшедший дом — его почтенное семейство.

Но особняк виконта Рейвена встретил меня благословенной тишиной и темнотой, как и вся Молочная улица. Я тенью выскользнула из герцогской кареты, которая тут же тронулась с места, будто и не останавливалась. Нырнув в дом, я бесшумно прикрыла за собой дверь, повернулась, подобрав юбки, чтобы на цыпочках пройти по лестнице, и замерла.

На пороге своего кабинета стоял отец. В длинной ночной рубахе и старом колпаке с кисточкой, босиком и в очках. А напротив — я. Растрепанная, в мятом платье, с недвусмысленным красным следом на груди, за который Кьер был нещадно бит подушкой. Его, наверное, и не

было видно в темноте коридора, но я особенно остро его сейчас ощутила под этим отцовским взглядом.

Сложно сказать, сколько продлилась немая сцена. Но когда я наконец открыла рот, чтобы что-то сказать, еще даже не зная что, какое-то нелепое оправдание... отец повернулся ко мне спиной и скрылся в кабинете. Беззвучно притворилась дверь, тихонько провернулся в замке ключ.

Я постояла еще несколько мгновений, отчаянно кусая губы, и, ничего не придумав, принялась подниматься к себе.

Дьявол!

На душе сделалось гадко. Разом испарилась воздушная легкость, оставшаяся после прощания с Кьером, навалилась усталость и какое-то отчаяние.

Что ж, вечер оказался на диво богатым на эмоции...

Я прошлась по комнате, избавляясь от одежды, и взгляд упал на белый конверт, лежащий на столе. Очевидно, письмо пришло, когда мы уже отбыли на бал. Имя отправителя заставило меня встрепенуться и отодвинуть все душевные терзания подальше. Торопливо переодевшись в ночную сорочку, я забралась под одеяло и с хрустом надломилла сургучную печать с оттиском герба Ланландского всенаучного университета.

«Дорогая леди Эрилин!

Я спешу написать вам, чтобы снять со своей души хотя бы часть того долгового груза, который на ней висит. И в первую очередь хочу заметить, что ваш протезе проявляет себя с наилучшей стороны, несмотря на серьезные пробелы в теоретической базе, которые, впрочем, я надеюсь быстро восполнить.

Что же касается вашей скромной просьбы, то вот что мне удалось выяснить на сегодняшний день.

Господин Стэнли получил диплом артефактора в Высшей Карванонской магической школе, которую впоследствии перевели в ведомство нашего университета и переформировали в факультет магических наук. Несколько лет был учеником известного тогда в широких кругах артефактора, специалиста по печатям высшего класса. Затем открыл частную практику, совмещая ее с теоретическими исследованиями. Несколько его статей вызвали немалый ажиотаж, ему предлагали место в университете, но он отказался. Изобретение новой печати стало сенсацией для всего мира, никаких предпосылок для этого не имелось, несколько работ, которые велись в этом направлении другими артефакторами, провалились еще на теоретической стадии, а о том, что господин Стэнли в принципе занимался этим вопросом, никто даже не подозревал. Для всех знакомых с ним новость была абсолютным шоком, но высочайшую секретность изобретателя легко объяснить уникальностью разработки.

К вопросу о дефектах речи — оными Стэнли не обладал. Однако мне удалось выяснить, что шепелявил его ученик и, если верить источникам, самый близкий и преданный друг — профессор Дин. В отличие от своего учителя, он читал лекции на кафедре артефактики. Коллеги отзываются о нем высоко, хоть все и солидарны во мнении, что по уровню знаний учителю он все же уступал. Талант практика в нем был сильнее, нежели теоретика. После представления новой печати широкой публике именно он, в качестве представителя своего учителя, проводил демонстрационные испытания на добровольцах, которые, к слову сказать, прошли без единой осечки, благодаря чему печать и сумела распространиться столь стремительно.

Что же касается остального дружеского и родственного окружения многоуважаемого изобретателя, то, как я уже упоминал, в связи с его замкнутым образом жизни оно было не столь обширно. Ученик у него был один. С коллегами по ремеслу и науке он не особенно контактировал. Женат не был. Сам родом из уважаемого семейства, состоявшего в родстве с маркизом Тансендом.

На этом, дорогая леди Эрилин, у меня пока все. Но я остаюсь в полном вашем распоряжении для любой дополнительной информации.

С наилучшими пожеланиями,
профессор Роджер Блайнт».

Я перечитала письмо трижды, заставляя прийти в движение заржавевшие от вина и усталости винтики и шестеренки мозга. Все равно не усну, а если и лягу, буду думать о том, о чем лучше не стоит. Так что надо загрузить голову куда более полезными размышлениями.

Что мы имеем? Отшельника-изобретателя, шепелявящего ученика, официальные испытания, безукоризненно прошедшие уже после заявления об открытии.

В свете рассказанного старой ведьмой картина вырисовывалась простая и ясная.

Стэнли изобретает новую печать, но не желает представлять ее широкой публике, не убедившись в ее эффективности. Причины? Да бог с ними, их может быть сотня, начиная от нежелания выглядеть идиотом и растерять авторитет, если разработка окажется провальной, заканчивая боязнью конкуренции. Учитывая революционность идеи, именно это меня ни капельки не удивляет.

Дальше. Стэнли — теоретик Дин — шепелявящий практик, к тому же профессор. На его плечи ложится задача собственно провести испытания печати на добровольцах. Тайно. Все они наверняка, как и Майк, — из низов. Те, кого, если что, не хватятся. А если и хватятся, то не будут искать — полиции больше заняться, можно подумать, нечем.

Я уверена, за подопытными наблюдали. Но так, издалека, все же человеческие ресурсы у артефактора были ограничены. Да и поначалу все шло хорошо. А потом запечатанные стали убивать. Старуха сказала, что людей не только жгли, они умирали по-разному, значит, разум помутился не только у Майка, а и у других добровольцев, просто дело сумели замять.

А замять его сумели, потому что...

Я задумчиво посмотрела на ровную капельку свечного огня, разгладила лежащие на коленях листы письма, еще раз пробежалась глазами по каллиграфическому почерку. «Из уважаемого семейства, состоявшего в родстве с маркизом Тансендом...» Интересно, кто был главой департамента тридцать лет назад? Родственные связи многие проблемы решают, особенно те, которые могут бросить тень на репутацию семьи. Нужен ли маркизу Тансенду был родственник, ради «прихоти» положивший пару десятков человек? Сомневаюсь. Вот гениальный изобретатель — куда больше.

Если предположить, что сверху тихонечко подсуетились, прикрыли дела, повесили их все на одного, которого заранее устранили... впрочем, устранили, без сомнений, не только Майка, а всех подопытных. Все, дела закрыты, отправлены в архив, где и почивали бы до скончания времен, если бы не один стажер с пытливым умом, запомнивший странные магические показатели.

Стэнли погрозили пальчиком — ай-яй-яй, не делай так больше. И два года он убил на то, чтобы выявить оплошность в расчетах и исправить ее. В результате мы имеем изобретение мирового масштаба и испытания, не выявившие погрешностей. А что за всем этим возвышается горка трупов — дело уже десятое...

А ведь наверняка была еще и вторая волна тайных испытаний, после исправления дефекта. На сей раз — успешных. Повезло.

Глаза слипались. Насыщенный вечер наконец-то допил все ресурсы моего организма: физические, эмоциональные и умственные. Я отложила письмо на тумбочку, задула свечу, сползла по подушкам вниз.

Проваливаясь в сон, я все крутила выстроившуюся картину прошлого и думала о том, что надо будет все-таки узнать наверняка, кто тогда занимал руководящие должности в департаменте и имел ли он связь со Стэнли или маркизом Тансендом. О том, что надо будет узнать, остался ли кто-то из участников той далекой истории в живых. О том, что за великими деяниями порой скрываются великие преступления. О том, как поступила бы на месте Стэнли я...

Была еще одна мысль. Она заманчиво крутилась на самых задворках сознания, но усталый мозг был не в состоянии ее сформулировать и выдвинуть вперед.

Оставалось лишь ощущение, что я упускаю что-то очень важное.

Вне роли
ЭПИЛОГ

Впервые его величество король Эдгар VII услышал имя леди Эрилин Рейвен, когда его светлость герцог Тайринский упомянул о ней на одном из советов в узком королевском кругу. Мол, реформа образования, открывающая женщинам доступ в университеты, имела самый благоприятный эффект: лучшей из явившихся на конкурс кандидатур оказалась дама. Мало того что дама — леди! Ваше величество, подданные вам рукоплещут.

На рукоплескания он тогда поморщился, потому что, во-первых, реформу из него выжали чуть ли не силой, и дал согласие он на нее только в расчете, что, получив эту подачку, дамы утомятся и отправятся грызть гранит науки вместо монаршего мозга, но жадным бабам оказалось все мало. Они вспомнили про право голоса и право на магию, а уж позволить им это будет просто возмутительно. Стать настолько толерантным и просвещенным монархом его величество был не готов.

А во-вторых, на память Эдгар VII тоже не жаловался, более того, он ею искренне гордился и прекрасно помнил если не леди Рейвен, то ее отца, который по факту чуть ли не спонсировал королевский переворот. У хорошей памяти была обратная сторона — обиды его величество тоже помнил долго.

И, конечно же, это случайное упоминание он никак не сопоставил с тем, что некоторое время спустя баронесса Двейн, гордо носившая почетное звание любовницы герцога, получила у того отставку. Леди бурно переживала, ее супруг, королевский архивариус, открыто злорадствовал, дамы двора выстраивались в линейку и нетерпеливо переглядывались, ожидая, на кого падет следующий выбор главы департамента. Воздух наполнился томными взглядами и трепетанием вееров. Но, увы, герцог с выбором не торопился, а дисциплина у дам двора была не та, что у гвардейцев караула, — постояли-постояли и разошлись, недоуменно и брезгливо пожимая плечами: актриску какую себе поди нашел. «Фи!» — думали леди. «Правильно», — думали мужчины. Проблем с ними меньше. И трат.

А королева тогда изволили намекнуть, что его светлости пора бы в гулянках уже и честь знать и озаботиться созданием семьи и рождением наследника. Но королева на тот момент была глубоко в положении, ни о чем, кроме наследников и всеобщего семейного счастья, думать уже не могла, поэтому Эдгар милостиво и снисходительно решил — пусть еще погуляет. Женщины — это, конечно, прекрасно, но в строго дозированных количествах. Так что пусть лучше Тайрин проблемы его величества в юрисдикции департамента решает, чем свои семейные.

Второй раз имя леди Эрилин Рейвен всплыло несколькими неделями позже, в связи с катастрофой-крушением лестренжского поезда, едва не лишившей его величество друга, главы департамента и ценного брачного материала. Но герцог остался в живых, виновные понесли строжайшие наказания, а подвиг отважных лорда и леди, спасавших раненых наравне с простыми смертными, пару дней воспевали в газетах, да так красочно, что королева, все еще в положении, а потому до невозможности сентиментальная, потребовала узнать о героической девушке побольше и чуть ли не представить к награде. Так король и выяснил, что семейство Рейвен вернулось в столицу — «Это уже столько лет прошло? Стареем, стареем...» — что виконт отчаянно сражается с бедственным финансовым положением и даже потихонечку выигрывает эту битву, что виконтесса бьется за семейную репутацию, а их дочь старательно ее оскандаливает, являя собой пример порядочной, умной, благородной, но отвратительно независимой женщины.

Тогда его величество, как и положено истинному монарху, подумал сразу о нескольких важных вещах. О том, что надо бы дать указание тайной службе все же краем глаза присмотреть за виконтом — раз. Что зря он провел этот закон, а леди Эрилин Рейвен дурно влияет на состояние женских умов — два. И что надо подменить газеты в королевской опочивальне на модные журналы — три.

Но едва ли в тот момент он подумал о том, что очень уж любопытно герцог и леди оказались в одном вагоне. А зря.

Долгое время после этого монарху прекрасно жилось и без имени отважной леди Рейвен на слуху. Хотя, если бы у его величества была возможность выбирать, он предпочел бы иметь дело с одной леди, нежели с толпой обозленных магов, шастающих по улицам столицы, прячущихся в подпольях и — кто знает? — может быть, даже организовывающих кровавый бунт. И это не говоря уже о хладнокровном убийце, скрывающемся в тених и угрожающем благополучию жителей столицы, а соответственно и королевским нервам. А герцог Тайринский, вместо того чтобы решить эти проблемы раз и навсегда, только расстраивал его величество очередными

печальными докладами. И это после того, как они, король, великодушно позволили ему наслаждаться холостяцкой жизнью! Что было особенно великодушно в свете счастливо разродившейся, между прочим, королевы, которая теперь могла говорить только о младенцах. А потом имя леди Эрилин Рейвен всплыло в третий раз, уж вовсе в неожиданный момент и в еще более неожиданном разговоре. Когда глава тайной службы, сидя с почтенным монархом у камина за рюмочкой превосходного коньяка, поведал в рамках сугубо мужской беседы, что знает, кто нынче согревает герцогскую постель, лихо обойдя и придворных красавиц, и дам полусвета. Более того, согревает давненько и исключительно единолично, лишив герцогских любимиц из квартала развлечений нерегулярного, но щедрого заработка. Тогда-то его величество и пришел к суровому выводу: надо женить. Раз уж герцог по незамужним дамам высшего света пошел, да еще и всерьез — точно надо. Права была королева, хоть и находилась тогда в положении!

У его величества даже имелась во всех отношениях подходящая партия — красива, умна, родовита и богата, не чета всяким дочкам опальных виконтов. Герцог женится — и имя леди Эрилин Рейвен больше никогда не потревожит монарший слух. Ведь так решил его величество король Эдгар VII!

Примечания

1

Главная площадь столицы, на которой сейчас казнят совершивших преступление против короны, а раньше сжигали ведьм.

2

Анлиссия

— восточная страна, славящаяся в первую очередь ткацкими и фарфоровыми изделиями.

3

Королевство к югу от Ланланда, через Акулье море.

4

Лапландская серебряная монета. В одном солите 12 бронзовых минок, а 20 соликов можно обменять на один золотой толл.

5

